

Ибероамериканские тетради —→ №03

Том VIII
2020

ISSN (Print) 2409-3416
ISSN (Online) 2658-5219

Cuadernos Iberoamericanos

Ибероамериканские тетради

• №03

ISSN (Print) 2409-3416
ISSN (Online) 2658-5219
DOI: 10.46272/2409-3416-2020-8-3

Том VIII
2020

В научном журнале рассматриваются тенденции
и перспективы политического и экономического развития
Иberoамериканского региона.

Издается с 2013 г.

Выходит 4 раза в год.

→ Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Московский
государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

→ Главный редактор

Габарта Анджей Артурович

→ Заместитель главного редактора

Попов Иван Владимирович

→ Редакторы выпуска

Неклюдов Никита Яковлевич
Павлов Владимир Владимирович
Самойловская Наталия Александровна
Ткач Дмитрий Николаевич

Компьютерная верстка: Талалаевский Алексей Владимирович
Дизайн: Левицкая Вероника Евгеньевна

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

© ИМИ МГИМО МИД России, 2020

www.iberpapers.org
submissions@iberpapers.org

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-78906 от 7 августа 2020 г.

ISSN (Versión papel) 2409-3416
ISSN (Electrónico) 2658-5219
DOI: 10.46272/2409-3416-2020-8-3

Vol. VIII
2020

La revista se dedica al estudio de las tendencias
y perspectivas del desarrollo político y económico
de la región iberoamericana.

Año de creación: 2013.

Periodicidad: 4 números al año (trimestral).

→ Fundador

Instituto Estatal de Relaciones Internacionales de Moscú
adjunto al Ministerio de Asuntos Exteriores de la Federación
de Rusia (Universidad MGIMO)

→ Presidente del Consejo Editorial

Andrzej A. Habarta

→ Vicepresidente del Consejo Editorial

Ivan V. Popov

→ Redacción

Nikita Y. Neklyudov
Vladimir V. Pavlov
Natalia A. Samoylovskaya
Dmitry N. Tkach

Diseño editorial: Alexey V. Talalayevskiy

Diseño: Veronica E. Levitskaya

Esta revista es indizada por el Índice de Citación Científica de Rusia

Iberoamerikanskije tetradi
ISSN (Print) 2409-3416
ISSN (Online) 2658-5219
DOI: 10.46272/2409-3416-2020-8-3

Vol. VIII
2020

The academic journal focuses on important trends and scenarios of political and economic development of the Iberoamerican region.
Established in 2013.
Published on a quarterly basis.

→ Founder

Federal State Autonomous Institution of Higher Education
"Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation"

→ Editor-in-Chief

Andrzej A. Habarta

→ Deputy Editor-in-Chief

Ivan V. Popov

→ Editors

Nikita Y. Neklyudov
Vladimir V. Pavlov
Natalia A. Samoylovskaya
Dmitry N. Tkach

Desktop Publishing: Alexey V. Talalayevskiy
Design: Veronica E. Levitskaya

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index

© IIS, MGIMO University, 2020

www.iberpapers.org
submissions@iberpapers.org

Mass Media Registration Certificate
ПМ No. FS77-78906 of August 7, 2020

Международный редакционный и научно-экспертный совет

Л.С. Окунева, доктор исторических наук, МГИМО МИД России, председатель Совета

А.А. Габарта, кандидат экономических наук, МГИМО МИД России, главный редактор

И.В. Попов, кандидат исторических наук, МГИМО МИД России, заместитель главного редактора

У. Александро Санчес, Американский университет, США

Н.Е. Анিকেва, доктор исторических наук, МГИМО МИД России

П. Ботта, доктор международных отношений, Католический университет Аргентины

А.Х. Верду-Ховер, доктор экономических наук, Университет Мигеля Эрнандеса, Испания

О.В. Волосюк, доктор исторических наук, НИУ ВШЭ

Р. Гусман Тирадо, доктор филологии, Университет Гранады, Испания

В.М. Давыдов, член-корреспондент РАН, ИАП РАН

Д.А. Дегтерев, доктор политических наук, кандидат экономических наук, РУДН

А.Л. Дюффе Монтальбан, доктор филологии, Университет Ренн 2, Франция

Х. Касальс Льяно, доктор экономики, Высший институт международных отношений им. Рауля Роа Гарсиа МИД Кубы

М.В. Ларионова, кандидат филологических наук, МГИМО МИД России

Б.Ф. Мартынов, доктор политических наук, МГИМО МИД России

О.А. Масалова, кандидат исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет

М.П. Молоезник, доктор юридических наук, Университет Гвадалахары, Мексика

Х. Моралес Эрнандес, доктор международных отношений, Мадридский университет Комплутенсе, Испания

Р. дель Мораль, доктор филологии, Президент Европейской ассоциации преподавателей испанского языка, Испания

Х. де Ойос Пуэнте, доктор географии и истории, Национальный университет значащего обучения, Испания

А.А. Орлов, кандидат исторических наук, МГИМО МИД России

К. дель Прадо Игера, доктор истории, Университет Короля Хуана Карлоса, Испания

И.Л. Прохоренко, доктор политических наук, ИМЭМО РАН

Э. Сан Мигель Перес, Университет Короля Хуана Карлоса, Испания

А. Санчес-Андрес, доктор экономики, Университет Валенсии, Испания

К. Уриарте Санчес, доктор юридических наук, Университет Короля Хуана Карлоса, Испания

П.А. Фернандес Санчес, доктор юридических наук, Университет Севильи, Испания

В.Л. Хейфец, доктор исторических наук, СПбГУ

Л.С. Хейфец, доктор исторических наук, СПбГУ

С.М. Хенкин, доктор исторических наук, МГИМО МИД России

А.В. Шестопап, доктор философских наук, МГИМО МИД России

Consejo Internacional de Expertos Científicos

Presidenta del Consejo Académico Internacional **Dra. L. Okuneva** (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Presidente del Consejo Editorial **Dr. A. Habarta** (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Vicepresidente del Consejo Editorial **Dr. I. Popov** (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

W. Alejandro Sanchez (Universidad Americana, Estados Unidos)

Dra. N. Anikeeva (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dr. P. Botta (Universidad Católica Argentina)

Dr. J. Casals Llano (Instituto Superior de Relaciones Internacionales "Raúl Roa García", Cuba)

Miembro-Correspondiente de la Academia de ciencias de Rusia **V. Davydov** (Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia)

Dr. D. Degterev (Universidad RUDN, Federación de Rusia)

Dra. A.L. Duffé Montalván (Universidad Rennes 2, Francia)

Dr. P.A. Fernández Sánchez (Universidad de Sevilla, España)

Dr. R. Guzmán Tirado (Universidad de Granada, España)

Dr. J. de Hoyos Puente (Universidad Nacional de Educación a Distancia, España)

Dr. L. Jéifets (Universidad Estatal de San Petersburgo, Federación de Rusia)

Dr. V. Jéifets (Universidad Estatal de San Petersburgo, Federación de Rusia)

Dr. S. Khenkin (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dra. M. Larionova (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dr. B. Martynov (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dra. O. Masalova (Universidad Federal de Kazán, Federación de Rusia)

Dr. M.P. Moloeznik (Universidad de Guadalajara, México)

Dr. R. del Moral (Presidente, Asociación Europea de Profesores de Español, España)

Dr. J. Morales Hernández (Universidad Complutense de Madrid, España)

Dr. A. Orlov (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dra. C. del Prado Higuera (Universidad Rey Juan Carlos de Madrid, España)

Dra. I. Prokhorenko (Instituto de Economía Mundial y Relaciones Internacionales de la Academia de Ciencias de Rusia)

Dr. E. San Miguel Pérez (Universidad Rey Juan Carlos de Madrid, España)

Dr. A. Sánchez-Andrés (Universitat de València, España)

Dr. A. Shestopal (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dr. C. Uriarte Sánchez (Universidad Rey Juan Carlos de Madrid, España)

Dr. A.J. Verdú-Jover (Universitat Miguel Hernández, España)

Dra. O. Volosyuk (Universidad ESE, Federación de Rusia)

International Editorial and Expert Advisory Board

President of the Board **Dr. L. Okuneva** (MGIMO University, Russian Federation)

Editor-in-Chief **Dr. A. Habarta** (MGIMO University, Russian Federation)

Deputy Editor-in-Chief **Dr. I. Popov** (MGIMO University, Russian Federation)

W. Alejandro Sanchez (American University, USA)

Dr. N. Anikeeva (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. P. Botta (Catholic University of Argentina)

Dr. J. Casals Llano (Higher Institute of International Relations "Raúl Roa García", Cuba)

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences **V. Davydov** (Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences)

Dr. D. Degterev (RUDN University, Russian Federation)

Dr. A.L. Duffé Montalván (University Rennes 2, France)

Dr. P.A. Fernández Sánchez (University of Sevilla, Spain)

Dr. R. Guzmán Tirado (University of Granada, Spain)

Dr. J. de Hoyos Puente (National University of Distant Education, Spain)

Dr. L. Jéifets (Saint-Petersburg State University, Russian Federation)

Dr. V. Jéifets (Saint-Petersburg State University, Russian Federation)

Dr. S. Khenkin (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. M. Larionova (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. B. Martynov (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. O. Masalova (Kazan Federal University, Russian Federation)

Dr. M.P. Moloeznik (University of Guadalajara, Mexico)

Dr. R. del Moral (President, European Association of Professors of Spanish, Spain)

Dr. J. Morales Hernández (Complutense University of Madrid, Spain)

Dr. A. Orlov (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. C. del Prado Higuera (King Juan Carlos University, Spain)

Dr. I. Prokhorenko (Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences)

Dr. E. San Miguel Pérez (King Juan Carlos University, Spain)

Dr. A. Sánchez-Andrés (University of Valencia, Spain)

Dr. A. Shestopal (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. C. Uriarte Sánchez (King Juan Carlos University, Spain)

Dr. A.J. Verdú-Jover (Miguel Hernández University, Spain)

Dr. O. Volosyuk (HSE University, Russian Federation)

Содержание • Índice

Бразилия в поиске новой парадигмы • Brasil en busca de un nuevo paradigma

→ **7** От главного редактора • Presentación

Международные отношения • Relaciones internacionales

→ **10** **Wilder Alejandro Sánchez**
La política exterior de Brasil y la eterna búsqueda de la integración latinoamericana

Уайлдер Алехандро Санчес
Внешняя политика Бразилии и вечное стремление к латиноамериканской интеграции

→ **24** **Maurício Santoro**
China in Latin America in the 21st century

Маурисио Санторо
Политика Китая в Латинской Америке в XXI веке

→ **35** **Марселу Безерра**
Дипломатия Жаира Болсонару: демонтаж традиционной бразильской внешней политики

Marselo Bezerra
Jair Bolsonaro's diplomacy: dismantling traditional foreign policy of Brazil

Политика • Política

→ **43** **Martín Pizzi, Martín Rodríguez Ossés**
Brasil y los viejos rostros de la derecha

Мартин Пицци,
Мартин Родригес Оссес
Бразилия и «старые знакомые» из правого лагеря

История • Historia

→ 54

С.А. Русеишвили

Русская иммиграция в Бразилию в первой половине XX века: миграционные пути и модели адаптации

Svetlana Ruseishvili

Russian immigration to Brazil in the first half of the 20th century: migration routes and adaptation patterns

Португалия в XXI веке • Portugal en el siglo XXI

→ 74

Petr Yakovlev

Fórmula de crecimiento: la economía portuguesa después de la Revolución de los Claveles

П.П. Яковлев

Формула роста: экономика Португалии после «Революции гвоздик»

→ 89

Н.М. Яковлева

Португалия в преддверии президентских выборов

Nailya Yakovleva

Portugal on the eve of presidential elections

Рецензии • Revisión

→ 101

Н.Ю. Кудеярова

Каудильизм в Латинской Америке: возвращение после забвения

Nadezhda Kudayarova

Caudillism in Latin America: a comeback from oblivion

→ 108 **Для авторов • Para los autores**

Уважаемые читатели,

Представляем Вашему вниманию третий номер журнала «Иberoамериканские тетради» за 2020 год. Этот номер также является тематическим – он посвящен Бразилии и Португалии.

Несмотря на то, что за последние два столетия судьбы этих стран складывались по-разному, их культурная и историческая близость, а также языковая общность позволяют нам таким образом объединить их. Большое внимание уделено политическим процессам в Бразилии, в том числе «правому повороту».

Бразилия – относительно молодое государство, чья независимость была обретаена два столетия назад. За этот период времени из отсталой аграрной страны Бразилия стала одним из экономических лидеров в Латинской Америке. Пройденный путь был тернист и противоречив.

В 1985 г. на смену военному режиму пришло демократическое правительство. В период нахождения у власти Луиса Инасиу Лулы да Силвы и его преемницы Дилмы Руссефф (2003–2016) удалось преодолеть дисбалансы, вызванные прежним неолиберальным курсом. Левые правительства частично разрешили проблему социального расслоения и придали динамизм экономическому развитию.

Вместе с тем, победа на президентских выборах правого политика Жаира Болсонару в конце 2018 г. свидетельствовала, что в Бразилии нет консенсуса относительно модели дальнейшего развития. Начавшийся еще ранее так называемый правый поворот поставил под вопрос достижения предыдущих правительств и политический курс, которому следовала Бразилия на международной арене. В представленном номере латиноамериканские авторы «Иberoамериканских тетрадей» (Марселу Безерра, Мартин Пицци, Мартин Родригес Оссес и Уайлдер Алехандро Санчес) пытаются проанализировать причины этого поворота, осмыслить происходящие изменения в политической и экономической сферах. В предыдущие десятилетия Бразилия стремилась проводить самостоятельную политику, делая упор на интеграцию в регионе Южной Америки. С приходом Жаира Болсонару произошел разворот в сторону США.

Другой актуальной темой региона являются изменения в географической структуре торговли. К традиционным партнерам – США и странам Западной Европы – добавились новые – страны Азиатско-Тихоокеанского региона, среди которых ведущую роль играет Китай. Возрастание роли КНР во внешнеэкономических связях Латинской Америки является важной темой для исследования, особенно в отношении Бразилии, где ставка во внешней политике делается теперь на сотрудничество с США. Актуален вопрос о том, как смена внешнеполитического курса влияет на двусторонние бразильско-китайские экономические отношения. Ответ на этот вопрос попытался дать наш автор Маурисио Санторо из Федерального университета Рио-де-Жанейро.

На рубеже XIX–XX вв. Бразилия была одним из центров притяжения эмигрантов в Латинской Америке. В XX в. к переселенцам из Италии и стран Иберийского полуострова присоединились вынужденные эмигранты из России. Эта проблематика является актуальной еще и потому, что в 2021 г. исполняется 100 лет с момента прибытия в Сан-Паулу первых представителей белой эмиграции. Ее особенности в Бра-

зилии в первой половине XX в. анализирует С.А. Русеишвили. Автор рассматривает три основные волны русскоязычной иммиграции. Первая – 1921–1930 гг. – солдаты и офицеры Русской армии (Крымской армии П.Н. Врангеля), переселение русскоязычных крестьян с юго-западных окраин бывшей Российской Империи, а также миграция «нансеновских» беженцев из Европы. Под второй волной понимается переселение русскоязычных беженцев и перемещенных лиц после Второй мировой войны. Под третьей – переселение русских из Китая после 1949 г. Автор опирается на источники из государственных и частных архивов, такие как русскоязычные периодические издания в Бразилии, нормативные акты местного правительства, а также интервью с потомками русских эмигрантов.

В третьей четверти XX в. Португалия после длительного периода корпоративного государства, приступила к смене своей политической и социально-экономической парадигмы. Этот феномен получил название «революция гвоздик». П.П. Яковлев, известный специалист из ИЛА РАН, в статье «Формула роста: экономика Португалии после “Революции гвоздик”» анализирует изменения, произошедшие в экономике и социально-политической сфере. Четыре с половиной десятилетия – достаточный период, чтобы подвести итоги и определить, какое место смогла занять Португалия в современном международном разделении труда, как эволюционировала португальская экономика и что является драйвером ее экономического роста на современном этапе.

Автор приходит к выводу, что «Португалия в целом органично вписалась в систему мирохозяйственных связей, заняла достойное место в глобальном разделении труда», но при этом ее экономика регулярно подвергается тесту на выживание. Экономический кризис 2008–2009 гг. выявил слабые стороны национальной экономической модели, которые в сочетании с политическими трудностями отбросили Португалию «практически по всем ключевым макроэкономическим показателям» назад. В 2010-х гг. стране удалось преодолеть кризисные явления и выйти на траекторию устойчивого экономического роста, однако уже спустя десятилетие экономика столкнулась с вызовом пандемии COVID-19.

Тему португальских исследований в нашем журнале продолжает известный португалист Н.М. Яковлева, которая в статье «Португалия в преддверии президентских выборов» анализирует результаты нахождения у власти левого правительства под руководством Антониу Кошты. В статье рассмотрен электоральный процесс 2017–2019 гг., показана «динамика укрепления позиций Соцпартии от выборов к выборам», в том числе на выборах в местные органы власти и в Европейский парламент, включая выборы 2019 г. Пандемия COVID-19 нанесла серьезный урон не только португальской экономике, но и социальной сфере. Автор описывает проблемы системы здравоохранения и программу властей по предотвращению распространения коронавируса. Показаны и экономические последствия пандемии, особенно для тех отраслей, которые пострадали в наибольшей степени, в частности туристической отрасли.

В представляемом читателям номере журнала опубликована рецензия Н.Ю. Кудеяровой на книгу известного российского латиноамериканиста Э.С. Дабагяна «Венесуэла: движение по спирали», вышедшую в свет в 2020 г. Главной темой книги стал один из специфических феноменов жизни латиноамериканских стран – каудильизм. На протяжении XX – начала XXI в. в Венесуэле происходило непрекращающееся противостояние двух моделей – авторитаризма и демократии. На при-

мере различных этапов политической истории страны автор рассматривает общие черты каудильизма и особенности его развития. Рассмотрение феномена каудильизма на примере Венесуэлы создает новую оптику для анализа современных политических режимов.

В следующем, четвертом, номере «Иberoамериканских тетрадей» мы продолжим обсуждение актуальных региональных тем. Он будет посвящен Кубе.

Желаем Вам приятного знакомства с журналом!

А.А. Габарта, главный редактор

Международные отношения • Relaciones internacionales

La política exterior de Brasil y la eterna búsqueda de la integración latinoamericana

Wilder A. Sánchez

→ Resumen

Brasil ha sido históricamente considerado el estado líder de América Latina por su nivel de desarrollo, tamaño económico, poder militar y su ambiciosa política exterior. Estas posiciones se fortalecieron durante la presidencia de Lula da Silva y Dilma Rousseff, quienes durante su mandato apoyaron la integración latinoamericana (particularmente a través de la creación de bloques como UNASUR y CELAC) y disminuyeron la influencia histórica de Washington en el hemisferio occidental. La situación ha cambiado drásticamente con la llegada al poder del presidente Jair Bolsonaro, un firme defensor de la política de los Estados Unidos en general (y del presidente Donald Trump en particular), lo que ha afectado significativamente el desempeño de Brasil en la región. A partir del análisis de aspectos específicos de la política interna y externa, el autor llega a las conclusiones sobre cómo han cambiado las perspectivas de Brasil en calidad de participante (o incluso como el motivador clave) en los procesos de transformación en la región. Brasil ya no se percibe como el núcleo de las iniciativas de integración regional, sino más bien como un estado separado que se preocupa por sus propios intereses. La crisis económica en Brasil y la estrategia de Bolsonaro (o la falta de ella) con respecto a la pandemia de COVID-19 han afectado negativamente la imagen de Brasil. Por otra parte, América Latina se caracteriza en general por tener un enfoque ambiguo en lo que respecta a los intentos de integración, ya que los gobiernos actúan como guardianes celosos de la soberanía nacional. En este sentido, a pesar de algunos proyectos de cooperación regional de desarrollo exitosos, el surgimiento en América Latina de una organización supranacional similar a la Unión Europea – es un sueño. Tal conclusión no necesariamente tiene una connotación negativa, ya que las asociaciones latinoamericanas (y caribeñas) no necesitan de la supranacionalidad para ser efectivas, sin embargo demuestra los límites de las aspiraciones de integración en la región.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-10-23>

Artículo de investigación

Wilder Alejandro Sánchez, analista de temas de defensa y geopolítica en el hemisferio occidental y las Regiones Post-Soviéticas, Universidad Americana (Estados Unidos)

E-mail:

wilder.a.sanchez@gmail.com

Para la correspondencia:

DC 20016, USA, Washington, D.C., P.O. Box 9747

Para citar: Sánchez, Wilder Alejandro. "La política exterior de Brasil y la eterna búsqueda de la integración latinoamericana" [Brazil's foreign policy and the eternal quest for Latin American integration]. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 3 (2020): 10-23. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-10-23>. [In Spanish]

El artículo fue recibido por los editores: 16.12.2020

Aceptado para publicación: 14.01.2021

→ Palabras clave

Brasil, América Latina, Caribe, Cooperación Sur-Sur, geopolítica, supranacionalismo, integración

Declaración de divulgación: El autor no informó de ningún posible conflicto de intereses.

La nueva década encuentra al proceso de integración Latinoamericano estancado. Desde hace ya varios años, las iniciativas para crear una comunidad regional se han detenido. Las razones que explican esta realidad son varias: las diferentes visiones e intereses de gobiernos regionales con respecto a la situación en Venezuela, las crisis económicas, los cambios de gobierno, la protección de la soberanía nacional, las ocasionales tensiones entre diferentes países y, hoy en día, la pandemia del Coronavirus (Covid-19).

Una importante razón por la que no se han producido mayores avances en la región es la falta de liderazgo.

Históricamente, la República Federativa de Brasil (República Federativa do Brasil, en portugués) se ha visto a sí misma como el tradicional y de facto líder de Latinoamérica. Sin embargo, a pesar de tener un rol muy activo en la política regional y global durante y después de la Guerra Fría, especialmente en la primera década de siglo veintiuno, los problemas económicos y políticos que han afectado al país en años recientes, han cambiado drásticamente los objetivos geopolíticos de Brasilia.

Al intentar predecir el futuro, podemos argumentar que no sólo el proceso de integración entre las naciones Latinoamericanas va a continuar estancado; sino que también es claro que durante el gobierno de Jair Bolsonaro, actual presidente de Brasil, dicho país no va a ser un impulsor de la cooperación Sur-Sur. Esta situación significa la pérdida de una gran oportunidad para que, en esta nueva versión del Gran Juego (es decir, la competencia de los grandes poderes globales)¹ y después que pase la pandemia del Coronavirus, Latinoamérica pueda llegar a ser un actor relevante al actuar como un bloque unido.

Sin duda alguna, Brasil va a continuar siendo una potencia económica, militar y diplomática en Latinoamérica. Sin embargo, los días en que este país era visto como el eje de la integración regional han quedado en el pasado.

La doctrina del destino manifiesto de Brasil

Históricamente, la República de Brasil se ha visto como un país “diferente” al resto de países de Latinoamérica, dadas sus aspiraciones no sólo regionales sino también globales. Podemos atribuir esta ideología y visión a la expansión del país durante el siglo 19 y a personajes como José María da Silva Paranhos Jr., Barón de Rio Branco (1845-1912), Ministro de Relaciones Exteriores entre 1902 y 1912, considerado como el padre de la diplomacia brasilera. Durante dicho largo periodo, Brasil expandió su territorio a través de exitosas guerras y tratados con países vecinos, como por ejemplo la Guerra de la Triple Alianza (1864-1870) o el Tratado de Petrópolis con Bolivia en 1903.

Hoy en día, a pesar de sus problemas políticos y económicos, de los que luego hablaremos, Brasil sigue siendo visto como una potencia regional. Sólo hace falta ver un mapa para entender a qué nos referimos. El país es el más grande de Latinoamérica, y sus fronteras bordean a todos los países Sudamericanos excepto a Chile y Ecuador. Además, Brasil, tiene una población de alrededor de 210 millones de ciudadanos, haciéndola el quinto país más poblado del planeta. El país regional que lo sigue sería México, con 129 millones de ciudadanos, y luego Colombia, con casi 50 millones.

Sus industrias son algunas de las más desarrolladas en la región, ya que incluyen a la empresa aeronáutica EMBRAER, la empresa de armas Taurus, la compañía de petróleo Petrobras, la empresa de procesamiento de comida JBS, entre otras. También tiene bancos mundialmente reconocidos como Itau Unibanco, Banco Bradesco y Banco do Brasil.

1 “Great Power Competition” en inglés.

El país cuenta con una fuerte industria manufacturera, que construye automóviles, aviones, acero, además de tener abundantes recursos naturales, como productos agrícolas y yacimientos de petróleo. Brasil también es el mayor productor de café en el mundo.

Aunque Brasil no reclama territorio de la Antártida (a diferencia de Argentina y Chile), el país tiene un importante programa en el continente helado, PROANTAR. En el 2019 el gobierno brasileiro re-inauguró una base, que fue parcialmente destruida en el 2012, y está en proceso de obtener un nuevo buque con capacidad polar para reforzar su programa Antártico. Esto es significativo ya que demuestra el interés de Brasil en expandir su influencia más allá del continente y ser reconocido como un país antártico. Brasil también tiene el centro espacial Alcántara, de donde se lanzan cohetes al espacio. Esto hace que dicho país tenga un programa espacial de clase mundial, a comparación de otros países, cuyos programas espaciales son pequeños o casi inexistentes (con algunas excepciones).

Asimismo, es importante mencionar a la industria de defensa brasileira, ya que Brasil actualmente desarrolla un robusto programa de energía nuclear. Hoy en día la armada brasileira está construyendo domésticamente, con ayuda del astillero francés Naval Group, una flota de submarinos tipo Scorpene y un submarino de propulsión nuclear, como parte del programa de desarrollo de submarinos (PROSUB).

Es importante recalcar el tema de los submarinos ya que ningún otro país Latinoamericano está en condiciones de construir tales sistemas de defensa. Desde hace décadas, la armada brasileira desea contar con un submarino de propulsión nuclear. Un dato curioso al respecto es que la última guerra de Brasil fue con Bolivia, hace más de un siglo, la guerra del Acre de 1898 a 1903.¹ En general Brasilia tiene buenas relaciones con sus países vecinos (sin contar las tensiones de hoy en día con Venezuela).

Sin embargo, la armada brasileira argumenta que los submarinos son necesarios para proteger el mar territorial brasileiro y su riqueza natural, particularmente los yacimientos de petróleo en sus aguas. Otra razón es que un submarino nuclear elevaría a la armada a tener un estatus de marina de talla mundial y con proyecciones operacionales mucho más amplias.

Nuevamente vemos las ambiciones que tiene Brasil de ser visto no solamente como una potencia latinoamericana sino también como una potencia mundial.

Por ende, cuando comparamos a Brasil con otros países Latinoamericanos, es fácil entender por qué el país de habla portuguesa se ha visto históricamente como "diferente" a los otros países de la región. En efecto, siguiendo el modelo de Estados Unidos y otras potencias mundiales, Brasil tiene su propio Destino Manifiesto, que dicta que es natural que este país tenga una proyección global.

La forma como se ve Brasil es semejante a como el mundo académico internacional ve a dicho país. Es frecuente encontrar en un texto de historia o de política latinoamericana al menos una mención de Brasil como una potencia regional. Por ejemplo, un texto escrito en el 2016 sobre la integración latinoamericana dice, "No se trata tanto de una renovada expresión de antiamericanismo, sino, según señala Michael Schifter, presidente del Inter-American Dialogue, un intento de reconciliar distintas tendencias y de posibilitar el acercamiento de las dos grandes potencias regionales, Brasil y México."²

Brasil a nivel mundial

En esta sección se van a analizar las iniciativas de Brasil en materia de relaciones exteriores durante las dos primeras décadas del nuevo siglo. Para comenzar, podemos

mencionar como Brasil se codea con varias potencias mundiales y emergentes. Por ejemplo, el país sudamericano es parte del bloque BRICS, cuyos miembros son Brasil, Rusia, India, China y Sudáfrica. Además, Brasilia, Nueva Delhi y Ciudad del Cabo (Cape Town) también crearon su propio bloque de potencias regionales emergentes, IBSA. Además, en cuanto a otros bloques internacionales se refiere, Brasil también es miembro de la Comunidad de Países de Lengua Portuguesa, y del Grupo de Países G-20.

Durante el gobierno del presidente Ignacio Lula da Silva (2003-2010) y su sucesora, la presidenta Dilma Rousseff (2011-2016), Brasilia optó por expandir su presencia por las regiones en desarrollo, particularmente África. Lula da Silva no solo visitó África, en muchas oportunidades, sino que también abrió varias nuevas embajadas en dicho continente.

En cuanto a Latinoamérica, durante los mandatos de Lula da Silva y Dilma Rousseff, vimos un apoyo a los gobiernos y bloques que buscaban promover la integración regional y disminuir la influencia histórica de Washington en el continente. Es por eso que Brasil, en esa época, apoyó la creación de la Unión de Países Sudamericanos (UNASUR) y de la Comunidad de Estados de Latinoamérica y el Caribe (CELAC); también apoyó la candidatura del izquierdista chileno José Miguel Insulza a la Secretaría General de la Organización de Estados Americanos (2005-2015), y mantuvo buenas relaciones con el gobierno de Hugo Chávez en Venezuela.

Vale agregar, como punto final, que las relaciones entre Washington y Brasilia durante este periodo no fueron ideales. Un incidente que lo demuestra ocurrió en 2013 cuando se descubrió que agencias de inteligencia de Estados Unidos espiaban a varios líderes mundiales, incluyendo a la presidenta Rousseff. Como consecuencia de estas revelaciones, el gobierno brasileño canceló una visita de la presidenta a Washington en el 2013. La presidenta Rousseff y el presidente Barack Obama¹ se reunieron en el 2015, pero las relaciones continuaron siendo frías. Las cosas cambiarían años después, con la llegada de Jair Bolsonaro a la presidencia de Brasil en el 2019.

El Consejo de Seguridad de la ONU: el objetivo deseado

Es preciso referirse a las ambiciones de Brasilia en el Consejo de Seguridad de las Naciones Unidas para mejor entender que tanta proyección mundial ha deseado tener el gobierno brasileiro. Desde 1946, Brasil ha sido parte del Consejo un total de 10 veces,² y su anhelo histórico ha sido ocupar un lugar permanente en dicho organismo. Este objetivo se puede unir al Destino Manifiesto brasileño que detalla cómo Brasil es un país mundial.

En la primera década del nuevo siglo, a nivel mundial se impulsó la idea de reformar dicho Consejo y tal vez agregar a nuevos miembros permanentes por su poder económico, diplomático y porque representarían a regiones específicas. Algunos de los posibles candidatos eran Alemania, India, Japón y Sudáfrica.

Como parte de su campaña para modificar el Consejo de Seguridad Brasil tuvo un rol activo en las operaciones de paz de la ONU, específicamente en la misión en Haití (la Misión de Estabilización de las Naciones Unidas en Haití: MINUSTAH) y en Timor Leste (la Misión Integrada de las Naciones Unidas en Timor-Leste: UNMIT). Aunque la reforma no se llevó a cabo, son claras las ambiciones de Brasilia de colocarse en la mesa con las potencias mundiales, como uno de sus iguales.

1 Dan Roberts, "Brazilian president's visit to US will not include apology from Obama for spying," *The Guardian*, June 30, 2015, <https://www.theguardian.com/world/2015/jun/30/brazil-dilma-rousseff-obama-nsa-spying-apology>.

2 Estas son: 1946-1948; 1951-1953; 1954-1946; 1963-1965; 1967-1969; 1988-1990; 1992-1994; 1997-1999; 2004-2006 y 2010-2012. El lector se dará cuenta de que Brasil prácticamente no estuvo en el Consejo de Seguridad de la ONU durante la dictadura militar (1964-1985).

Hoy en día Brasil continúa destacando tropas a la Misión de la ONU en la República Democrática del Congo, (la Misión de Estabilización de las Naciones Unidas en la República Democrática del Congo: MONUSCO). Asimismo, desde 2011 hasta el 2020 a cargo de la Unidad Marítima de la Misión de la ONU en el Líbano (Fuerza Provisional de las Naciones Unidas en el Líbano: UNIFIL).¹

Política exterior vs. política interna

Como en cualquier país, los objetivos de la política exterior brasileira son dictados por el gobierno de turno. En este contexto, un día puede haber un gobierno que critica a Washington, y al otro, puede llegar al poder un líder que da un giro de 180 grados a la política exterior y se convierte en un gran aliado del gobierno norteamericano. Esto es precisamente lo que ha ocurrido en Brasil.

Este análisis se ha centrado en las últimas dos décadas en las que hemos visto los cambios más dramáticos en Brasil y que han tenido obvias consecuencias en la integración Sur-Sur de Latinoamérica.

Viendo y resumiendo la situación de otra manera, las presidencias de Lula Da Silva (2003-2010) y Dilma Rousseff (2011-2016), se caracterizaron por tener una política exterior que se centraba en la cooperación Sur-Sur, el distanciamiento de la influencia de Washington en las Américas, y el cambio del orden global a un orden multipolar, donde Brasil sería el líder, o al menos representante, natural de Latinoamérica.

Varios factores impulsaron a un cambio dramático en estos objetivos. La caída de la presidenta Dilma Rousseff el 31 de agosto del 2016, ocurrió al ser suspendida de sus funciones (fue acusada del delito de responsabilidad en el maquillaje de cuentas fiscales). Asimismo, en el 2014 se produjo una disminución en cuanto a la demanda de productos brasileiros por parte de China, la caída de los precios de varios productos, y erradas decisiones de Brasilia para impulsar la economía. Todo esto terminó en una crisis económica. El producto bruto interno cayó, el desempleo creció, y la población salió a las calles a protestar – esta situación favoreció a los opositores de Dilma para lograr su remoción del cargo presidencial.

Esto trajo al poder al presidente interino Michel Temer (2016-2018). Dicho Jefe de Estado heredó no sólo una situación tensa desde el punto de vista doméstico, sino también una grave crisis económica.

Por ende, durante su corto tiempo al mando del país, el presidente Temer se enfocó en intentar arreglar la economía y no priorizó los temas geopolíticos. El mandatario asistió a varias cumbres internacionales por razones protocolares, pero Brasil dejó de tener ambiciones globales.

Luego vino la llegada al poder del ahora presidente Jair Bolsonaro (desde el 01 de enero del 2019 hasta el presente), donde las diferencias ideológicas se tornaron aún más obvias. Brasil, ahora bajo Bolsonaro, se convirtió en un agresivo crítico del régimen de Nicolás Maduro, heredero del gobierno chavista, asimismo reconoció al presidente Juan Guaidó y se retiró de UNASUR – el proyecto de integración que su predecesor, Lula da Silva, había ayudado a crear. Esto queda demostrado en el discurso ante la Asamblea General de la ONU que Bolsonaro dio en Setiembre del 2019. La primera oración de su discurso es: "Les presento al nuevo Brasil, que resurge del borde del socialismo," para luego proceder a criticar a la "dictadura cubana" y a "Venezuela, los agentes del régimen cubano."²

1 "Brasil se retirará da UNIFIL," *DefesaNet*, August 22, 2019, <http://www.defesanet.com.br/pr/noticia/33965/EXCLUSIVO-%E2%80%93-Brasil-se-retirara-da-UNIFIL/>.

2 "Discurso de Jair Bolsonaro, presidente de Brasil, en la 74° Asamblea General de la ONU 2019," *Nodal*, September 24, 2019, <https://www.nodal.am/2019/09/discurso-de-jair-bolsonaro-presidente-de-brasil-en-la-74o-asamblea-general-de-la-onu-2019/>.

El actual jefe de gobierno brasileiro hasta la fecha no demuestra mayor interés en la integración Sur-Sur a nivel regional. Al contrario, sus objetivos son crear una alianza, es decir una relación especial, no solo con Estados Unidos en particular sino también con Israel y Europa.

El jefe de estado brasileiro intentó asignar a uno de sus hijos como el nuevo embajador de Brasil en Washington para demostrar su interés en crear una "relación especial" con el presidente Trump, pero debido a problemas en Brasil, este objetivo no se llevó a cabo.¹

Otro ejemplo que demuestra como la integración regional ha pasado a segundo término, es el hecho de que MERCOSUR no es una prioridad para Bolsonaro. Es así que, en un momento determinado, el líder brasileiro criticó la falta de relevancia de dicho bloque económico, argumentando a mediados del 2019 que, si Argentina daba problemas al Tratado de Libre Comercio entre MERCOSUR y la Unión Europea, Brasilia iba a abandonar a dicho bloque.² La razón por esta declaración es la elección del nuevo presidente argentino presidente Alberto Fernández, que tiene una tendencia más izquierdista.

En otras palabras, el cambio de gobierno en Brasil, sumado a la crisis económica que arrastra dicho el país, y otros escándalos y problemas, han hecho que, por el momento al menos, las ambiciones globales brasileiras cambien drásticamente. Es así que ya no se escucha que Brasilia pide un sitio permanente en el Consejo de Seguridad de la ONU, y el país ya lleva una década sin ser miembro de dicho órgano.

Igualmente, a Brasil ya no es considerado como el eje de liderazgo que otrora fuera, sino que ahora es simplemente un país más que aboga por sus intereses, pero que no tiene un rol central en fomentar la cooperación e integración Latinoamericana.

Odebrecht enturbia la imagen de Brasil

Aunque este no es un tema de política exterior, es importante mencionar el caso de Odebrecht ya que tiene graves repercusiones, tanto para Brasil como para el resto de la región.

Se ha revelado que la compañía de construcción Odebrecht ha pagado alrededor de 350 millones de dólares norteamericanos en coimas y sobornos a varios gobiernos de la región, como por ejemplo Colombia, Ecuador, Guatemala, México, Perú y la República Dominicana.

El caso Odebrecht es importante, no sólo por sus consecuencias en la región sino también porque ha manchado la imagen de Brasil. Es difícil de reconciliar la idea del destino manifesto brasileiro con el nivel de corrupción en el que sus principales empresas (sin contar su sistema político) se encuentran envueltas. Aún si este caso no afectó las relaciones entre Brasil con sus vecinos, sí afecta de manera negativa su imagen.

Obviamente ha habido otros escándalos de corrupción que involucran compañías brasileiras que tenían tentáculos de soborno a nivel regional, pero Odebrecht es el escándalo más reciente. Por un lado, esto demuestra la influencia y extensión de las empresas privadas brasileñas; pero, por otro lado, también es claro el nivel de corrupción que estas compañías traen y como ensucian la imagen de Brasil.

1 Anna Jean Kaiser, "Brazil's Bolsonaro may drop plans to make son US ambassador amid backlash," *The Guardian*, August 20, 2019, <https://www.theguardian.com/world/2019/aug/20/brazil-bolsonaro-son-us-ambassador>.

2 Andreia Verdêlio, "Brazil to leave Mercosur if Argentina 'causes trouble,' Bolsonaro says," *Agencia Brasil*, August 16, 2019, <https://agenciabrasil.ebc.com.br/en/politica/noticia/2019-08/brazil-leave-mercosur-if-argentina-cause-trouble-bolsonaro-says>.

La integración latinoamericana

Es también necesario entender la situación de la integración regional en Latinoamérica hoy en día. Para comenzar, podemos decir que la región tiene una verdadera sopa de letras en lo que se refiere a varios bloques políticos y económicos, con una membresía variada.

Los bloques principales son:

- La Organización de Estados Americanos (OEA);
- La Asociación de Estados del Caribe (AEC);
- La Organización de Estados del Caribe Oriental (OECS);
- La Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños (CELAC);
- La Unión de Naciones Sudamericanas (UNASUR);
- Foro para el Progreso y Desarrollo de América del Sur (PROSUR);
- La Comunidad Andina de Naciones (CAN);
- El Sistema de Integración Centroamericano (SICA);
- La Comunidad Caribeña (CARICOM);
- El Mercado Común del Cono Sur (MERCOSUR);
- La Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América (ALBA);
- La Alianza del Pacífico.

Como se puede apreciar existen constantemente proyectos de integración regional: No sólo se encuentran los bloques casi-hemisferios (OEA, CELAC), sino también agrupaciones sub-regionales (OECS, AEC, SICA, CARICOM, UNASUR, Comunidad Andina), y bloques creados a través de las similitudes ideológicas de sus líderes (ALBA).

También, existen varios bloques, políticos o económicos, de los que Brasil no es miembro; sin embargo, esto no ha evitado experimentos de integración (Alianza del Pacífico, Comunidad Andina, SICA, CARICOM). Finalmente encontramos varios bloques que prácticamente han dejado de existir hoy en día (ALBA, CELAC, UNASUR).

En su ensayo académico del 2006, Josette Altmann Borbon, profesora de la Universidad de Costa Rica e investigadora asociada del centro de investigación FLACSO, argumentó en ese entonces lo siguiente "los procesos de integración sufren de un déficit de certidumbre que ponen en evidencia la fragmentación que caracteriza a América Latina," a la vez que "en la región, la diplomacia de cumbres o diplomacia de conferencias, se encuentra en un momento que parece indicar, de agotamiento."¹ Una década y media después, esas conclusiones son de nuevo acertadas.

Ahora bien, no es el objetivo de este ensayo discutir qué tan efectivo ha sido cada bloque de esta lista en temas de integración regional o continental. Sin embargo, podemos proponer algunos argumentos. Para comenzar, los países de Latinoamérica son fervientes defensores de la soberanía nacional y no apoyan a proyectos de integración donde un órgano tenga poderes supranacionales en la región; ésta es una de las razones por las que la OEA, el bloque regional más antiguo, es visto como un "tigre de papel." Como argumenta un análisis, "la soberanía nacional se encuentra muy arraigada en los países latinoamericanos. De esta forma, la concepción de la integración como factor de estabilidad política y de diálogo, incluso de construcción de paz, como lo es la Unión Europea, no es la que prevalece en el escenario latinoamericano en el momento actual."²

Aún más, cuando un país tiene problemas con un bloque regional al que pertenece, dicho país opta por retirarse. Un ejemplo claro de esto es Venezuela bajo el régimen chavista; el país se retiró en el 2011 de la Comunidad Andina de Naciones porque ésta estaba negociando un Tratado de Libre Comercio con la Unión Europea.³

1 Altmann Borbón 2006, 310.

2 Colomer 2015, 9.

3 "Venezuela se retira de la Comunidad Andina de Naciones," RT, April 22, 2011, <https://actualidad.rt.com/economia/view/26348-Venezuela-se-retira-de-Comunidad-Andina-de-Naciones>.

Habiendo dicho esto, es necesario mencionar que la falta de un bloque supranacionalista como la Unión Europea en Latinoamérica no significa que es una zona en constante conflicto. Por ejemplo, el último conflicto armado que ocurrió en la región fue entre Ecuador y Perú en 1995, mientras que el penúltimo fue la Guerra de las Malvinas, entre Argentina y el Reino Unido en 1982. Es decir, aun sin una Organización del Tratado del Atlántico Norte (OTAN) o una Unión Europea, la región ya lleva un cuarto de siglo sin una guerra entre Estados.

Hoy en día la hipótesis de guerra en la región es mínima, y varios países que tienen disputas limítrofes prefieren buscar soluciones no violentas, como la Corte Internacional de Justicia en La Haya. En efecto, en la última década varios países han ido a La Haya por esta razón, entre ellos: Bolivia vs Chile, Chile vs Perú, Colombia vs Nicaragua, y Costa Rica vs Nicaragua. Aún más Belice y Guatemala, recientemente decidieron acudir a esta institución jurídica para resolver su problema limítrofe.

En otras palabras, la falta de integración regional al estilo de la Unión Europea, no significa que Latinoamérica no estaba progresando y desarrollándose. Obviamente, sería preferible que exista una mayor integración a nivel político, a fin de lograr que la región pueda hablar con una sola voz en foros mundiales sobre asuntos internacionales.

Altmann, argumenta algo similar, al explicar que "la fragmentación por la que atraviesa la región latinoamericana y las reducidas capacidades de concertación transnivel, desde lo binacional a lo global [tendrán como consecuencia] la reducción de la relevancia de las subregiones y el menor margen de autonomía de los actores involucrados en una proyección global."¹ Es aquí donde Brasil solía tener una presencia más activa, que se ha diluido dramáticamente en años recientes, como analizaremos a continuación.

Análisis

Hay dos preguntas que nos debemos hacer. La primera sería: ¿el gobierno brasileiro está interesado en la cooperación e integración Latinoamericana? Y la segunda es: ¿Latinoamérica necesita a Brasil para integrarse o lograr una mayor cooperación?

A comparación de otros países de Latinoamérica, el gobierno de Brasil históricamente ha tenido una política exterior muy ambiciosa, gracias a la cual se expandieron sus fronteras y ha intentado afianzarse como un poder de clase mundial. El principal objetivo diplomático es tener un lugar permanente en el Consejo de Seguridad de la ONU, pero también hemos visto diferentes agencias brasileiras con grandes aspiraciones, como su por ejemplo Armada, que trabaja en la construcción de un submarino de propulsión nuclear.

En cuanto a la integración Latinoamericana, Brasil ha tenido un rol central en las últimas décadas, particularmente durante el siglo 21, la colaboración de Brasilia para crear UNASUR y CELAC ha sido clave. Asimismo, aunque no fue un miembro de ALBA, el apoyo durante los gobiernos de Lula y Rousseff al difunto Hugo Chávez y posteriormente a Nicolás Maduro, fue también importante para promover la ideología chavista/bolivariana y el reducir la influencia de Washington en las Américas.

Se podría argumentar que Brasilia, durante los gobiernos de Lula y de Rousseff aspiraba a que Sudamérica llegara a ser la esfera de influencia de Brasil y así usar al continente como plataforma para su inserción competitiva en la economía mundial y sus ambiciones políticas en la región y el mundo.²

Este argumento, es decir que Brasil utilice a la región para promover sus objetivos sugiere que al gobierno brasileiro no le interesa la región en sí. Éste es un tema aparte pero que

1 Altmann Borbón 2006, 320.

2 Christensen 2013, 271.

debe ser por lo menos mencionado. Kai Enno Lehmann argumenta cómo el éxito del Mercado Común Europeo influenció a Brasil para que promueva un "regionalismo abierto," debido a la "creencia de que el regionalismo es una herramienta para lograr intereses nacionales particulares."¹ Por otro lado, Malamud dice que "no por nada Brasil es la economía más grande de Latinoamérica, con la que todos quieren tener buenas relaciones, a pesar de que a Brasilia nunca le ha interesado ser un líder regional."²

En todo caso, la situación ha cambiado. La caída de Dilma Rousseff y la llegada de Jair Bolsonaro cambiaron drásticamente las prioridades a nivel de política exterior en Itamaraty, el Ministerio de Relaciones Exteriores de Brasil. También las crisis económicas que ha experimentado Brasil, es decir la crisis mundial del 2008 y la crisis local del 2014, significan que el gobierno brasileiro tuvo que concentrarse más en asuntos domésticos y financieros.

Los objetivos de la política exterior del presidente Bolsonaro han hecho que Brasil se concentre en países como Estados Unidos, Israel y Europa, mientras que deja de lado a proyectos regionales, excepto a MERCOSUR, y eso es debido al acuerdo con la Unión Europea. Aún más, como argumentan Casarões y Flandes, el jefe de estado brasileiro tiene una visión "anti-globalista," al punto de que ha criticado a las Naciones Unidas y ha dicho que de esta controlada por comunistas.³ El hecho de que ha amenazado retirarse de grupos como la ONU y MERCOSUR demuestra que Bolsonaro no solo es opositor del multilateralismo, sino que su opinión de estos bloques tiene sus raíces en ideas casi conspirativas de que organizaciones como la ONU están controladas por organizaciones comunistas.

El siguiente punto a tratar es el proceso de integración latinoamericano, que hoy en día está en el limbo debido al problema de Venezuela, que ha dividido a la región entre países que apoyan al gobierno de Maduro y los que apoyan al gobierno de Juan Guaidó.

Habiendo dicho eso, el proceso de integración latinoamericana siempre ha sido complicado debido a las tensiones entre varios países de la región, como por ejemplo los conflictos bélicos, las disputas territoriales, los desacuerdos económicos entre otros. También, a pesar de que los gobiernos de la región constantemente aplauden y apoyan proyectos de cooperación e integración, Latinoamérica continúa siendo una región donde la soberanía nacional es vista como vital, y la idea del supranacionalismo aún no ha ganado popularidad, como ha ocurrido en Europa o (hasta cierto punto) en el Caribe con el CARICOM.

También se deben tomar en cuenta, como lo mencionamos en una sección previa, las numerosas iniciativas de cooperación política y/o económica en la región. Vemos claramente como la cantidad de bloques representan las diferentes ideologías de los gobiernos de turno. Un claro ejemplo es CELAC. Esta organización, en la que Brasil fue un pilar de su fundación, se reunió por primera vez en Venezuela en el 2011; las siguientes cumbres se llevaron a cabo en Chile, Cuba, Costa Rica, Ecuador y, la última fue en República Dominicana en el 2017. Ya han transcurrido varios años que esta organización no tiene una cumbre, ya que sus países miembros han perdido interés en este grupo, y la llegada de nuevos gobiernos que simpatizan con Washington han hecho que la OEA tenga (ahora con un secretario general que mantiene buenas relaciones con la Casa Blanca) nuevamente un rol más significativo.

Otro ejemplo es UNASUR, el otro proyecto de Lula, ya que varios países, incluyendo Brasil, han abandonado este grupo y han creado un nuevo bloque, PROSUR. La razón porque UNASUR se suma a la lista de otros bloques regionales extintos es la aparición de presidentes

1 Lehmann 2017, 128.

2 Carlos Malamud, "What foreign policy now for Brazil?," Real Instituto Elcano, November 12, 2018, <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/8b2d4541-b8f1-4372-a448-d2017547f15e/ARI120-2018-Malamud-What-foreign-policy-now-Brazil.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=8b2d4541-b8f1-4372-a448-d2017547f15e>. P. 8.

3 Casarões y Flandes 2019, 2.

que no tienen simpatías con el gobierno de Nicolás Maduro y que han sido afectados por las decenas de miles (o cientos de miles en algunos casos) de refugiados venezolanos que han emigrado en los últimos años. Es por eso que, UNASUR en vez de ser un bloque de integración regional, es una forma de identificar al gobierno que aún apoya al régimen de Nicolás Maduro, y cuáles no lo hacen. Sus miembros actuales son Bolivia, Guyana, Surinam y Venezuela.¹

Aún más, podemos argumentar que históricamente la integración latinoamericana ha sido más sutil que profunda, por las razones que hemos argumentado explicado en este ensayo. Esto no significa que no hubo éxitos, ya que encontramos también interesantes logros como la Comunidad Andina de Naciones que ha creado pasaportes regionales, y proyectos de educación como la Universidad Andina Simón Bolívar. Otro proyecto que ha tenido buenos efectos es la Comunidad Caribeña, que ha creado una Corte Regional de Justicia. Éste sí es uno de los pocos ejemplos de un ente supranacional, a comparación de los bloques que concentran a países del continente.

En otras palabras, la presencia de Brasil no es vital para que un proyecto de integración sea exitoso ya que muy pocos lo han sido en la región. Ciertamente, Brasil continuará teniendo un rol importante en el sistema interamericano, pero su presencia no es vital.

El futuro: ¿Bolsonaro, Covid-19 y una nueva posibilidad de integración regional?

Hoy en día, Brasil, Latinoamérica y el mundo entero continúan batallando contra la pandemia del Coronavirus (Covid-19). Hemos visto cómo el transporte aéreo se ha detenido ya que los gobiernos han cerrado sus fronteras para evitar que lleguen personas que tal vez estén infectadas con este virus.

A la vez que se ven numerosos ejemplos de políticas proteccionistas, también encontramos muchos casos de cooperación: los gobiernos coordinan entre sí y se envían uno a otro: mascarillas, medicinas y hasta doctores para ayudar a los sistemas de salud de otros países. Otros ejemplos incluyen la ayuda entre gobiernos para la repatriación de ciudadanos de otros países (por ejemplo: Chile está ayudando a movilizar a ciudadanos bolivianos para retornar a su país), o las constantes video-conferencias entre ministros de política exterior y defensa de la región para discutir la pandemia.

Es decir, el Coronavirus podría servir como un eje para unir a Latinoamérica. En teoría, alguno de los bloques de la región, como la OEA, el CARICOM o el SICA pueden convertirse en un centro de operaciones de salud.² Vale decir que los cuatro países del MERCOSUR (Venezuela está suspendido) han creado un fondo de desarrollo para combatir la pandemia en los miembros del bloque – los fondos serán usados para obtener medicamentos, vestimentas de protección y kits para diagnosticar el virus.³ Además, la Comunidad Andina de Naciones ha anunciado que va a diseñar “una estrategia para recolectar y difundir datos estadísticos.”⁴ Mientras tanto, el ministro de Defensa de Argentina, Agustín Rossi, participó a principio de mayo en una reunión virtual de la Comisión de Asuntos

1 Es muy probable que Bolivia también se retire de UNASUR dada la caída del poder del ex presidente Evo Morales, quien fue un acérrimo aliado de Chávez y de Maduro.

2 Leslie Ellicott Armijo, “Regionalism in the Time of Coronavirus: The only way forward?,” AULABLOG, Center for Latin American & Latino Studies, American University, April 30, 2020, <https://aulablog.net/2020/04/30/regionalism-in-the-time-of-coronavirus-the-only-way-forward/>.

3 “Iniciativa do MERCOSUL no combate ao novo coronavírus. Nota conjunta dos ministérios da Economia e das Relações Exteriores,” Governo Federal do Brasil, April 3, 2020, https://www.gov.br/economia/pt-br/canais_atendimento/imprensa/notas-a-imprensa/2020/abril/iniciativa-do-mercosul-no-combate-ao-novo-coronavirus.

4 “La Comunidad Andina compartirá datos sobre el COVID-19,” Ministerio de Relaciones Exteriores de Bolivia, accessed January 11, 2020, <http://www.cancilleria.gob.bo/webmre/noticia/3876>.

Interiores, Seguridad y Defensa del Parlamento del MERCOSUR, en la que alabó a dicha entidad como fundamental para promover el diálogo y comunicación entre los países de la región.¹ Esta sugerencia también fue respaldada durante una reunión en mayo del Foro Parlamentario de África y América Latina y Caribe (AFROLAC).²

Lo que sí es claro es que, Brasil no será un líder o un modelo a seguir en la forma de cómo combatir al Covid-19, ya que el presidente Bolsonaro constantemente critica la idea de que dicho virus es mortal (lo ha descrito como una simple gripe fuerte) y se opone a que se deban llevar a cabo drásticas medidas políticas, sanitarias y económicas dentro del país. Probablemente esto resulte en una nueva crisis de gobierno en Brasilia.

Aunque no mencionó a Brasil de nombre, el presidente argentino Alberto Fernández ha declarado que "aquellos que dan prioridad a la economía terminarán juntando muertos en camiones frigoríficos y enterrando cuerpos en fosas comunes."³ En otras palabras, los otros gobiernos de la región ahora ven a Brasil, con Bolsonaro a la cabeza, como parte del problema, no como un modelo a seguir para enfrentar dicha situación y buscar una solución regional.

Conclusiones

Al comienzo de la nueva década, Brasil ya no tiene la hegemonía que solía tener en el hemisferio occidental. Sus crisis económicas, políticas, incluyendo la caída de la presidenta Dilma Rousseff en el 2016, y los cambios de la ideología del gobierno de turno, pasando de la ideología izquierdista de Lula y Dilma a la ultra-conservadora de derecha de Bolsonaro, han afectado la política exterior brasilera justo en un momento en el que la región está muy dividida debido al problema venezolano.

Como hemos visto, Brasil ha sido muy activo en las últimas dos décadas para incrementar su influencia y ser visto como una potencia mundial. Es discutible hasta qué punto Brasilia está interesado en promover la integración y cooperación en Latinoamérica, o si es que el país de habla-portuguesa simplemente ve a la región como una herramienta para obtener sus objetivos, por ejemplo, ser reconocido como una potencia mundial y/o tener un lugar permanente en el Consejo de Seguridad de la ONU.

Sin embargo, las crisis económicas y políticas del país en sus últimos años han suspendido estos proyectos y aspiraciones. Además, la intención de Lula y Rousseff de minimizar la influencia de Washington en Latinoamérica y el Caribe, vía la creación de UNASUR y CELAC, ha sido reemplazada por la férrea ambición del presidente Bolsonaro de crear una alianza estratégica con el gobierno del presidente Donald Trump.

Es más, la crisis del Coronavirus ha paralizado los proyectos de integración regional ya que cada gobierno se centra en proteger su territorio y a sus ciudadanos de esta epidemia. Peor aún, el Coronavirus ha convertido a Brasil en parte del problema, ya que el presidente Bolsonaro ha minimizado los efectos de la pandemia y ha priorizado mantener el país abierto para que la economía brasilera no sufra.

Brasil no va a poder seguir viviendo de su historia en esta nueva década. El país seguirá siendo una potencia política, económica y militar, pero sus problemas internos,

- 1 "Covid-19: Rossi detalló el desempeño de las Fuerzas Armadas argentinas en el Parlasur," Ministerio de Defensa (Argentina), May 7, 2020, <https://www.argentina.gob.ar/noticias/covid-19-rossi-detalle-el-desempeno-de-las-fuerzas-armadas-argentinas-en-el-parlasur>.
- 2 "Llama Mónica Fernández Balboa a fortalecer cooperación internacional para enfrentar la pandemia," Senado de la República (Mexico), June 1, 2020, <http://comunicacion.senado.gob.mx/index.php/informacion/boletines/48277-llama-monica-fernandez-balboa-a-fortalecer-cooperacion-internacional-para-enfrentar-la-pandemia.html>.
- 3 Marcia Carmo, "Coronavirus: el temor que genera la situación de la pandemia en Brasil en sus países vecinos," *BBC News*, May 14, 2020, https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-52651900?fbclid=IwAR2AxbEF5mM5fba_oWtZPlrzWTFk_9HyT4XMqIOvIUk5jNZQH4hMTu3RKl.

la falta de interés del gobierno de Bolsonaro en integrarse con la región, y su problemática respuesta al Coronavirus, han dañado su imagen y peso internacional. Por el momento, Brasil ha dejado de ser un vecino confiable.

→ Referencias / References

Altmann Borbón, Josette. "Integración en América Latina: crisis de los modelos regionales y ausencia de certidumbres" [Integration in Latin America: crisis of regional models and lack of certainties]. In *La integración latinoamericana: visiones regionales y subregionales* [Latin American integration: regional and sub-regional visions], coordinated by Luis Guillermo Solís and Francisco Rojas Aravena, 309-324. San José: Flacso Andes, 2006. [In Spanish]

Casarões, Guilherme, and Daniel Flandes. "Brazil First, Climate Last – Bolsonaro's Foreign Policy." *GIGA Focus* 5 (September 2019).

Christensen, Steen Frbya. "Brazil's Foreign Policy Priorities." *Third World Quarterly* 34, no. 2 (2013): 271-286. <https://doi.org/10.1080/01436597.2013.775785>.

La Integración en América Latina: Nuevos y Viejos Esquemas. Incertidumbres de Futuro [Integration in Latin America: new and old schemes. Uncertainties for the future], coordinated and elaborated by Mónica Colomer. Madrid: Agencia Española de Cooperación Internacional para el Desarrollo, Ministerio de Asuntos Exteriores y de Cooperación, 2015. <https://www.aecid.es/Centro-Documentacion/Documentos/Eficacia%20y%20calidad/Documento%20de%20trabajo%207.pdf>.

Lehmann, Kai Enno. "Can Brazil Lead? The Breakdown of Brazilian Foreign Policy and What it Means for the Region." *Rising Powers Quarterly* 2, no. 2 (2017): 125-147.

Brazil's foreign policy and the eternal quest for Latin American integration

Wilder A. Sánchez

→ Abstract

Brazil has historically been regarded as the natural leader of Latin America, given its level of development, the size of its economy, its military might and its ambitious foreign policy. This image was cemented during the presidencies of Lula da Silva and Dilma Rousseff, who supported Latin American integration (particularly via the creation of such blocs as UNASUR and CELAC) and diminishing Washington's historical influence in the Western Hemisphere. However, the situation has dramatically changed with the rise to power of President Jair Bolsonaro, a staunch supporter of the US in general (and President Donald Trump in particular), which has affected Brazil's role in the region. Based upon the analysis of specific domestic and foreign policy components, the author draws conclusions on how Brazil's prospects as a participant (or even the key motivator) in the transformation processes in the region have changed. Brazil is no longer perceived as the axis of attempts at regional integration, but rather "just another separate state" taking care of its own interests. Brazil's economic crisis and Bolsonaro's strategy (or the lack thereof) regarding the COVID-19 pandemic have negatively affected Brazil's image even further. Then again, as this analysis seeks to demonstrate, Latin America has a mixed record when it comes to integration attempts, as regional governments are zealous guardians of national sovereignty. Hence, while there have been some successful regional thrivings towards promoting cooperation, the rise of some supranationalist organization similar to the European Union – is a dream. This is not necessarily a bad thing, as Latin American (and Caribbean) blocs do not need supranationalism to be effective, but it shows the limits of regional integration initiatives.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-10-23>

Research article

Wilder Alejandro Sánchez Nieto, analyst on defence and geopolitics in the Western Hemisphere and post-Soviet space, American University (USA)

E-mail:
wilder.a.sanchez@gmail.com

For correspondence: DC 20016, USA, Washington, D.C., P.O. Box 9747

For citation: Sánchez, Wilder Alejandro. "La política exterior de Brasil y la eterna búsqueda de la integración latinoamericana" [Brazil's foreign policy and the eternal quest for Latin American integration]. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 3 (2020): 10-23. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-10-23>. [In Spanish]

Received: 16.12.2020

Accepted: 14.01.2021

→ Keywords

Brazil, Latin America, Caribbean, South-South cooperation, geopolitics, supranationalism, integration

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Внешняя политика Бразилии и вечное стремление к латиноамериканской интеграции

У.А. Санчес

→ Аннотация

Бразилия исторически считалась государством-лидером Латинской Америки, что обусловлено уровнем ее развития, размерами экономики, военной мощью и амбициозной внешней политикой. Эти позиции были укреплены в годы президентства Лулы да Силвы и Дилмы Руссефф, которые в своей политической ориентации подерживали латиноамериканскую интеграцию (в частности в контексте создания таких объединений, как УНАСУР и СЕЛАК), а также ослабление влияния Вашингтона в Западном полушарии. Ситуация резко изменилась с приходом к власти президента Жаира Болсонару, убежденного сторонника политики Соединенных Штатов в целом (и президента Дональда Трампа в частности), что в значительной степени отразилось на роли Бразилии в регионе. На основе анализа конкретных внутри- и внешнеполитических аспектов автор делает выводы о том, как изменились перспективы Бразилии как участника (или даже ключевого мотиватора) трансформаций в регионе. Бразилия больше не воспринимается как стержень региональных интеграционных инициатив, а скорее как государство, сосредоточенное на своих собственных интересах. Экономический кризис в Бразилии и стратегия Болсонару (или же ее отсутствие) относительно пандемии COVID-19 негативно сказались на имидже Бразилии. Помимо этого, в целом для Латинской Америки характерен неоднозначный подход к попыткам более интенсивной интеграции, поскольку правительства выступают ревностными хранителями национального суверенитета. В связи с этим, несмотря на некоторые успешные региональные проекты по развитию сотрудничества, появление в Латинской Америке наднациональной организации по аналогии с Европейским союзом – это лишь мечта. Такое заключение необязательно носит отрицательную коннотацию, поскольку латиноамериканские (и карибские) объединения не нуждаются в наднациональности, чтобы быть эффективными, однако оно демонстрирует пределы интеграционных устремлений в регионе.

→ Ключевые слова

Бразилия, Латинская Америка, Карибский бассейн, сотрудничество Юг-Юг, геополитика, наднациональность, интеграция

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-10-23>

Исследовательская статья

Уайлдер Алехандро Санчес Ньето, аналитик по вопросам обороны и геополитики в Западном полушарии и на постсоветском пространстве, Американский университет (США)

E-mail:

wilder.a.sanchez@gmail.com

Для корреспонденции:

DC 20016, США, Вашингтон, округ Колумбия, п/я 9747

Для цитирования: Sánchez, Wilder Alejandro. "La política exterior de Brasil y la eterna búsqueda de la integración latinoamericana" [Brazil's foreign policy and the eternal quest for Latin American integration]. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 3 (2020): 10-23. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-10-23>. [In Spanish]

Статья поступила в редакцию: 16.12.2020

Принята к публикации: 14.01.2021

Международные отношения • Relaciones internacionales

China in Latin America in the 21st century

Maurício Santoro

→ Abstract

In the last two decades, China became a major economic force in Latin America, due to trade and investment, and it established strong links with the countries in the region, including a strategic partnership with Brazil. However, Chinese influence is also provoking concerns in the United States, while the latter is trying to curb Beijing's role in Latin America. This paper analyzes China's actions in the region and the American response, using Brazil as a case-study environment because of its importance for the Chinese foreign policy and its current president, who adopted a pro-Trump foreign policy and a rhetoric that is very critical of Beijing. The author begins by analyzing China's strategy towards Latin America presenting a historical outlook of major events thereto, particularly underscoring both growth and diversification of the Chinese investments in the last decade. The author then proceeds to analyzing current position of the U.S. towards Chinese actions in Latin America, additionally highlighting major U.S. concerns thereto. The final part of the paper represents a case-study of Chinese policy towards Brazil and correspondent Brasília's position on the subject concerned. It is noted that close-term prospects are complicated to draw due to the dynamic changes in the international scenario, with the deterioration of the Washington-Beijing relations, and the cross-pressures that these disputes will bring to Brazil.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-24-34>

Research article

Maurício Santoro, PhD (Political Science), Assistant Professor, Department of International Relations, State University of Rio de Janeiro (Brazil)

E-mail: mauricio.rocha@uerj.br

For correspondence: 20550-013, Brazil, Rio de Janeiro, R. São Francisco Xavier, 524 (Maracanã)

For citation: Santoro, Maurício. China in Latin America in the 21st century. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 3 (2020): 10–42.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-24-34>.

Received: 05.12.2020

Accepted: 11.01.2021

→ Keywords

Brazil, China, Latin America, United States, trade, investment, Belt and Road Initiative

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Introduction

China became very important to Latin America's economy in the 21st century. In the last 20 years, bilateral trade grew tenfold¹ and the Chinese have consolidated themselves as the biggest economic partner of Argentina, Brazil and Chile, and among the major ones of Colombia, Mexico, Perú and Venezuela, with a total sum of US\$ 300 billion per year. In the 2010s, they rose as a relevant source of foreign direct investment, with a stock in the region of about US\$ 105 billion, concentrated in agriculture, energy and mining.²

On the multilateral level, China is looking for regional support on its most important issues (Taiwan, Tibet), and became a member of the Inter-American Development Bank and created a cooperation forum with the Community of Latin American and Caribbean States (CELAC, in the Spanish acronym). The Asian nation has a strategic partnership with Brazil since 1993 and together they are a part of several international groups such as BRICS, BASIC and the two G-20s (the financial one and the one at the World Trade Organization).

The rise of China is happening at the same time that the United States and the European Union face a long crisis, with economic turmoil (low growth rates, high unemployment) and political unrest including Brexit and the ideological conflicts between liberalism and populism. A more assertive Chinese foreign policy has been leading to conflicts with the West and Asian neighbors, especially India. Although these tensions are concentrated in the South China Sea and the Himalayas, they are also present in Latin America, for Washington has traditionally considered the area its own sphere of influence, and it is concerned with Beijing's new role as an economic powerhouse in the region.

This paper has the goal to understand China's influence in Latin America in the early 21st century. In order to do so, in the first section, the text analyzes Chinese official documents and global economic data on the region.

Following that, the paper discusses the tensions between China and the United States in Latin America. They are a part of a larger trend of deterioration of bilateral relations between Beijing and Washington and a struggle for influence among the nations of the Global South. The American government is concerned over the stronger Chinese economic presence in the region, in time of crisis and instability in the United States.

The last section addresses the critical views towards China that began to arise in Brazil, especially under the current administration of Jair Bolsonaro, whose goal consisted in establishing a strong partnership with Donald Trump. As the biggest country in the region and also a nation with a major backlash against China, Brazil is an important case for the issues discussed in this paper.

China's strategy towards Latin America

In colonial times in Latin America there were significant exports of silver from Spanish America to China, where the metal was used to buy silk, tea and porcelain. The Portuguese colony of Macau was also an important trade hub, and the Brazilian ports were also a part of the maritime route from Europe to Asia.³ In many ways this was the first real global network of commerce outside Eurasia.

In the 19th century, with the wars and rebellions in China, there was a flux of Chinese emigrants to the Americas, especially to Cuba, Mexico, Panama and Perú. In Brazil,

1 Evan and Ellis 2014.

2 Dollar 2017.

3 Gordon and Morales 2017.

the Portuguese king John VI invited a group of a few hundred Chinese farmers to settle and produce tea – which they did, but without commercial success due to the inferior quality of the product. Later, in the second half of the 19th century, there was a big debate about using Chinese peasants as a replacement for black slaves, but due to racism against Asians only a small stream of immigrants was accepted on this base.¹

In the 20th century, war and revolution in China basically interrupted the economic links with Latin America. Some migration still happened, with a mix of reasons – political refugees, and/or Chinese looking for better opportunities. Most of them became small businessmen and joined the middle class.

When Mao Zedong was in power, the communist regime was not recognized by the nations in the regions, who followed the United States and established embassies in Taiwan. Until the middle of the 1970s, the only exceptions were Cuba and Chile, where left-wing leaders searched for relations with the People's Republic. But when Washington and Beijing started their rapprochement, the political scenario changed and the biggest countries in Latin America started to send their diplomats to Mao, although Taiwan still kept allies including Paraguay and several other nations in Central America and the Caribbean.

At the time, the People's Republic was one of the poorest nations in the world, and it was not seen by Latin American governments as an economic opportunity. However, in countries such as Brazil, diplomats perceived Beijing as a rising star in the politics of the Global South, and a partner for discourse in multilateral organizations, in common defense of the interests of developing nations.²

After Mao's death and the rise of Deng Xiaoping, the accelerated development of China resulted in an annual rate of growth of almost 10% in 40 years.³ This new prosperity changed the country into a huge consumer of food, energy and raw goods produced in Latin America. In the 2010s, China bought 10% of the oil it consumed from the region, 1/3 of iron ore and around 60% of soy.⁴

The Chinese also wanted the Latin American support for their major strategic concerns, such as Taiwan and Tibet.⁵ About half of the 16 countries which recognize Taipei are in the region, but as trade with the People's Republic of China had increased, some of the former Taipei supporters turned their diplomatic ties to Beijing, such as El Salvador, the Dominican Republic and Panama.⁶

Since 2008 China's Ministry of Foreign Affairs published two White Papers containing the guidelines of its diplomatic strategy towards Latin America.⁷ The documents highlight the importance of trade and investment, but go beyond that, establishing a dozen sectors of cooperation and partnership in public policies. In education, for example, the Chinese government created 65 centers for the study of Latin America and expanded the teaching of Spanish and Portuguese.⁸

1 Lee 2018.

2 Oliveira 2004; Spektor 2010.

3 For Chinese economic data, see "Real GDP growth," International Monetary Fund, accessed December 1, 2020, http://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/CHN?year=2017.

4 Gallagher 2016, 45–47.

5 Roett and Paz 2008.

6 Carrie Kahn, "China lures Taiwan's Latin American allies," *National Public Radio*, October 13, 2018, <https://www.npr.org/2018/10/13/654179099/china-lures-taiwans-latin-american-allies>.

7 "China's Policy Paper on Latin America and the Caribbean. 2016/11/24," Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, accessed December 1, 2017, https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1418254.shtml.

8 Mac Margolis, "Latin America needs a China strategy," *Bloomberg*, December 14, 2017, <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2017-12-14/latin-america-needs-a-china-strategy>; Daniel Mandur Thomaz, "Por que a China aposta na língua portuguesa," *BBC Brazil*, August 23, 2017, <https://www.bbc.com/portuguese/internacional-41022424>.

The general lines of the Sino-Latin American relations are well exemplified by trade with Brazil, the biggest country in the region. It jumped from US\$ 2,3 billion (2000) to US\$ 100 billion (2019). Since 2009, China is the most important one among Brazil's economic partners, the destination of 1/3 of its exports. About 80% of Brazil's sells to China are three groups of commodities: soy, oil and iron ore. In contrast, Chinese exports to Brazil constitute a broad range of industrial products in telecommunications, television sets and electronic equipment.¹

In the 2010s, Chinese investments in Latin America grew significantly. China began by concentrating in infrastructure, especially in production or transportation of the commodities that it buys from the region. In these sectors, it invests more than the sum of the World Bank and the Inter-American Development Bank.² In recent years, it diversified its portfolio, also allocating resources in consumer goods and services.³

Some of China's infrastructure projects are controversial, of dubious viability, such as a railway crossing South America, connecting the Brazilian southeast port of Santos, in the Atlantic Ocean, to Perú's Pacific seashore; or a channel in Nicaragua, linking both oceans. However, the Chinese established a major presence in many sectors. In Brazil, during the 2014-16 recession they became the leading foreign buyer in processes of mergers and acquisitions of Brazilian companies, and the biggest investor in electrical energy after the national government.⁴

China and the United States in Latin America

How to deal with China became one of the main issues in the foreign policy of the United States. Although there is a strong economic relationship between both countries, with a bilateral annual exchange of US\$ 550 billion in goods, divergent interests led to increased tensions, in particular in the disputes for maritime limits in the South China Sea and in the trade war launched by Donald Trump's administration.

In the academic and political debate, there is criticism about Washington's troubles in terms of adapting to the new scenario with China as a major leader in a revitalized Asia,⁵ and a warning over the "Thucydides's trap" where the rise of a new great power leads to war due to the fear of a current hegemon, as in the struggles between Athens and Sparta narrated by the Greek historian.⁶

The center of discussions is the conflict for influence in Indo-Pacific Asia – a geopolitical concept presently in vogue in American policy circles⁷ – but the rivalry with China is also present in the reflections on foreign policy towards Latin America.⁸ For many analysts, the growth in the Chinese influence in the region in the last two decades has a negative impact on American national interests, and Washington has been negligent and lacking clear guidelines in the policy for the region, in contrast with dynamic China's actions.⁹

Beyond the rise of Sino-Latin American trade, the US has been watching with concern the increased engagement of China with infrastructure and defense in the region: investments,

1 Data from Brazil's Ministry of Economy, see www.mdic.gov.br.

2 Dollar 2017.

3 Cariello 2018.

4 Marta Watanabe, and Daniel Rittner, "China lidera aquisições no país e busca novos setores," *Valor Econômico*, December 26, 2017, <https://valor.globo.com/brasil/noticia/2017/12/26/china-lidera-aquisicoes-no-pais-e-busca-novos-setores.ghtml>.

5 Cole 2013; Hayton 2014; Kaplan 2014; McGregor 2017; Rachman 2016.

6 Allison 2017.

7 Auslin 2020; Doyle and Rumley 2019; Medcalf 2020.

8 Evan Ellis 2014; Gallagher 2016; Roett and Paz 2008.

9 Kevin Gallagher, "China steps into the Latin American void that Trump has left behind," *Foreign Policy*, March 6, 2017, <https://foreignpolicy.com/2017/03/06/china-steps-into-the-latin-american-void-trump-has-left-behind/>; Antonio Hsiang, "As America withdraws from Latin America, China steps in," *The Diplomat*, January 4, 2018, <https://thediplomat.com/2018/01/as-america-withdraws-from-latin-america-china-steps-in/>.

selling of arms, lending to governments with hostile relations with the United States, such as Venezuela. In recent years, the US government vetoed acquisitions of Chinese companies in their country and worried about similar transactions in Latin America. The focus of these efforts has been the activities of Huawei in implementation of the 5G Internet pattern.¹

The US government is putting pressure on Latin American nations to ban Huawei from investing in 5G in the region, threatening them to cut access to international development banks or to suspend aid and international cooperation projects, especially in the smaller nations in Central America. However, this is not an easy choice, for these nations are also vulnerable to Chinese menaces, such as barriers against exports.² Besides, Huawei is already present in the major countries of the region as a provider of telecommunications equipment in Brazil and of cell phones in Mexico.

Especially under Trump, American diplomacy towards Latin America has been concentrated on problems such as curbing migrations and organized crime. There is not a positive agenda for the region, such as trade deals. The US decision to quit the Transpacific Partnership had negative consequences for certain countries such as Chile, Mexico and Perú, which considered the agreement a good way to boost their exports. The rise of protectionism and revision of treaties, such as NAFTA, contributed to growing feelings of anxiety and instability.

The Trump administration most serious attempt to court Latin America away from China's influence was the "Growth in the Americas" initiative of 2019. The program aims to increase private investment in the region, with cooperation regarding the adjustment of the regulatory framework and procurement policy of the countries in the area.³ However, this program does not offer direct official investment from the American government, which is actually dealing with serious problems of underfinanced infrastructure in the United States itself.

On the other hand, China has offered Latin America the possibility of joining the Belt and Road Initiative, its giant global infrastructure project. In this new 'geopolitics of connectivity',⁴ 19 countries of the region are now part of the New Silk Road, most of them in Central America and the Caribbean, with the exception being Chile. Brazilian authorities, for example, say they want Chinese investment but through their own policies, and reject what they see as the political burden of joining the Belt and Road.⁵

However, there are efforts of American scholars and diplomats to rethink their historical relations with China and Asia in general⁶ and similar studies on Chinese actions in Latin America,⁷ which could lead to policy changes in future.

Criticism of China in Brazil

The growing presence of China in Latin America is also provoking a nationalist backlash from social groups which feel threatened by its rise. Brazil is an important case for many reasons: it is the biggest economic partner of the Chinese in the region and it has

1 Randy Woods, and Andrew Mayeda, "Trump steps up efforts to check China's influence in Latin America," *Bloomberg*, January 4, 2018, <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-01-04/trump-steps-up-efforts-to-check-china-influence-in-latin-america>.

2 Ernesto Londoño, "To Influence El Salvador, China dangled money. The US made threats," *The New York Times*, September 21, 2019, <https://www.nytimes.com/2019/09/21/world/americas/china-el-salvador-trump-backlash.html>; Oliver Stuenkel, "Huawei or not? Brazil faces a key geopolitical choice?," *Americas Quarterly*, June 30, 2020. <https://www.americasquarterly.org/article/huawei-or-not-brazil-faces-a-key-geopolitical-choice/>.

3 "Growth in the Americas," U.S. Department of State, accessed December 1, 2020, <https://www.state.gov/growth-in-the-americas/>.

4 Abdenur and González 2018.

5 Santoro 2019.

6 Campbell 2016; Green 2017.

7 Evan Ellis 2014; Gallagher 2016.

recently elected a president very critical of the Asian giant. For the first two years, Brazil was in a search to establish an alliance with Trump and the United States.

President Jair Bolsonaro is a former Army captain and congressman, who ran as the candidate of a small conservative party presenting himself as an outsider against a corrupt status quo, after a decade of recession and corruption scandals in Brazil. His victory highlighted a widespread rejection against political establishment. His promises concerning diplomacy were to rollback the initiatives of the left wing governments of 2003-2016 and take Brazil closer to the United States.¹ He is the first Brazilian head of state since the diplomatic recognition of the People's Republic in 1974 to make public statements criticizing Beijing as a negative influence for the country.

During the presidential campaign, Bolsonaro also broke Brazilian diplomatic tradition by visiting Taiwan – something that no other leader of Brazil ever did. The trip was part of the Asian tour that included Japan and South Korea and ostensibly left out the People's Republic. In Taipei, he praised the Taiwanese society as a synthesis of the best of American and Japanese cultures.

Chinese diplomats in Brazil feared that the trip was a sign of an ending to the "One China policy" that all Brazilian administrations followed since 1974, and reacted by sending a letter to all members of Brazil's Congress highlighting how important this issue is to Beijing.²

The anti-China statements were not limited to the president. He chose as his minister for foreign affairs a career diplomat Ernesto Araújo, a newly promoted ambassador who had written in support of Trump's vision of international affairs and who argued for need of Western countries to reconnect with their Christian heritage in order to face what he saw as the threat of a rising China.³

These positions are rare in Brazil's Foreign Service whose members usually support stronger ties with Beijing and helped to build partnerships such as BRICS, BASIC, G20 and other multilateral groups that bind Brazil and China together. Since 1993, the relationship has been considered by both governments as a 'strategic partnership' and they developed several bilateral initiatives, the most ambitious being the CBERS Program, a joint project for building and launching satellites that has already produced five artifacts since 1988.⁴

Nowadays there are three main lines of criticism of China in Brazil, and they are all present in the groups that are a part of the coalition of Bolsonaro administration. These three types of rhetoric are the economic, the national security and the cultural case against China.

The criticism centered on economic policy blames China for unfair competition against Brazilian industry and points to Chinese practices such as dumping, low salaries or weak labor/environmental legislation as factors that curb Brazilian industrial development. These discussions are not exclusive to Brazil, but they have special resonance in the country that faced a severe backlash in terms of deindustrialization, with sectors like textiles and toys suffering from the negative impacts of China's imports.

Bolsonaro's own views on international trade are ambivalent. In his career in Congress, he has sided with protectionist groups who were against a bigger opening of the Brazilian economy. However, in his presidential campaign he assumed the pro-market and free trade positions, which are defended by the country's business establishment, and nominated an economic team aligned with this worldview. That puts Bolsonaro in sharp

1 Bolsonaro 2018.

2 Maurício Santoro, "A Gafe de Bolsonaro," *O Globo*, March 14, 2018, <https://oglobo.globo.com/opiniaao/a-gafe-de-bolsonaro-22485852>.

3 Araújo 2017; Consuelo Dieguez, "O Chanceler do Regresso," *Vultos da República*, April 2019, <https://piaui.folha.uol.com.br/materia/o-chanceler-do-regresso/>; Richard Lapper, "Bolsonaro took aim at China. Then reality struck," *Americas Quarterly*, April 23, 2019, <https://www.americasquarterly.org/article/bolsonaro-took-aim-at-china-then-reality-struck/>.

4 Correa and Barbosa 2017; Lima 2016.

contrast with other nationalist politicians in the United States and Europe, who are usually in favor of higher tariffs and less globalization.

National security is a more common option for the nationalist right in its criticism of China. This is usually expressed as a concern about Chinese control of natural resources and infrastructure in the country. The most famous statement from Bolsonaro on the issue is his line that: "China is not buying in Brazil. China is buying Brazil."¹

The president is not alone in this view, which is shared by many officers in the Armed Forces. They do not like the idea of having a foreign government in charge of key assets in Brazil. Generals, Admirals and Air Force senior officers form about 40% of the cabinet and are also present as chairmen in public companies and state agencies – an unprecedented level in Brazilian history, even among the military dictatorships of the country, and without parallel in any major democracy.

The Brazilian military officers have a conservative view of foreign policy, which usually supports the consensus of the last decades, but are more critical of the rapprochement with Latin American left-wing regimes, and usually careful about China. They recognize the economic importance of the country, but they do not want to be politically close to Beijing. Trained as officers in a dictatorship in the apex of the Cold War, they often have strong anti-communist views that they associate with the People's Republic.²

The last line of criticism is the one that is about cultural identity. This is the case – dear for the president and the foreign affairs minister – that Brazil should seek a special relationship with the United States and closer ties to the Western nations. It often has a religious approach, emphasizing the Brazilian Christian heritage and highlighting that China has very different values and political system. In the words of ambassador Araújo: "We want to sell soy and iron ore, but we're not going to sell our soul."³

Statements like these contradict traditional pillars of Brazilian foreign policy, such as the support for multilateralism and a pragmatic approach regarding international trade. For example, it was the dictatorship that recognized the People's Republic in 1974, despite the anti-communism of the military regime.

The criticism of China along cultural lines is concentrated in a group that call themselves the "anti-globalists." They oppose international organizations which they see as tools for spreading liberal values, and defend traditional visions of national sovereignty. They are close to the American alt-rights and to populist movements in Europe. In Bolsonaro administration, they gather around one of the president's sons, congressman Eduardo Bolsonaro⁴ and the minister of foreign affairs.

Anti-globalists are usually young and somewhat of outsiders – ambassador Araújo, for example, was until a few months ago a middle-rank diplomat, who was never the head of a foreign mission, nor did he hold high office in the Ministry of Foreign Affairs; they usually have a strong social media presence, but tend to be mocked by traditional press outlets who often present them as radicals.

Foreign policy towards China in the Bolsonaro administration is the result of conflicts and negotiations between these different groups and oscillates between keeping

1 "A China está comprando o Brasil", diz o presidenciável Jair Bolsonaro," BOL Videos, video, 6:39, <https://videos.bol.uol.com.br/video/a-china-esta-comprando-o-brasil-diz-o-presidenciavel-jair-bolsonaro-0402CD9A3460D0996326>.

2 Mauricio Santoro, "Mourão ganha protagonismo com viagem à China," *Revista Época*, May 26, 2019, <https://epoca.globo.com/mourao-ganhou-protagonismo-em-viagem-china-artigo-23694767>.

3 Lapper 2019.

4 Bolsonaro has five sons, and the three adult ones are all professional politicians: a senator, a congressman and a member of Rio de Janeiro's city council. This is a new situation in Brazil, and the political role of the president's family is controversial in the country, somewhat like similar discussions about Trump's daughter and son-in-law in the United States.

the traditional pragmatic approach of Brazilian diplomacy or adopting more critical and careful views of Beijing. The main dispute has been anti-globalists versus senior military officers. The conflict led to disagreements and offences exchanged through the media and to the firing of many officials, including cabinet ministers, aligned with both groups.

Vice-president Hamilton Mourão, a retired Army general, rose as the key player for the Brazilian groups searching for a pragmatic relationship with China. Mourão stressed the importance of the Chinese market and investments for Brazil, and that the country should not take sides in the trade war between Washington and Beijing and instead try to use the conflict as an opportunity to boost the country's national interests.

The vice-president stated that the government would not veto Huawei's business in Brazil and that the Chinese company will be able to take part in the auction to implement the 5G Internet pattern. He also expressed caution about the possibility of Brazil joining the New Silk Road, but underlined that China's investments are welcomed.¹

The anti-globalists get a lot of headlines because of their controversial statements, but during the first year of his administration (2019), Bolsonaro usually conducted a pragmatic diplomacy towards China, including a successful visit to the country. Chinese investment from state owned companies was politically important in the November 2019 pre-salt oil auction – if not for their rapport, only the Brazilian Petrobras would have taken part in the operation.²

However, the anti-China trend is still present on the sidelines of the administration, and it sometimes comes to the center of the debate. During the Covid-19 pandemic, officials close to the president – such as his son Eduardo Bolsonaro and the minister of education Abraham Weintraub – blamed Beijing for the outbreak of what they called “the Chinese virus.” There is currently an investigation in the Supreme Court against Weintraub, for anti-Chinese racism. These comments provoked strong responses from China's diplomats in Brazil, who have become very active on social networks and mainstream media, responding to Brazilian politicians.³

The tensions did not escalate into a major change of foreign policy, but they raised the mistrust in Brasília-Beijing relations in the middle of a delicate situation of the pandemic, and stimulated state governors to pursue their own medical diplomacy with China, in search of masks and respirators.⁴

The perspectives for the near future are of a complicated situation due to the changes in the international scenario, with the deterioration of the Washington-Beijing relations, and the cross-pressures that these disputes will bring to Brazil. The global economic crisis due to the pandemic is increasing the importance of Chinese markets to Brazilian exports – from January to June 2020 they grew 14,6%, amid a drop of 15,2% in sells to other countries.⁵

The Brazilian president has a difficult challenge to balance the attempt to establish a preferential relationship with the United States in a time of a rising China in Latin America.

1 Santoro 2019.

2 Bruno Rosa, “As estatais chinesas que chamaram a atenção no leilão do pré-sal,” *Época*, June 11, 2019, <https://epoca.globo.com/economia/as-estatais-chinesas-que-chamaram-atencao-no-leilao-do-pre-sal-24066343>.

3 Felipe Frazão, “O influenciador digital de Pequim na polarização,” *O Estado de São Paulo*, April 11, 2020, <https://politica.estadao.com.br/noticias/geral,o-influenciador-digital-de-pequim-na-polarizacao,70003268057>.

4 João Paulo Charleaux, “A diplomacia paralela da compra de respiradores pelo Maranhão,” *Nexo Jornal*, April 21, 2020, <https://www.nexojornal.com.br/expresso/2020/04/21/A-diplomacia-paralela-da-compra-de-respiradores-pelo-Maranh%C3%A3o>.

5 Arícia Martins, “Vendas para a China crescem 15% e sustentam saldo comercial,” *Valor Econômico*, July 27, 2020, <https://valor.globo.com/brasil/noticia/2020/07/27/vendas-para-china-crescem-15-e-sustentam-saldo-comercial.ghtml>.

Conclusion

In the first two decades of the 21st century, China became an important economic partner of Latin America, and in the case of Brazil, also a relevant ally in the big issues of the global agenda. The Chinese search for food, mining resources and energy in the region, and have been investing in the infrastructure necessary for its production and transportation.

The Sino-American trade war poses serious problems to Latin America, for it depends on both partners and usually lacks diplomatic autonomy or domestic consensus for bold moves that could exploit the opportunities of the 'conflict'. The region is reacting to the cross-pressures, without the chance to propose something new. Even if Washington has not managed to formulate a coherent alternative to Beijing's investments in infrastructure, its political pressure created an environment where joining the BRI is a risky move for the biggest nations in the region.

The case of Brazil is an interesting illustration of the point, showing that even a president who stated a clear view on the matter is, in practice, linked to several interest groups, which leads to few viable options. The threat to Brazilians – and the other Latin Americans – is that the growing tensions between China and the United States will lead to more economic problems in a moment where the risk of a global recession is strong, and the region suffers from another round of instability and crisis.

→ References

- Abdenur, Adriana, and Ariel González Levaggi. "Trans-Regional Cooperation in a Multipolar World: how is the Belt and Road Initiative Relevant to Latin America?" *London School of Economics Global South Unit: Working Paper Series* 1 (2018): 3–18.
- Allison, Graham. *Destined for War? Can America and China Escape Thucydides' Trap?* Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.
- Araújo, Ernesto. "Trump e o Ocidente" [Trump and the West]. *Cadernos de Política Exterior* III, no. 6 (2017): 323–358. [In Portuguese]
- Auslin, Michael. *Asia's New Geopolitics: Essays on Reshaping the Indo-Pacific*. Stanford: Hoover Institution Press, 2020.
- Campbell, Kurt. *The Pivot: The Future of American Statecraft in Asia*. New York: Twelve Books, 2016.
- Cariello, Túlio. *Investimentos chineses no Brasil: o quadro brasileiro em perspectiva global* [Chinese investments in Brazil: the Brazilian picture in a global perspective]. São Paulo: Conselho Empresarial Brasil-China, 2018. [In Portuguese]
- Cole, Bernard. *Asian Maritime Strategies: Navigating Troubled Waters*. Washington: Naval Institute Press, 2013.
- Correa, Germano, and Pedro Henrique Barbosa. "Uma Tentativa Brasileira de Entender o Funcionamento do Governo e do Setor Privado na China" [A Brazilian attempt to understand the functioning of the government and the private sector in China]. In *Os Desafios e Oportunidades na Relação Brasil-Ásia na Perspectiva de Jovens Diplomatas* [The challenges and opportunities in the Brazil-Asia relationship from the perspective of young diplomats]. Edited by Pedro Henrique Barbosa, 21–65. Brasília: Funag, 2017. [In Portuguese]
- Dollar, David. *China's Investment in Latin America*. Washington: Brookings Institution, 2017.
- Doyle, Timothy, and Dennis Rumley. *The Rise and Return of the Indo-Pacific*. Oxford: Oxford University Press, 2019.
- Evan Ellis, Robert. *China on the Ground in Latin America: challenges for the Chinese and impacts on the region*. New York: Palgrave Macmillan, 2014.
- Gallagher, Kevin. *The China Triangle: Latin America's China Boom and the Fate of the Washington Consensus*. New York: Oxford University Press, 2016.

- Gordon, Peter, and Juan José Morales. *The Silver Way: China, Spanish America and the birth of globalization, 1565-1815*. Sydney: Penguin Australia, 2017.
- Green, Michael. *By More Than Providence: Grand Strategy and American Power in the Asia Pacific Since 1783*. New York: Columbia University Press, 2017.
- Hayton, Bill. *The South China Sea: the struggle for power in Asia*. New Haven: Yale University Press, 2014.
- Kaplan, Robert. *Asia's Cauldron: The South China Sea and the End of a Stable Pacific*. New York: Random House, 2014.
- Lee, Ana Paulina. *Mandarin Brazil: race, representation and memory*. Stanford: Stanford University Press, 2018.
- De Lima, Sérgio Eduardo Moreira. *Brasil e China: 40 anos de Relações Diplomáticas* [Brazil and China: 40 years of Diplomatic Relations]. Brasília: Funag, 2016. [In Portuguese]
- McGregor, Richard. *Asia's Reckoning: The Struggle for Global Dominance*. London: Allen Lane, 2017.
- Medcalf, Rory. *Contest for the Indo-Pacific: Why China Won't Map the Future*. Carlton: La Trobe University Press, 2020.
- Oliveira, Henrique. "Brasil-China: trinta anos de uma parceria estratégica" [Brazil-China: thirty years of a strategic partnership]. *Revista Brasileira de Política Internacional* 47, no. 1 (2004): 7-30. <https://doi.org/10.1590/S0034-73292004000100002>. [In Portuguese]
- Peters, Enrique Dussel. *China's Evolving Role in Latin America: Can It Be a Win-Win?* Washington, D.C.: Atlantic Council, 2015. <https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/report/china-s-evolving-role-in-latin-america-can-it-be-a-win-win/>.
- Rachman, Gideon. *Easternisation: War and Peace in the Asian Century*. New York: Vintage Digital, 2016.
- Roett, Riordan, and Guadalupe Paz, eds. *China's Expansion in the Western Hemisphere: implications for Latin America and the United States*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2008.
- Santoro, Maurício. "Cinturões e Rotas: o Programa de Investimentos Globais da China e as Oportunidades para o Brasil" [Belts and Roads: China's Global Investment Program and Opportunities for Brazil]. *Carta Brasil-China* 23 (2019). <https://cebc.org.br/2019/09/04/o-programa-de-investimentos-globais-da-china-e-as-oportunidades-para-o-brasil/>. [In Portuguese]
- Spektor, Mathias. *Azeredo da Silveira: um depoimento* [Azeredo da Silveira: a testimonial]. Rio de Janeiro: Editora da Fundação Getúlio Vargas, 2010. [In Portuguese]

Политика Китая в Латинской Америке в XXI веке

М. Санторо

→ Аннотация

За последние два десятилетия Китай стал крупной экономической силой в Латинской Америке благодаря торговле и инвестициям, и установил прочные связи со странами региона, включая стратегическое партнерство с Бразилией. Однако китайское влияние вызывает озабоченность в Соединенных Штатах, которые пытаются ограничить роль Пекина в Латинской Америке. В статье анализируются действия Китая в регионе и реакция Соединенных Штатов на примере Бразилии – такой выбор обусловлен ее важностью для внешней политики Китая, а также личностью ее нынешнего президента, который в первые два года правления избирал риторику в отношении Пекина, поддерживавшую Дональда Трампа. Автор начинает исследование с анализа стратегии Китая в отношении региона Латинской Америки, представляя исторический очерк основных событий в данном контексте, особенно подчеркивая как рост, так и диверсификацию китайских инвестиций в последнее десятилетие. Затем автор анализирует текущую позицию США по отношению к действиям Китая в Латинской Америке, дополнительно выделяя основные сферы обеспокоенности США в данном вопросе. Заключительная часть статьи представляет собой тематическое исследование политики Китая в отношении Бразилии и соответствующей позиции нынешней бразильской администрации по данному вопросу. Отмечается, что в краткосрочной перспективе ситуация осложняется изменениями в международной конъюнктуре, а именно ухудшением отношений между Вашингтоном и Пекином и перекрестным давлением, которое окажут на Бразилию последствия этого взаимодействия в уже существующей ситуации развития многих кризисов в регионе Латинской Америки.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-24-34>

Исследовательская статья

Мауисио Санторо, доктор политологии (PhD), доцент Департамента международных отношений Федерального университета Рио-де-Жанейро (Бразилия)

E-mail: mauricio.rocha@uerj.br

Для корреспонденции:

20550-013, Бразилия, Рио-де-Жанейро, ул. Сан-Франциско Ксавье, 524 (Маракана)

Для цитирования:

Santoro, Mauricio. China in Latin America in the 21st century.

Cuadernos Iberoamericanos 8, no. 3 (2020): 24–34.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-24-34>.

Статья поступила в редакцию: 05.12.2020

Принята к публикации:

11.01.2021

→ Ключевые слова

Бразилия, Китай, Латинская Америка, Соединенные Штаты, торговля, инвестиции, Один пояс и один путь

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциально-го конфликта интересов.

Международные отношения • Relaciones internacionales

Дипломатия Жаира Болсонару: демонтаж традиционной бразильской внешней политики

М. Безерра

→ Аннотация

В статье проводится анализ бразильской внешней политики в первые два года, прошедшие с инаугурации правительства Жаира Болсонару. Согласно прогнозам, приход к власти ультраправого президента коренным образом изменил сущность и направления традиционной внешней политики Бразилии, признанной в мире за ее независимость, прагматизм и умеренность. Автор приходит к выводу, что болсонаристская дипломатия во главе с канцлером Эрнесту Араужу, будучи ориентированной на внешнюю политику Соединенных Штатов, демантирует черты парадигм современной бразильской внешней политики, в том числе так называемого ответственного прагматизма, выдвинутого правительством президента Эрнесту Гайзелу (1974–1979) во время военной диктатуры, который являлся основой деятельности Бразилии на мировой арене, включая 13 лет левоцентристского правительства Партии трудящихся (2003–2016). Таким образом, Жаир Болсонару парадоксально игнорирует уроки военного режима, почитателем и апологетом которого он сам является. В то же время, проводя анализ актуальных внешнеполитических кейсов, автор демонстрирует, что правительство Болсонару подтвердило роль Бразилии в БРИКС, отреагировало на угрозы суверенитету Бразилии над бразильской Амазонией и подтвердило решение не присоединяться к Дополнительному протоколу МАГАТЭ. На основе проведенного анализа автор заключает, что, лишившись союза с «трампистской» Америкой, Бразилия столкнется с трудностями при президенте Джо Байдене в вопросах окружающей среды и прав человека. Возможная отставка Эрнесту Араужу, который является мишенью недовольства представителей агробизнеса, а также военных, политических и дипломатических кругов, может означать корректировку курса, но не вызовет существенных изменений во внешней политике «болсонаризма».

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-35-42>

Исследовательская статья

Безерра Марселу, к.полит.н., журналист, преподаватель кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России, Москва (Россия)

E-mail: mbezerra@mail.ru

Для корреспонденции:

119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

Для цитирования: Безерра М. Дипломатия Жаира Болсонару: демонтаж традиционной бразильской внешней политики. *Иberoамериканские тетради*. 2020, 8(3): 35–42. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-35-42>.

Статья поступила в редакцию: 26.12.2020

Принята к публикации: 25.01.2021

→ Ключевые слова

Бразилия, внешняя политика, дипломатия, США, Жаир Болсонару, Эрнесту Гайзел

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциально-го конфликта интересов.

11 ноября 2020 г. Ангола отметила 45-летие независимости, достигнутой после десятилетий вооруженной борьбы против португальского колониализма. Для Бразилии дата 11 ноября 1975 г. также являлась одним из наиболее знаковых эпизодов истории бразильской внешней политики в годы холодной войны. Несмотря на антикоммунистический характер бразильской военной диктатуры (1964–1980) и ее провозглашенный преференциальный союз с Соединенными Штатами, Бразилия стала первой в мире страной, которая признала независимость Анголы. Этот эпизод не имел бы значения, если бы ангольское национально-освободительное движение не возглавлялось революционной, марксистско-ленинской организацией MPLA – Народным движением за освобождение Анголы, под руководством политика и поэта Агостиньо Нето, которого поддерживали Советский Союз и Куба. Акт признания независимости Анголы при правительстве MPLA стал важной вехой на пути политики т.н. ответственного прагматизма, проводившейся в годы правления президента Эрнесту Гайзелу (1974–1979) и его министра иностранных дел Азереда да Силвейра. Следуя рекомендации посла в Луанде Овидиу Андраде Мелу¹, вопреки давлению со стороны США, наличию исторических связей с Португалией и конфронтации в рамках холодной войны, Бразилия объявила о признании новой африканской страны уже в первые минуты после провозглашения ею независимости. В том же 1975 г. Эрнесту Гайзел денонсировал действовавшее с 1952 г. двустороннее соглашение о военном сотрудничестве между Бразилией и Соединенными Штатами, считая, что оно более не соответствует национальным интересам Бразилии, и дал ход бразильской ядерной программе, подписав Соглашение о сотрудничестве в ядерной области с ФРГ. Главным пунктом этого соглашения, против которого выступили США, стало положение о передаче Бразилии передовых технологий в области мирного атома. В тот же период правительство Гайзелу возобновило дипломатические отношения с Китаем Мао Цзэдуна, открыв двери для развития двусторонних отношений с азиатским гигантом, плоды которых столь явно ощущаются и в наше время.

После 45 лет истории, отмеченной глубокими изменениями в международных отношениях и во внутриполитической жизни Бразилии, никто, казалось, не мог предвидеть, что «ответственный прагматизм», который так или иначе влиял на процесс принятия решений во внешней политике Бразилии, в годы правления президента Жаира Болсонару превратится в «дипломатию позора»². При министре иностранных дел Эрнесту Араужу Итамарати (МИД Бразилии) был привержен тесному союзу с Соединенными Штатами, который обуславливал роль на мировой арене, соответствовавшую внешнеполитическим ориентирам администрации Дональда Трампа. В одном из наиболее протекторативных эпизодов новой внешней политики Бразилия вместе с Соединенными Штатами и Израилем впервые проголосовала против резолюции ООН, осуждающей американскую блокаду Кубы. С Китаем, основным торговым партнером Бразилии, отношения на сегодняшний день пронизаны неопределенностью и «отравлены ядом» антикоммунистической риторики. В сфере экологической безопасности на фоне проблемы лесных пожаров и неконтролируемой вырубке лесов в Амазонии не обошлось без резких высказываний в адрес важных европейских партнеров, таких как Германия и Франция. Не была «забыта» даже Норвегия – основной международный инвестор в защиту окружающей среды в Амазонии, ежегодные вложения которой в Амазонский фонд (создан в 2008 г. с целью привлечения пожертвований на цели устойчивого развития Амазонии), начиная с 2008 г., составляли не менее чем 1,2 млрд евро. Хуссейн Калут, ученый из Гарвардского университета и бывший специальный секретарь по стратегическим вопросам правительства Бразилии отмечает, что «одна из важнейших структурных слабостей

1 В 2003 г. президент Лула да Силва почтил именем «Ovidio Andrade Melo» Исследовательский центр в Культурном центре Ангола-Бразилия в Луанде.

2 См., например, Давыдов 2019.

правительства Болсонару, несомненно, заключается в его внешней политике, где авторитет когда-то уважаемого дипломатического корпуса был подорван идеологической одержимостью президента»¹.

Но наиболее явно демонтаж традиционной бразильской внешней политики отразился на Южной Америке в целом. При Болсонару Бразилия вышла из Союза южноамериканских наций (UNASUR), существованию которого уже угрожал кризис в Венесуэле и изменения в правительствах некоторых стран Южной Америки. Как одно из наиболее важных достижений дипломатии левоцентристского правительства Партии трудящихся (ПТ) во главе с Лула да Силва, UNASUR был призван стать инструментом расширения и углубления южноамериканской интеграции с целью построения «регионального сообщества безопасности» и противодействия американской гегемонии в Латинской Америке. Общественный и межгосударственный проект Unasur достиг беспрецедентного прогресса в сфере обеспечения коллективной безопасности, в том числе в области национальной обороны, путем создания в 2008 г. Южноамериканского совета обороны (CDS) – первого южноамериканского института в этой области, сформированного без участия США.

Выход Итамарати из каналов диалога с Венесуэлой и спекуляции по поводу возможного участия Бразилии в военной интервенции США в эту страну можно считать крайними в пакете тех мер, которые министр Эрнесту Араужу предлагает для Южной Америки. Планы вооруженного конфликта натолкнулись на военное крыло правительства, мало склонное к авантюрам и более верное принципам умеренности и невмешательства. Важную роль в отношениях с Венесуэлой играл вице-президент, генерал Амильтон Моуран, представитель умеренного крыла «болсонаризма», который с 2002 по 2004 г. был военным атташе посольства Бразилии в Каракасе. Однако Итамарати среди других стран Латинской Америки и Европы признало тогдашнего депутата и лидера оппозиции Хуана Гуайдо исполняющим обязанности президента Венесуэлы. Линия на поддержку смены режима в Венесуэле проявилась и в роли Бразилии в «Группе Лимы», и в контактах Болсонару с советником президента США по национальной безопасности Джоном Болтоном и государственным секретарем Майком Помпео.

Аргентина также оказалась в центре внимания болсонаристской дипломатии. Болсонару подвергал идеологической критике левоцентристское перонистское правительство Альберто Фернандеса, угрожая благополучию отношений с главным партнером по МЕРКОСУР. Дистанция между президентами беспрецедентна для современной истории аргентино-бразильских отношений, отмеченных укреплением двусторонних связей и взаимного доверия после исторической встречи президентов Жозе Сарнея и Рауля Альфонсина в 1985 г. в период восстановления демократии в обеих странах и подписания «Декларации Игуасу», заложившей основы для экономической интеграции и двустороннего сотрудничества, что впоследствии привело к созданию МЕРКОСУР. Только в ноябре 2020 г. Болсонару и Фернандес наконец провели беседу по случаю 35-й годовщины Декларации Игуасу.

Главной неудачей болсонаристской дипломатии в Латинской Америке является возвращение левых сил к власти в Боливии с победой на выборах Луиса Арсе из MAS (Movimiento al Socialismo) уже после переворота, поддержанного правительством Бразилии, направленного против тогдашнего президента Эво Моралеса в ноябре 2019 г. Эво Моралес отметился обвинениями в адрес посла Бразилии в Ла-Пасе Отавиу Кортеса: бразильский посол вскоре после отставки Моралеса встречался с проигравшим

1 Hussein Kalout, "Bolsonaro's Failed Diplomacy Leaves Brazil Isolated as Pandemic Rages," *Foreign Policy*, July 7, 2020, <https://foreignpolicy.com/2020/07/07/bolsonaro-failed-diplomacy-brazil-isolated-coronavirus/>.

кандидатом Карлосом Месой и ультраправым Фернандо Камачо, а также с послом Европейского союза Леоном де ла Торре Крайсом, предположительно, с целью обсуждения будущей расстановки сил в руководстве страны¹.

Сравнительный анализ внешней политики правительств Болсонару и Гайзелла указывает на, по крайней мере, один любопытный аспект. Жаир Болсонару отождествляет себя с годами военного режима, политически отмеченными доктриной национальной безопасности и ее концептом «внутреннего врага»². Однако в своей внешней политике он отрицает парадигмы, построенные режимом, по которому сам испытывает ностальгию. В интервью 1993 г. уже вышедший в отставку генерал Эрнесту Гайзел высказался против «империалистической ориентации американского правительства» – эта точка зрения непостижима для Болсонару и его внешней политики. В том же интервью полковника Болсонару, тогда еще федерального депутата, генерал Гайзел назвал «случаем абсолютно ненормальным и в том числе – плохим военным»³.

Упорство, с которым Жаир Болсонару и его министр иностранных дел настаивают на тесном союзе с Соединенными Штатами, и их видение дипломатии, пронизанное идеологическими соображениями, практически не имеет аналогов в истории Бразилии. Даже в тех правительствах, которые были наиболее тесно связаны с Соединенными Штатами (Гаспара Дутры (1946–1951) и Кастелу Бранку (1964–1967)), бразильская внешняя политика не была до такой степени подчинена американским интересам. Такой политической практике в международных отношениях, определяемой концепцией «bandwagon»⁴, применительно к Бразилии трудно подыскать какое-либо рациональное обоснование. В годы военной диктатуры у альянса с Соединенными Штатами были веские политико-идеологические причины, обусловленные биполярным противостоянием и характером угроз того времени. Однако, как показал пример «ответственного прагматизма», даже это не предполагало столь высокой степени лояльности. «Болсонаризм», предлагающий союз с Вашингтоном в ущерб интересам Бразилии, недопустим в контексте построения многополярного миропорядка, активное участие в котором в последние десятилетия принимала Бразилия, являясь одним из главных его промоутеров. Подобная политика не дает Бразилии никаких преимуществ на пути ее становления в качестве одной из основ грядущего многополярного миропорядка. «Болсонаризм» также ставит под сомнение надежды на решение неотложных внутриполитических проблем, исходя из того обстоятельства, что представление о Соединенных Штатах как о возможном спонсоре политических и экономических амбиций Бразилии несколько раз появлялось и столько же раз проваливалось на практике⁵.

Список эпизодов противоречий в истории отношений Соединенных Штатов с Бразилией длинен: отказ в поддержке кандидатуры Бразилии на членство в Совете Без-

1 Felipe Yapur, "Evo Morales: El embajador de Brasil participó del golpe contra mi gobierno," *Diario Pagina12*, June 9, 2020, <https://www.pagina12.com.ar/271079-evo-morales-el-embajador-de-brasil-participo-del-golpe-contr>.

2 Согласно Доктрине национальной безопасности, внедренной во время военной диктатуры, бразильское государство находилось бы под угрозой со стороны подрывных сил социалистической идеологии, которая в период холодной войны действовала бы в революционных целях установления коммунистического режима в стране. Доктрина была принята Высшей военной школой (ESG) в 1968 г., вдохновленной доктриной безопасности Национального военного колледжа Соединенных Штатов. Доктрина обосновывала политические репрессии и ряд нарушений прав человека в стране.

3 D'Araujo and Castro 1997, 113, 341.

4 Концепция «bandwagon» 'противоположна' концепции «баланса силы». Вопрос проанализирован Стивеном Уолтом в работе «The Origins of Alliance». Концепция строится на наблюдении, что слабые государства в ситуациях нестабильности или угрозы могут предпочесть «объединиться» с более сильными государствами, вместо выбора в пользу политики «баланса сил», в качестве стратегии укрепления своей безопасности и получения дивидендов.

5 Корнилова Д. «Борис Мартынов: Бразилии грозит наступить на старые грабли» [Электронный ресурс] // Онлайн-журнал о Бразилии Brazil.ru. URL: <https://brasil.ru/opinions/interview/boris-martynov-brazilii-grozit-nastupit-na-starye-grabli> (дата обращения: 20.12.2020).

опасности ООН в 1945 г., нежелание передавать технологии в области ракетостроения в связи с бразильской ядерной программой в 1970–х гг., давление на Западную Германию в контексте соглашения в области ядерной энергии, настойчивость в вопросе создания Панамериканской зоны свободной торговли (ФТАА) в конце 1990–х гг., которая поставила бы под угрозу МЕРКОСУР, давление по линии МАГАТЭ за присоединение Бразилии к Дополнительному протоколу 1997 г. в целях раскрытия оригинальных аспектов бразильских ядерных технологий и т.д. Во время визита в Нью-Дели в 2012 г. президент США Барак Обама объявил о поддержке кандидатуры Индии на место постоянного члена Совета Безопасности ООН: «В ближайшие годы я жду реформированный Совет Безопасности ООН, в котором Индия станет постоянным членом». При посещении Бразилии спустя четыре месяца американский президент лишь косвенно упомянул о «стремлении» Бразилии занять постоянное место в Совете Безопасности¹. В одном из последних эпизодов отношений с Бразилией, уже при правительстве Болсонару, США первоначально не включали Бразилию и в число стран, рекомендованных к вступлению в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Текущая внешняя политика Бразилии вызвала острую реакцию в бразильских, а также международных академических, дипломатических, политических и военных кругах. Недовольство руководством Итамарати среди военных вызывает слухи об отставке министра Эрнесту Араужу, чьими идейными вдохновителями являются ультраконсерватор, философ-обскурантист Олаву де Карвалью, проживающий в США, и представитель американских правых Стив Бэннон. Риторика Араужу – это скорее отвлеченный философский дискурс: одна из его предпочтительных идей заключается в переосмыслении грамшианской концепции «культурной гегемонии». Согласно Араужу, Бразилия и весь западный мир находятся под угрозой «культурного марксизма» – идеологии, основанной и распространённой «мощными глобалистскими силами» с социалистическими целями. В мае 2020 г. шесть бывших бразильских канцлеров, которые руководили министерством иностранных дел в правительствах разного политического толка, совместно выпустили манифест «Восстановление бразильской внешней политики», в котором подвергли резкой критике внешнюю политику страны. В манифесте было отмечено, что «власть отходит от универсального призвания бразильской внешней политики и ее способности вести диалог и наводить мосты с различными странами, развитыми и развивающимися, в пользу наших интересов». Экс-министры упоминают, среди других вопросов, о «поддержке принудительных мер в соседних странах, нарушающих принципы самоопределения и невмешательства; голосование в ООН за применение одностороннего эмбарго в нарушение норм международного права, равенства государств и мирного разрешения конфликтов; одобрение применения силы против суверенных государств без разрешения Совета Безопасности ООН и голосование против резолюций Совета по правам человека в Женеве, осуждающих нарушение этих прав». По мнению экс-министров, восстановление бразильской дипломатии «требует возвращения к чувству равновесия, умеренности и конструктивному реализму», а также к таким ценностям, как «солидарность и поиск диалога, на которых строилась бразильская дипломатия, став наследием и гордостью бразильского народа»².

В то же время, на фоне «демонтажа» бразильской внешней политики до сих пор сохранились некоторые ее основные элементы. Сохранился формат БРИКС и позиция

1 Jason Burke, "Barack Obama offers backing to India's bid for UN security council seat," *The Guardian*, November 8, 2010, <https://www.theguardian.com/world/2010/nov/08/obama-india-un-security-council>; "Obama acknowledges Brazil's UN hopes," *Financial Times*, March 19, 2011, <https://www.ft.com/content/1f518fec-5257-11e0-8a31-00144feab49a>.

2 «Бразилия: шесть бывших глав МИД осудили внешнюю политику Болсонару» [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Реалист». URL: <http://realtribune.ru/news/world/4241> (дата обращения: 20.12.2020).

по нему. В противовес США, которые считают БРИКС «альянсом, созданным для борьбы с североамериканской глобальной гегемонией»¹, МИД Бразилии сохранил понимание того, что БРИКС является инструментом проекции Бразилии на мировой арене и форумом, который может принести значительные экономические и политические дивиденды. Конкретным подтверждением этого является недавнее увеличение объема кредитования Бразилии через Новый банк развития БРИКС, включая новый кредит на 1 млрд долларов, одобренный в связи с программой экстренной помощи для борьбы с пандемией COVID-19. Саммит в Бразилиа 2019 г. своевременно подтолкнул к деполитизации дискурса и принятию более технократической позиции. Это позволило избежать обсуждения венесуэльского кризиса², несмотря на настойчивое обращение канцлера Эрнесту Араужу в его вступительной речи³, и сохранить существующий уровень российско-бразильских двусторонних отношений. Это обстоятельство было особо важным, учитывая, что впервые после распада Советского Союза Бразилия и Россия занимают различные позиции в Латинской Америке относительно кризиса в Венесуэле и отношений с Кубой⁴. «Нейтралитет» БРИКС оказался своевременным, принимая во внимание то, что, несмотря на различия во взглядах, Бразилия не перешла на откровенно антироссийские позиции⁵.

Вторым заметным исключением на фоне нынешнего курса бразильской дипломатии стало подтверждение отказа подписать Дополнительный протокол МАГАТЭ как нарушающий суверенитет Бразилии документ. С 1997 г. МАГАТЭ оказывало давление на Бразилию и Аргентину с целью подписания ими протокола, который предоставляет международным инспекторам неограниченный доступ к информации и наблюдению за атомными установками с целью обнаружения предполагаемой несанкционированной ядерной деятельности или других нарушений Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Бразилия считает Дополнительный протокол ненужным ввиду своей приверженности политике нераспространения, отраженной в Конституции Республики и в международных договорах, и наносящим ущерб национальным интересам страны. Предполагаемые инспекции подразумевали бы выявление определенных аспектов бразильской ядерной программы, включая характеристики ультрацентрифуг, изготовленных на основе национальных высоких технологий, которые позволяют обогащать уран при более низких затратах. На встрече в 2019 г. Жаир Болсонару и тогдашний президент Аргентины Маурисио Макри подтвердили решение не присоединяться к Протоколу⁶.

Наконец, следует упомянуть своевременную реакцию Бразилии на высказывания по поводу национального суверенитета над Амазонией со стороны европейских держав на фоне политики бразильского правительства в секторе окружающей среды. Как известно, в контексте амазонских лесных пожаров 2019 г. и незаконной вырубki лесов в Амазонии, президент Франции Эммануэль Макрон высказался о возможности «определения статуса Амазонии как международного»⁷. В ответ на это Болсонару заявил, что «Бразилия считает неприемлемыми высказывания Макрона, который совершает необоснованные выпады в отношении Бразилии и не маскирует при этом свои намерения в отношении Амазонии, как

1 Leónova 2020, 37.

2 Astákhov and Astákhova 2020, 14.

3 "Discurso do ministro de Estado das Relações Exteriores, embaixador Ernesto Araújo, na abertura da III Reunião de Ministros das Relações Exteriores do BRICS no Rio de Janeiro," Itamaraty, accessed December 21, 2020, <http://funag.gov.br/index.php/pt-br/2015-02-12-19-38-42/3220>.

4 Безерра 2019, 90–95.

5 Пятаков 2020, 17.

6 Igor Gielow, "Itamaraty resiste a alinhamento com EUA em conferência de energia atômica da ONU," *Folha de S. Paulo*, September 20, 2019, <https://www1.folha.uol.com.br/mundo/2019/09/itamaraty-resiste-a-alinhamento-com-eua-em-conferencia-de-energia-atomica-da-onu.shtml>.

7 "French President Macron backs international intervention in Amazon," *The Local*, September 7, 2019, <https://www.thelocal.fr/20190907/macron-backs>.

если бы она была колонией или бесхозной землей», и отметил, что «уважение суверенитета любой страны – это наименьшее, чего можно ожидать в цивилизованном мире»¹.

Следует отметить, что дипломатическая традиция, основанная на независимости, прагматизме и умеренности, не укладывается в узкие политико-идеологические рамки «болсонаризма». Если Жаир Болсонару не будет отстранен от должности через импичмент – гипотеза маловероятная, несмотря на десятки запросов, поданных в Национальный конгресс, – то только со сменой власти после президентских выборов в октябре 2022 г. Бразилия сможет вернуться к дипломатии, которая, по словам бывших канцлеров, является «наследием и гордостью бразильского народа».

С другой стороны, во внешней политике Бразилии может произойти «корректировка» из-за двух факторов. В первую очередь это связано с усилением давления на Болсонару и возможным увольнением канцлера Эрнесту Араужу, который находится под давлением четырех мощных секторов политической жизни Бразилии. Из-за конфликтных отношений министра Араужу с Китаем, отмеченных серией трений, провокаций и идеологических оскорблений, на него оказывается давление со стороны бразильского агробизнеса, который экспортирует бразильскую сою в числе других сельскохозяйственных продуктов в Китай, являющийся крупнейшим торговым партнером Бразилии. Националистическое военное крыло, в качестве «осколков» дипломатии «ответственного прагматизма» президента Гайзела, мало склонно к эксцентричности канцлера. Отдельное направление – давление внутри Итамарати, вызванное огромным недовольством бразильского дипломатического корпуса. И наконец, за отставку министра выступает парламентская оппозиция, которая в данном случае объединяет не только левые партии, но также партии центра и правых. Во-вторых, в международном контексте с формированием правительства Джо Байдена произойдут изменения в американо-бразильских отношениях, которые с начала правления Болсонару были отмечены симпатиями бразильского президента к «трампизму». США могут сохранить протекционистские меры против бразильского агробизнеса, экспорта стали и алюминия путем повышения таможенных сборов и, в то же время, окажут давление относительно окружающей среды в Амазонии и по проблематике прав человека. Под давлением демократической президентской администрации правительство Жаира Болсонару будет подвергнуто большей изоляции на мировой арене. Таким образом, предстоит увидеть и оценить, как сложатся до этого момента «братские» отношения «болсонаризма» с США.

→ Список литературы / References

Безерра, М. Бразилия и Россия: различия взглядов в Латинской Америке // *Латинская Америка*. – 2019. – №2. – С. 90–95. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0006157-1>. [Bezerra, M. "Braziliya i Rossiya: razlichiya vzglyadov v Latinskoi Amerike" [Brazil and Russia: Different Points of View in Latin America]. *Latin America* 2 (2019): 90–95.] [In Russian]

Бразилия: смена приоритетов в новом политическом цикле / отв. ред. В.М. Давыдов. – М.: ИЛА РАН, 2019. – 144 с. [Davydov, V.M., ed. *Braziliya: smena prioritetov v novom politicheskom tsikle* [Brazil: a shift in priorities in a new political cycle]. Moscow: ILA RAS, 2019.] [In Russian]

Пятаков, А. Россия – Латинская Америка в XXI веке: трудности и противоречия сближения // *Notes de l'IFRI. Russie. Nei. Visions*. – 2020. – №119. https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/pyatakov_russia_latin_america_ru_2020.pdf. [Pyatakov, A. "Latinskaya Amerika v 21 veke: trudnosti i protivorechiya sblizheniya" [Latin America in the 21st century: difficulties and contradictions of rapprochement]. *Notes de l'IFRI. Russie. Nei. Visions* 119 (2020).] [In Russian]

1 Jair M. Bolsonaro (@jairbolsonaro), "Não podemos aceitar que um presidente, Macron, dispare ataques descabidos e gratuitos à Amazônia," *Twitter*, August 26, 2019, <https://twitter.com/jairbolsonaro/status/1165970376725319680>.

Astákhov, Evgueny, and Elena Astákhova. "Brasil – BRICS: Desde Lula da Silva hasta Bolsonaro" [Brasil – BRICS: from Lula da Silva to Bolsonaro]. *Iberoamérica* 1 (2020): 5–20. <https://doi.org/10.37656/s20768400-2020-1-01>. [In Spanish]

Leónova, Olga. "Brasil entre el IBSA y el BRICS" [Brasil between IBSA and BRICS]. *Iberoamérica* 1 (2020): 21–46. <https://doi.org/10.37656/s20768400-2020-1-02>. [In Spanish]

D'Araujo, Maria Celina, and Celso Castro, eds. *Ernesto Geisel*. Rio de Janeiro: FGV, 1997. [In Portuguese]

Jair Bolsonaro's diplomacy: dismantling traditional foreign policy of Brazil

M. Bezerra

→ Abstract

The author of the article under consideration analyzes Brazilian foreign policy in the period of the two years of Jair Bolsonaro's government. According to predictions, introduction of the ultra-right politician to power radically changed Brazil's traditional foreign policy recognized for its independence, pragmatism and moderation. 'Bolsonarist' diplomacy led by chancellor Ernesto Araújo, following the agenda of the foreign policy of the United States, deconstructs the paradigms of Brazilian diplomacy, including the so-called 'responsible pragmatism' formulated by the government of president Ernesto Geisel (1974–1979) during the military dictatorship as one of the pillars of Brazil's role on the world stage, including the 13 years of the center-left government of the Worker's Party (2003–2016). Thus, paradoxically, Jair Bolsonaro ignores the lessons of the military regime of which he is an admirer and an apologist. Despite that, however, Bolsonaro's government has reaffirmed Brazil's role in BRICS, responded to threats posed to Brazil's sovereignty over the Brazilian Amazon and reaffirmed its decision not to join the IAEA Additional Protocol. Stripped of its alliance with 'trumpism', Brazil will face challenges in environmental and human rights areas with Joe Biden's administration. Possible dismissal of Ernesto Araújo, being an object of discontent in agribusiness and in the military, political and diplomatic circles, may mean an 'adjustment', but it will not bring about significant changes in the foreign policy of 'bolsonarism'.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-35-42>

Research article

Marselo Bezerra, PhD (International Relations), journalist; Tutor, Chair of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University, Moscow (Russia)

E-mail: mbezerra@mail.ru

For correspondence: 119454, Russia, Moscow, Vernadskogo Ave., 76

For citation: Bezerra M. Jair Bolsonaro' Diplomacy: dismantling traditional foreign policy of Brazil. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 3 (2020): 35–42. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-35-42>.

Received: 26.12.2020

Accepted: 25.01.2021

→ Keywords

Brazil, foreign policy, diplomacy, USA, Jair Bolsonaro, Ernesto Geisel

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Политика • Política

Brasil y los viejos rostros de la derecha

Martín Pizzi, Martín Rodríguez Ossés

→ Resumen

El liderazgo de Jair Bolsonaro en Brasil encaja en la tendencia general moderna de avanzar hacia los puntos de vista más conservadores en diferentes partes del mundo. El presente trabajo intenta investigar las causas de este cambio y descubrir las claves para su comprensión. El artículo se centra en la dinámica de los procesos políticos en Brasil, que precedieron a la llegada de Jair Bolsonaro al poder y que se desarrollan en la actualidad en el país. La pregunta central a la que los autores buscan respuesta es: ¿Qué personajes y tendencias hay detrás de este "giro a la derecha"? Las actitudes políticas están determinadas en gran medida por el tema de la identidad nacional y la autodeterminación, que se refleja en la propia naturaleza humana. Los autores identifican las categorías centrales de referencia de dichas identidades (fe, trabajo, familia) y trazan, en una perspectiva histórica, el desarrollo de agentes políticos y grupos sociales que conforman dicha distribución de identificación y predeterminan el diálogo político en el estado. Además se señala la influencia significativa del componente religioso, incluso cuando se trata de la presencia de evangélicos entre altos funcionarios. Las Fuerzas Armadas mantienen su estabilidad y continúan brindando apoyo político como garantes del orden. El proceso de la descentralización de la información se ha acelerado a través de las redes sociales, con una mayor cobertura en la población, sin embargo, la controversia presente más intensa entre el público e incluso la polarización de la opinión pública, no tiene ningún efecto en las decisiones de la política interna o externa. Los ejes socioeconómicos sobre los que se alinean las decisiones nacionales están asociados a un espíritu de renovación, sin embargo, de hecho, muchos factores indican una orientación conservadora.

→ Palabras clave

Bolsonaro, pastores, fuerzas armadas, redes sociales, conservadurismo

Declaración de divulgación: Los autores no informó de ningún posible conflicto de intereses.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-43-53>

Artículo de investigación

Martín Pizzi, Editor Responsable, *Equilibrium Global* (Argentina)

E-mail:
martin_pizzi@yahoo.com.ar

Para la correspondencia:
CP 1646, Argentina, Provincia de Buenos Aires, San Fernando, av. Presidente Perón, 45, 3/A

Martín Rodríguez Ossés, analista internacional, Globalizar Foundation, Mendoza (Argentina)

E-mail: mrodriguez@mrocg.com

Para la correspondencia:
CP 1407, Argentina, Capital Federal, Lobería 47, PB/2

Para citar: Pizzi, Martín, Rodríguez Ossés, Martín. "Brasil y los viejos rostros de la derecha" [Brazil and the old faces of the right]. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 3 (2020): 43-53.
<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-43-53>. [In Spanish]

El artículo fue recibido por los editores: 12.12.2019

Aceptado para publicación: 11.02.2020

Desde el momento en que sus naciones comenzaron a emanciparse de sus metrópolis coloniales, Latinoamérica ha sufrido endémicamente – entre otros males – de situaciones o escenarios de inestabilidad política. La consolidación de los procesos democráticos desde la década de 1980 no ha desterrado esta condición sino que ha modificado las formas y los procesos en que se va presentando: los golpes de Estado y los gobiernos militares han pasado a ser situaciones muy poco habituales; pero el obstruccionismo legislativo, los conflictos entre Poderes, procesos de impeachment opacos y presos de legítimos cuestionamientos, elecciones cuya transparencia no están plenamente garantizada o muy periódicas (re)interpretaciones constitucionales han signado los primeros veinte años de este siglo en la región. Pero, más allá de estas anomalías y obstáculos al devenir democrático, el debate ideológico y partidario está muy vivo en Latinoamérica. La alternancia, el péndulo, entre gobiernos de diverso signo en la región – en varios estados en forma simultánea – es un fenómeno ya observado y bien estudiado; lo mismo que sus relaciones y sus expresiones institucionales: ya sea por la creación, la consolidación, la declinación o directamente el desarme de diversas organizaciones internacionales.

En este sentido, vemos interesante la consideración de la situación del líder político y económico de América del sur (la espiga latinoamericana), Brasil, donde la llegada de Jair Bolsonaro al poder en 2019, marcó un “giro a la derecha” en la vida del país. A riesgo de que estas líneas queden obsoletas al momento de su publicación – por la notable velocidad que toman los acontecimientos y por el particular contexto en el que se desarrollan, – trataremos de hacer algunas observaciones sobre los actores políticos que han tomado no solamente la centralidad de la escena sino son el soporte y sostén de un mandatario como Jair Bolsonaro que, si bien parece rupturista y revisionista si lo contrastamos al pasado inmediato y no ha temido en avanzar sobre espacios tradicionalmente autónomos en la política brasileña como Itamaraty, ha redirigido a su país – en el orden doméstico e internacional – hacia rumbos oportunamente recorridos y bien conocidos: el alineamiento con los Estados Unidos, la desconfianza hacia Argentina y la organización social sobre bases conservadoras y de raigambre religiosa. Amén de la fortaleza – o no – que pueda tener Bolsonaro para sostener su gobierno, que ha debido enfrentar una mesa de veintisiete gobernadores estatales coordinando medidas para enfrentar la pandemia de COVID-19,¹ prescindió de dos ministros de salud en menos de treinta días y está acosado por permanentes rumores de golpe de estado, acciones de grupos de interés y de presión y asunción de altos oficiales militares en puestos clave,² vemos en estos actores de la política brasileña sujetos que, si bien pueden no responder a estructuras partidarias tradicionales, representan espacios lo suficientemente homogéneos y coordinados como para trascender a un eventual ocupante del Palacio de Planalto.

La derecha en Brasil

Pensar en un giro a la derecha en Brasil es hablar de un eterno retorno. Como bien menciona Luiz Augusto E. Faria:³

“Todos [sus] episodios históricos de turbulencia y bifurcación se resolvieron sin rupturas significativas. En una variante del concepto de Aufhebung en

1 “Los 27 gobernadores de Brasil convocan a una reunión urgente para definir el futuro frente a Bolsonaro,” *La Prensa*, March 25, 2020, <http://www.laprensa.com.ar/487023-Los-27-gobernadores-de-Brasil-convocan-a-una-reunion-urgente-para-definir-el-futuro-frente-a-Bolsonaro.note.aspx>.

2 Ver: Victoria Darling, “Brasil y la tensión latente ¿Es posible un golpe militar a Bolsonaro?,” *Nodal*, April 11, 2020, <https://www.nodal.am/2020/04/brasil-y-la-tension-latente-es-posible-un-golpe-militar-a-bolsonaro-por-victoria-darling-especial-para-nodal/>.

3 Faria 2017.

Hegel,¹ el nuevo se materializa en pequeñas transformaciones del viejo, que siempre permanece y se impone de forma dominante."

La naturaleza de la derecha en Brasil, sin embargo, debería abrir nuestros ojos respecto de todas las fuentes de las que se nutre; de su diversidad y de su capacidad de complementación.

El surgimiento del "mito", Jair Bolsonaro, resulta tanto el fin de un proceso como el despertar de un auge identitario que difícilmente logre cristalizarse. El fin de un proceso porque es el resultado y la consecuencia de varios cursos de acción que fueron mellando todos los vectores que permitían a la sociedad brasileña identificarse con el aparato gobernante. Y es un despertar porque, al igual que en otras regiones del mundo, una vieja sociedad asoma su cabeza soñando ser otra cosa que lo que de hecho son: lo mismo de siempre.

El caso brasileño es significativamente más claro por los actores de su presente. Aquellos que por capacidad política han institucionalizado este "giro a la derecha": El movimiento religioso – encarnado en este caso por las iglesias neopentecostales – y las Fuerzas Armadas principalmente.

A los efectos de ese giro, Bolsonaro goza de las características propias de las figuras del conservadurismo popular que comienzan a empoderarse más por defectos de aquellos frente a quienes ponen del otro lado del espejo que por sus propias virtudes. El honestismo y sus consecuentes sincericidios; ser un *free rider* político y un nacionalismo desbocado lo acercaron a un imaginario social desesperado de un vocero, pero sin necesidad de interlocutores con quien dialogar.

Otra fuente que es imperativo mencionar son los jóvenes. Un segmento de la población brasileña que se nutrió del descontento ya sea por distanciamientos ideológicos (con el Partido de los Trabajadores y/o el Movimiento sin Tierra), por sus frustraciones socioeconómicas, sea desplazados por las políticas públicas del *Lulismo* o por las crisis heredadas de su sucesora, Dilma Rousseff, o incluso por la búsqueda de un interlocutor que llame a la restauración de un orden social – muchas veces idealizado exageradamente – que por una cuestión generacional estos jóvenes no lograron experimentar, pero anhelan su restauración. La juventud no sólo se erigió como un sostén y una base política, sino que ayudó a impulsar la comunicación y la agenda del bolsonarismo y crear la figura del "mito" aprovechando los recursos y la potencialidad de las redes sociales.

Los últimos treinta años han marcado un verdadero hito respecto de las cosmovisiones preexistentes. Procesos activados de emancipación (como el alza del movimiento LGBT, el empoderamiento feminista), la aceleración de los cambios tecnológicos y la – consecuente – nueva división del trabajo parecen haber resultado *demasiado* para un sector de la sociedad que se sintió sobrepasada y encontró refugio en tres pilares: Fe, Trabajo y Familia; tres ordenadores centenarios que se correlacionan en nuestro *mindset*: la división entre nosotros y ellos.

Programados

La ya mencionada división entre nosotros y ellos no es simplemente una cuestión de elección – racional o irracional/ caprichosa/enteramente subjetiva – tiene basamentos rastreables inclusive por las ciencias duras y la medicina.

Robert Morris Sapolsky, un neuroendocrinólogo de la Universidad de Stanford, escribió² sobre la predisposición biológica de los seres humanos en la formación de la identidad en grupos humanos. Nuestro cerebro tiene la capacidad de distinguir en

1 Hegel 2018, 60-101.

2 Sapolsky 2019.

una fracción de segundo a aquellos que pertenecen a nuestro grupo y aquellos que no; inclinándonos a ser amables con los primeros y hostiles con los segundos. Estas reacciones son automáticas e inconscientes. Aun cuando nuestros juicios son fluidos y cambiantes – permitiendo que quienes hoy nos resulten amigos mañana sean enemigos y al revés, – nuestra predisposición biológica al tribalismo nos encauza a separar inconscientemente entre *nosotros* y *ellos*. Así, estamos sin saberlo a merced de cómo la amígdala, el conjunto de neuronas situada en el lóbulo temporal de nuestro cerebro, reacciona y nos infunde de miedo y agresividad. Y solo le toma una décima de segundo, muchos antes que las acciones de la corteza prefrontal que regula el control y la regulación de nuestras emociones. Estamos neurológicamente atrapados en una secuencia en donde corregimos nuestros impulsos *tarde*. Un claro ejemplo es la reacción del córtex del cíngulo anterior, una región del cerebro vinculada a nuestra capacidad de empatía. Según quién es afectado, podemos observar mayor o menor actividad en esta región. Así, como bien indica este autor, algunos dolores nos importan más que otros. También indica que ya desde temprana edad estamos programados a sentirnos refugiados en la *familiaridad*: en lo que conocemos, lo que no es cercano, aunque sea por vinculación.

El contexto social le da un carácter menos inequívoco a la dicotomía. Afortunadamente al ser seres sociales nos encontramos en una situación de superposición y entramado de grupos colectivos. Eso nos permite atemorizarnos de una persona (ellos) – cuando caminamos solos en la calle – pero abrazarnos al festejar un gol en una tribuna de fútbol (nosotros). Esta naturaleza subyace en gran medida en los procesos de construcción de pertenencia a un grupo social en particular; sobre esta base se forma la superestructura, representando un complejo de identidad difícil.

En el caso del Bolsonarismo, su *ethos* tiene dos clivajes sobre lo que pivotea. El primero representado en un eje social, de defensa de valores conservadores y en la búsqueda de restaurar su centralidad; y el segundo en un eje económico, de tinte neoliberal. Es sobre estos dos ejes que encuentra validación en diferentes grupos, lo que hemos discutido parcialmente antes: pastores de iglesias evangélicas; las Fuerzas Armadas; los grupos económicos enfrentados al modelo lulista; los sectores de la sociedad postergados por los gobiernos anteriores y aquellos que se vieron defraudados por las élites políticas que se vieron involucradas en casos de escandalosa corrupción.

Los pastores

El ascenso de las iglesias pentecostales en Latinoamérica ya registra cuatro décadas y ha quebrado el liderazgo monolítico del catolicismo en el continente. Su influencia y su crecimiento como actores políticos encuentran eco en muchos países de la región, principalmente Estados Unidos, Brasil y Bolivia como casos más resonantes, con sus propias características. Esta consolidación no ha pasado inadvertida para la propia jerarquía de la Iglesia Católica al proclamar como Sumo Pontífice al argentino Jorge Bergoglio en el año 2013. Francisco es el primer Papa nacido en el continente americano y el primer no europeo en acceder a la Silla de Pedro desde el sirio Gregorio III, fallecido en el año 741.

Parte del éxito de ese ascenso es explicado por el historiador Andrew Chesnut¹ quien recalca cinco características propias de este movimiento: A) la cohesión ideológica que ayuda con las articulaciones políticas, B) la consistencia de sus ritos con la cultura latinoamericana, C) la capacidad de inserción en sectores mayormente postergados gracias a la flexibilidad de su sacerdocio – nosotros le adicionamos a este punto la simplificación teológica y doctrinaria del mensaje transmitido, D) la capacidad de tejer redes de apoyo en comunidades marginadas – particularmente dentro del sistema carcelario, – y E) la capacidad de encontrar resonancia con sectores católicos conservadores de clase media y alta.

Otro factor considerable de las iglesias neopentecostales² como actor político reside en el compromiso político de sus líderes, que, en contraposición con sus pares católicos, persiguen una agenda mucho más homogénea sin decantar, como los segundos, en una polaridad continua de representaciones de izquierda y derecha.

A su vez, la conformación de una base política de estas características lleva a moldear el interés nacional, ya que persiguen ciertos lineamientos muy duros de política exterior ligados a la defensa de Israel en su disputa geopolítica.³

Las iglesias pentecostales también han sabido aprovecharse de la sencillez y tangibilidad de sus ritos, frente a la rigidez de una Iglesia católica que no ha buscado evolucionar en sus modos con el tiempo. Han logrado conectar más y mejor con sectores de la sociedad que han sido marginados o se encuentran en una situación de vulnerabilidad (adictos, criminales, desesperados o decepcionados con la vida), buscando que el creyente experimente una relación directa con Dios a través de una exégesis literal de los textos religiosos; sin complejos giros teológicos o Misterios de la Fé. El no culto a la Virgen o a los Santos ha desprovisto – mayormente – de iconografía a los templos.

También – y esto es fundamental – fueron los líderes pentecostales aquellos que mejor entendieron y canalizaron las demandas de los grupos que postulaban posiciones enfrentadas a lo que ellos denominan *marxismo cultural*, una situación de relativización moral que pone en jaque valores centrales respecto a la educación sexual, al aborto y al rol de la mujer en la sociedad. Han logrado erigirse en eficaces voceros de determinados sectores sociales que resisten la revisión a los matices tradicionales de estos valores – independientemente y transversalmente a sus condiciones socioeconómicas – al tiempo que logran mostrarse como buenos conocedores de la sociedad a la que dirigen sus mensajes. Las iglesias pentecostales muchas veces representan para un sector social una respuesta más efectiva que aquellas que ofrece, o mejor dicho no ofrece, el Estado: Asistencia económica, laboral, salubre, educativa, dignas condiciones carcelarias. Es decir, en muchos casos son la primera línea de defensa de las familias más pobres de nuestro continente. Si a eso se le suma la percepción de los líderes evangélicos como emisores de una palabra divina, se convierten en verdaderos cuadros políticos. Su accesibilidad permite incrementar las bases políticas de los gobernantes: una militancia por *capacidad transitiva* si se quiere.

En el caso puntual de Brasil, los líderes evangélicos ya se constituyen como una parte formal de sistema político, ocupando bancas en el Congreso y con varios representantes

1 Catedrático y profesor de Estudios Religiosos en la Virginia Commonwealth University. Es experto en religiosidad latinoamericana. Entrevistado por la BBC el 27/11/2019: Nathalia Passarinho, "Cómo las iglesias evangélicas han logrado ganar tanto peso en la política de América Latina," *BBC*, November 27, 2019, <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-50535984>.

2 Pérez Guadalupe and Grundberger 2018.

3 "Coalición de pastores latinoamericanos felicita a Netanyahu por su victoria," *Aurora*, April 14, 2019, <http://www.aurora-israel.co.il/coalicion-de-pastores-latinoamericanos-felicitan-a-netanyahu-por-su-victoria>.

como el pastor Silas Malafaia con una gran capacidad de influencia. Tanto es el poder de estos sectores que encumbraron a Jair Bolsonaro como el candidato de Dios y estigmatizaron a su contrincante, Fernando Haddad, como enemigo de la Fe. Previamente, gracias a Edir Macedo, el magnate creador de la Iglesia Universal de Dios (iglesia neopentecostal fundada en Brasil en 1977 – *N. del Ed.*), crearon su propio partido – el Partido Republicano Brasileño (PRB) – que logró instalar como alcalde de Río de Janeiro al propio sobrino de Macedo, Marcelo Crivella, en el año 2016. Párrafo especial para Crivella quien contó con el apoyo de Lula da Silva en el año 2006 para su candidatura a la gobernación de Río de Janeiro y fue Ministro de Pesca y Agricultura de Dilma Rouseff en el año 2012.

Estado y fuerzas armadas

Brasil, por su densidad geopolítica, siempre fue un actor preponderante en el sur del continente americano. Ello llevó, por ejemplo, al alineamiento con los Estados Unidos durante y tras el desarrollo de la Segunda Guerra Mundial, que permitió establecerlo como fuente de financiación y protección. Pero fundamentalmente a cimentar una postura ideológica que se servía de la Guerra Fría como su combustible. Por otra parte, la competencia regional con la Argentina confirmó la importancia estratégica de sus fuerzas armadas, tanto en el despliegue fronterizo terrestre como en el planeamiento y alistamiento naval.¹

Como en todos los países latinoamericanos, la presencia de las fuerzas armadas en la arena política era significativa. En el caso de Brasil, dueño de un pasado imperial particular (distinto a la aproximación incaica que podamos tomar de países como Perú y Bolivia), la relación entre la sociedad civil y las fuerzas armadas tomaron caminos distintos respecto al caso argentino, de disociación y ruptura. Brasil, más cercano al caso chileno, realizó sus polarizaciones en el seno de la sociedad civil con un sector inalterablemente leal a sus fuerzas armadas. En todo caso, las fuerzas armadas nunca perdieron su *ethos* tan propio de la región: los custodios del país. De hecho, el vínculo de las fuerzas armadas como actor político es tal que se auto perciben como garantes del orden amparados por las élites políticas en un acuerdo de privilegios que terminó oficializando tal rol en la constitución y los protegió de una persecución legal con el retorno de la democracia.

El caso de la dictadura brasileña (1964–1985) ofrece una versión alternativa en Latinoamérica al presentarse como un actor político conservador (y no destructor) de su aparato económico. El nacionalismo, propio de las derechas globales, cobró un cariz propio en el marco de la competencia regional y confirmó un grado de autonomía respecto a los intereses estadounidenses bajo la política de “pragmatismo responsable” en manos del canciller Azeredo de Silvera durante el gobierno de Ernesto Geisel – quien profesaba el luteranismo – y continuada por su sucesor Joao Baptista Figueiredo. Esto se hizo especialmente manifiesto en el área de Defensa, que persiguió la autosuficiencia de capacidades (de suma importancia considerando el programa nuclear en Argentina, controlado directamente por la Armada en el periodo 1976–1983). Así, la región encontró una divergencia muy particular con el coloso del norte en manos de sus dos mayores representantes. Uno por capacidades (Brasil) otro por errores/ambiciones (Argentina): la Guerra de Malvinas, el enriquecimiento de uranio – anunciado en noviembre de 1983 durante la transición a la democracia² – y el programa misilístico Cóndor, que encontró un sostenido apoyo político y económico durante la Administración Alfonsín.

1 Como sencillo y contundente ejemplo presentamos la compra por parte de Brasil del portaaviones británico *HMS Vengeance* en diciembre de 1956, y la casi inmediata adquisición por parte de Argentina del también británico *HMS Warrior* en 1958, ambos gemelos pertenecientes a la clase *Colossus*.

2 Madero and Takacs 1991, 78, 88.

Aun con un fuerte signo anticomunista, la dictadura brasileña logró fortalecer y diversificar su programa industrial y de grandes obras públicas. Tal esfuerzo demandó la persecución de aspiraciones más audaces: nuevos proveedores, nuevos mercados; ergo, mayor distanciamiento de la égida estadounidense. Así, y a pesar de sus alineamientos con el bloque soviético, logró formar relaciones con los países árabes y el continente africano. En el último caso, vinculándose con naciones como Angola, Mozambique, Cabo Verde y Guinea Bissau cuyo idioma (y su pasado colonial) los unía.

La llegada de la democracia, sin embargo, no logró reconciliar los polos de la sociedad civil porque hizo propio los fracasos del modelo derrotado. Así, las presidencias neoliberales (Fernando Collor de Melo, Itamar Franco y Fernando Henrique Cardoso) desangraron el entramado industrial nacional logrando contraer el crecimiento de los proyectos de complejo industrial-militar preexistentes¹ (1981/1989, un 2,3% y 1990/2002, un 1,9%). Tal es así que la participación de la industria nacional en la participación del PBI pasó de un 21,6% en 1985 al 9,4% en 2016, números cercanos al período de nacimiento del rubro. Otro dato fundamental pasa por el reperfilamiento de la burguesía industrial en agentes financieros. Es decir, los constructores se volvieron especuladores. Así, la economía brasileña sufrió una reprivatización que empoderó a otro sector clave: los terratenientes.

Las redes

La importancia de las redes sociales como actor promotor del ascenso de Jair Bolsonaro no es menor. Y no es un fenómeno que se circunscribe al espacio brasileño; sino un suceso global. Hay dos factores que ayudan a explicarlo. El primero es el cambio tecnológico y su consecuente impacto social. Con el advenimiento de las redes sociales comenzó un proceso de descentralización de la información, una mal llamada democratización de la misma. En realidad, se trata de un proceso de horizontalidad; de distribuir sobre un mismo eje una mayor cantidad de fuentes. No hay un proceso de democratización porque no hay una distribución o alteración de poder sino de ofertas.

En el caso de los procesos políticos y electorales tenemos una capitalización de esa sobreoferta. Hay, por lo menos, tres medios modernos que permitieron (y permiten) galvanizar narrativas conservadoras: Youtube, Whatsapp y Twitter. En el caso del primero es una plataforma que por su capacidad de orientar al usuario mediante un algoritmo permitió guiar y construir un mensaje (de antipolítica, conspiranoide, disruptivo, anticientífico) retroalimentándose clic tras clic.² El segundo, Whatsapp, probablemente el más efectivo, resultó ser el mejor medio de viralización porque permitió (permite) la comunicación e instalación de agendas desprovistas de cualquier justificación o fuente fidedigna en un mercado cautivo: cerca del 60% de la población brasileña usa este medio de mensajería instantánea.³ El tercero, por su funcionalidad y capacidad de impacto, permite presentar posturas u opiniones como si fueran emanadas desde un púlpito y mensuradas por sus métricas de impacto (Retwits, Favs, Respuestas) en vez de por el mérito intrínseco de las mismas. Twitter permite la fagocitación de mensajes a través de bots y trolls. Los primeros son usuarios automatizados que instalan una narrativa, los segundos son disruptores que desvían un mensaje y lo desactivan al no proponer un debate sino un ejercicio de deslegitimación constante vacío de

1 Faria 2017.

2 Ver: "Algoritmo de YouTube ayudó a potenciar a la derecha en Brasil," *El Desconcierto*, August 15, 2020, <https://www.eldesconcierto.cl/2019/08/15/algoritmo-de-youtube-ayudo-a-potenciar-a-la-derecha-en-brasil/>.

3 Ver: "Los 'whatsapp' de una campaña envenenada," *El País*, May 6, 2019, <https://elpais.com/especiales/2018/elecciones-brasil/conversaciones-whatsapp/>.

argumentación¹. En rigor de la verdad, a través del bombardeo de noticias falsas o fabricadas con un emisor fantasma, pero con millones de receptores ávidos de comunicar la "mala nueva". En el caso brasileño este problema es mayúsculo, como lo indica Datafolha² dos de cada tres votantes utilizan redes sociales, con la juventud encabezando esta estadística con un 90%. Los votantes de Bolsonaro tenían una distancia porcentual de 10 puntos respecto de su opositor en el año 2018 en esta materia. Y con un comportamiento adictivo, llegando a compartir hasta 30 veces por día un mensaje (fake news) recibido. Mucho también se explica respecto de la distribución de los usuarios según su rango socioeconómico. El sector medio/alto, mucho más proclive a votar a Bolsonaro, tiene un enganche muchísimo mayor al sector medio/bajo ligado a sus opositores del Partido dos Trabalhadores (PT).

Pero también se encuentra el empoderamiento de la opinión pública, de la puesta en escena de referéndums diarios y la de gobernabilidad sujeta al ejercicio de encuestas. De la conquista del ciberespacio narrativo y la imposición de agendas. Es un cocktail letal de pseudo empoderamiento de actores que nunca realmente pisan el escenario de la toma de decisiones. Y las redes sociales han funcionado como un perfecto catalizador de nuestras programaciones mencionadas en el principio de este escrito. Hay un ejercicio de *cherry picking*³ constante que refuerza el axioma más importante de cierta política: no importa la verdad, importa tener razón.

Conclusión

Brasil, como tantos otros países, hoy es el reflejo de un malestar profundo en el seno de las comunidades. De un distanciamiento evidente entre el pueblo y sus representantes pero que, sin embargo, busca reivindicar la figura del líder. Sin duda, un signo preocupante de estos tiempos es la disociación de las sociedades con los roles derivados del contrato social democrático: la representación institucional se ha erosionado de tal forma que los pueblos ven en sus representantes corporaciones alejadas de su cotidianeidad. Pero eso no deja de implicar que los seres humanos necesitan imperiosamente sentirse representados, pertenecer a algo más grande que ellos mismos para legitimarse, como sentido de autoafirmación. Y en la actualidad, con un sólo hombre parece bastar.

En el caso del iliberalismo, esta nueva (y vieja) tradición conservadurista y popular, hay una situación en el que izquierdas y derechas pueden conjugar encontrando nuevos ejes: difieren en los sujetos (obrero/individuo/familia) pero coinciden en su variable principal, la identidad. Hay un discurso y una narrativa que ofrece un bálsamo al establecer que se reconoce que al sujeto social en cuestión se lo ha traicionado; se le ha dado la espalda, se le está en deuda. Y parte de esa solución recae en el Estado, otro lugar donde izquierda y derecha coinciden. Pero no cualquier Estado. No uno caracterizado por su burocratización, por su contradicción: de enormidad y ausencia. El Estado aquí es un líder capaz de absorber todas las virtudes y repeler todos sus defectos.

Esta cosmovisión lleva, intrínsecamente, el requerimiento de un liderazgo enérgico y concreto. Para el internacionalista argentino Francisco de Santibañes,⁴ este liderazgo se centra exclusivamente en los aspectos pragmáticos del mismo. En sus palabras:

1 "Trolls, bots y fake news en campaña," *Página 12*, October 29, 2018, <https://www.pagina12.com.ar/151844-trolls-bots-y-fake-news-en-campana>.

2 "24% dos eleitores usam Whatsapp para compartilhar conteúdo eleitoral," *Datafolha*, October 27, 2018, <http://datafolha.folha.uol.com.br/opiniaopublica/2018/10/1983765-24-dos-eleitores-usam-whatsapp-para-compartilhar-conteudo-eleitoral.shtml>.

3 Cherry Picking: acción de citar casos individuales o datos que parecen confirmar la verdad de una cierta posición o proposición, a la vez que se ignora una cantidad de evidencias de casos relacionados o información que puede contradecir la proposición. (*N. de los A.*).

4 Santibañes 2019, 105.

*Una de las diferencias centrales del conservadurismo popular respecto del conservadurismo tradicional es que sus líderes suelen ser políticos pragmáticos y no ideológicos. No encontramos entre ellos intelectuales como De Gaulle o Churchill, que además de practitioners eran autores de libros y pensadores que promovían una determinada visión. El liderazgo del conservadurismo popular es diferente. Más que liderar a la población, sus líderes **tienden a reflejar los deseos de la población**. En definitiva, los que parecen estar a cargo de la situación son los propios ciudadanos.*

Este retorno a la percepción – y la autopercepción – del líder como el garante del cumplimiento de la voluntad popular, más que el de una usina de ideas y de soluciones – a quien se le exige la satisfacción de necesidades o demandas populares, pero que necesariamente debe poseer el conocimiento y el talento necesario para elaborar las respuestas, – o el de un funcionario especializado en la gestión de los asuntos del Estado como parte de la división de funciones y la especialización que requiere el quehacer laboral contemporáneo; es notable. En el caso brasileño, la figura de Bolsonaro sintetiza varias demandas: un dedo acusador constante; una figura que se presentó libre de acusaciones de corrupción; un hombre que no calla (y por ende, que no pertenece a la élite y a sus códigos de corrección política); una promesa de refundación nacional (como advierte Augusto Taglioni, periodista especializado en Brasil); y, fundamentalmente, una figura que se ha animado a hablar sin tapujo alguno sobre un eje fundamental de la vida política en Brasil: la seguridad física de las personas. Más aún, habla en términos absolutos. Rechaza la relatividad que agobia a una porción de la población que – por razones etarias o culturales – está hastiada de vivir en un mundo que leían en clave de blancos y negros y hoy se les presenta universalmente gris. Presentándose a sí mismo como mero ejecutor de la voluntad popular, gobierna en este sentido: buscando imponer su interpretación de la misma por sobre lo cual se considera que son meros grupos de interés o presión que intentan impedir que el pueblo construya una sociedad en sus términos. El particularísimo momento que vive el planeta está poniendo a prueba su capacidad de gestionar la crisis de acuerdo a sus convicciones. Únicamente el devenir de los acontecimientos tiene la respuesta.

→ Referencias / References

- De Santibañes, Francisco. *La Rebelión de las naciones: crisis del liberalismo y auge del conservadurismo popular* [The rebellion of the nations: crisis of liberalism and the rise of popular conservatism]. Buenos Aires: Vértice de Ideas, 2019. [In Spanish]
- Faria, Luiz Augusto E. "El Péndulo y la Brújula: peripecias de la inserción internacional de Brasil" [The Pendulum and the Compass: the vicissitudes of Brazil's international insertion]. *Kurswechsel* 3 (2017): 52-68. [In Spanish]
- Hegel, Georg Wilhelm Friedrich. *The Phenomenology of Spirit*. Edited and translated by Terry Pinkard and Michael Baur. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. <https://doi.org/10.1017/9781139050494>.
- Madero, Carlos Castro, and Esteban A. Takacs. *Política Nuclear Argentina. ¿Avance o Retroceso?* [Argentina's nuclear policy: forward or backward?]. Buenos Aires: El Ateneo, 1991. [In Spanish]
- Pérez Guadalupe, José Luis, and Sebastian Grundberger, eds. *Evangélicos y Poder en América Latina* [Evangelicals and power in Latin America]. Lima: Instituto de Estudios Social Cristianos; Konrad Adenauer Stiftung, 2018. https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=35e0675a-5108-856c-c821-c5e1725a64b7&groupId=269552. [In Spanish]
- Sapolsky, Robert. "This is Your Brain on Nationalism." *Foreign Affairs* 98, no. 2 (2019): 42-27.

Brazil and the old faces of the right

Martín Pizzi, Martín Rodríguez Ossés

→ Abstract

Jair Bolsonaro's leadership in Brazil fits into the general modern trend towards a more conservative outlook in various parts of the world. This article attempts to explore the reasons for this shift and to discover the keys to understanding it. The article focuses on the dynamics of political processes in Brazil leading up to Jair Bolsonaro's rise to power and unfolding in the country today. The central question to which the authors seek answer is: what actors and trends are behind this "turn to the right"? Political attitudes are largely driven by discourses of national identity and self-determination, which are reflected in the very nature of any human. The authors identify the anchoring categories of such identities (faith, labor, family) and trace, in historical perspective, the development of political actors and social groups that shape this breakdown into identity groups and predetermine the political dialogue in the state. The article notes the significant influence of the religious component, with it being reflected even in the presence of Evangelicals among top officials. The armed forces continue to provide political support and maintain their stability as guarantors of order. The decentralization of information through social media has intensified the public outreach, with a more heated debate or even a certain polarization of public opinion, although not necessarily having any effect on domestic or foreign policy decisions. The socio-economic axes on which national decisions are aligned are associated with a feeling of renewal, but in fact many factors point to a lasting conservative orientation.

→ Keywords

Bolsonaro, pastors, armed forces, social networks, conservatism

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-43-53>

Research article

Martín Pizzi, Managing Editor,
Equilibrium Global (Argentina)

E-mail:
martin_pizzi@yahoo.com.ar

For correspondence:
CP 1646, Argentina, Provincia
de Buenos Aires, San Fernando,
av. Presidente Perón, 45, 3/A

Martín Rodríguez Ossés,
analyst in International Politics,
Globalizar Foundation, Mendoza
(Argentina)

E-mail: mrodriguez@mrocg.com

For correspondence: CP 1407,
Argentina, Capital Federal,
Loberva 47, PB/2

For citation: Pizzi, Martín,
Rodríguez Ossés, Martín.
"Brasil y los viejos rostros de
la derecha" [Brazil and the old
faces of the right]. *Cuadernos
Iberoamericanos* 8,
no. 3 (2020): 43–53.
<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-43-53>.
[In Spanish]

Received: 12.12.2019

Accepted: 11.02.2020

Бразилия и «старые знакомые» из правого лагеря

М. Пицци, М. Родригес Оссес

→ Аннотация

Лидерство Жаира Болсонару в Бразилии укладывается в общий современный тренд перехода к более консервативным взглядам в разных частях света. В статье делается попытка исследовать причины этого сдвига и обнаружить ключи к его пониманию. Статья посвящена динамике политических процессов в Бразилии, предшествующих приходу Жаира Болсонару к власти и разворачивающихся в стране сегодня. Центральный вопрос, на который ищут ответ авторы: какие действующие лица и тенденции стоят за этим «правым поворотом»? Политические настроения во многом обусловлены тематикой национальной идентичности и самоопределения, что находит отражение в самой человеческой природе. Авторы выделяют центральные опорные категории такой идентичности (вера, труд, семья) и прослеживают в исторической перспективе развитие политических акторов и социальных групп, которые формируют подобное распределение по группам идентификации и предопределяют политический диалог в стране. В статье отмечается заметное влияние религиозного движения, вплоть до присутствия представителей евангелистов на руководящих должностях. Вооруженные силы продолжают оказывать политическую поддержку и сохраняют свою стабильность в качестве гаранта порядка. Децентрализация информации через социальные сети активизировала процесс охвата населения, при этом более интенсивная полемика среди общественности или даже поляризация общественного мнения необязательно имеет какой бы то ни было эффект на принятие внутри- или внешнеполитических решений. Социально-экономические оси, на которых выстраиваются национальные решения, ассоциируются с духом обновления, однако, по сути, множество факторов указывают на консервативную ориентацию.

→ Ключевые слова

Болсонару, духовенство, вооруженные силы, социальные сети, консерватизм

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-43-53>

Исследовательская статья

Мартин Пицци, аналитик-международник портала «Equilibrium Global» (Аргентина)

E-mail:
martin_pizzi@yahoo.com.ar

Для корреспонденции: CP 1646, Аргентина, провинция Буэнос-Айрес, Сан-Фернандо, просп. президента Перона, 45, 3/A

Мартин Родригес Оссес, аналитик-международник фонда «Globalizar Foundation», Мендоса (Аргентина)

E-mail: mrodriguez@mrocg.com

Для корреспонденции: CP 1407, Аргентина, Федеральная столица, Лоберия 47, PB/2

Для цитирования: Pizzi, Martin Rodríguez Ossés, Martin. "Brasil y los viejos rostros de la derecha" [Brazil and the old faces of the right]. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 3 (2020): 43-53.
<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-43-53>.
[In Spanish]

Статья поступила в редакцию: 12.12.2019

Принята к публикации: 11.02.2020

История • Historia

Русская иммиграция в Бразилию в первой половине XX века: миграционные пути и модели адаптации

С.А. Русеишвили

→ Аннотация

В статье рассматриваются три основные волны русскоязычной иммиграции в Бразилию в целом и в частности в штат Сан-Паулу и его одноименную столицу, на протяжении первой половины XX века. Под первой волной подразумевается период с 1921 до конца 1930-х годов. Для данного периода рассматривается приезд солдат и офицеров Белой армии, «врангелевцев», в 1921 году; переселение русскоязычных крестьян из румынской Бессарабии в 1923–1930-х годах; а также «вторичная» миграция нансеновских беженцев из Европы на протяжении 1930-х годов. Вторая волна представляла собой послевоенное переселение русских перемещенных лиц (так называемых ДиПи), а третья – переселение русских из Китая на протяжении 1950-х годов. Автор опирается на источники из государственных и частных архивов (включая источники, местом хранения которых являются бразильские депозитарии информации) – такие, как русскоязычные периодические издания в Бразилии, нормативные акты местного правительства, а также интервью с потомками русских эмигрантов. Автор проводит сравнительный анализ условий и особенностей каждой из поименованных миграционных волн, на основе чего делается вывод о необходимости рассмотрения паттернов адаптации русскоязычных мигрантов в Бразилии в свете политических и экономических условий страны в каждый отдельный обозначенный исторический период их прибытия. Отмечается также, что антисоветские настроения в бразильской политике начиная с середины 1930-х годов отрицательно повлияли на сохранение русского языка и русской культуры в стране.

→ Ключевые слова

Русская эмиграция, перемещенные лица, русские из Китая, Сан-Паулу, Бразилия

Благодарности: Автор выражает благодарность Инне Викторовне Русеишвили-Гарбелотто за внимательное чтение и важные комментарии к статье.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-54-73>

Исследовательская статья

Русеишвили Светлана Альбертовна, доктор социологии (PhD), координатор Кафедры Сержио Виейра ди Мелло; доцент Факультета социологии Федерального университета города Сан-Карлос, штат Сан-Паулу (Бразилия).

E-mail: svetlana@ufscar.br

Для корреспонденции: CEP 13565-905, Бразилия, Сан-Карлос, SP-310, ш. Вашингтон Луис, 235 км

Для цитирования: Русеишвили С.А. Русская иммиграция в Бразилию в первой половине XX века: миграционные пути и модели адаптации. *Иberoамериканские тетради*. 2020, 8(3): 54–73. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-54-73>.

Статья поступила в редакцию: 15.12.2020

Принята к публикации: 14.01.2021

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Там (в Париже) прежде всего был раздел поколений, затем был раздел политический: правый и левый, то есть монархический (с которым общения не было) и так называемый социалистический (довольно, впрочем, приблизительно). Там можно было почувствовать москвича и петербуржца или бывшего столичного жителя и провинциала, человека, прошедшего гражданскую войну, и человека, прошедшего университет. Здесь (в Нью-Йорке) эти категории не существовали. Здесь дело шло о том: когда ушел из России? В 1920 году? В 1943-м? Когда оказался в Америке? В 1925 году? В 1939-м? В 1950-м? ¹

Н. Берберова

Так пишет Нина Берберова о критериях, по которым выстраивались отношения внутри русской эмиграции во Франции и в США. Можно сказать, что и в Бразилии раздел также проходил через политические убеждения, через поколенческие различия, через бывшую принадлежность к одному, либо другому сословию. Год приезда в Бразилию тоже имел значение, как и место жительства, место работы и экономическая стабильность, если ее удавалось достичь за годы жизни в стране.

Чтобы понять отношения между русскими в Бразилии в XX в., необходимо иметь в виду, что русское сообщество в этой стране было сформировано за счет нескольких волн вынужденной эмиграции: первая – из бывшей Российской империи после окончания Гражданской войны, вторая – из СССР после Второй мировой войны, и последняя – после исхода русских из Китая в 1950-х гг. Бразилия не являлась приоритетным направлением для русскоязычных беженцев и переселенцев, тем не менее была направлением возможным. Сюда было не так сложно попасть и получить документы на законное пребывание, здесь было больше возможностей построить свою жизнь с нуля. Помимо этого, многие рассматривали Бразилию как трамплин для последующего переселения в США, страну более желанную для жизни и трудоустройства².

В данной статье рассматриваются три основные волны русской иммиграции в Бразилию. С начала XX в. город Сан-Паулу становится главным промышленным центром страны и одним из самых больших городов Латинской Америки. Его экономическое и культурное развитие было во многом обязано иммигрантам из Италии, Португалии, Германии, Османской империи, Польши и стран Восточной Европы. Сан-Паулу был городом возможностей и потому привлекал иммигрантов: в 1934 г., например, иностранцы составляли 30,9% городского населения³.

История русской общины в Бразилии еще недостаточно хорошо известна как русскоязычной, так и португалоязычной публике. Стоит отметить научные труды М.Н. Мосейкиной, А.А. Хисамутдинова, Р. Колупаева и С.Ю. Нечаева⁴, в которых русскоязычная иммиграция в Бразилии рассматривается в основном в общем контексте стран Южной Америки. Среди бразильских источников стоит выделить труды Жоржа Косикова, Александра Воробьева, Анастасии Бытсенко, Жасинто Заболоцкого, Александра Жебита и Эрика Зена⁵.

Данная статья опирается на обширную палитру источников. Были проанализированы нормативные акты Бразилии и штата Сан-Паулу, регулирующие прием, размещение и правовое положение мигрантов; делопроизводственные документы различных

1 Берберова, Н. Курсив мой. Автобиография. М.: Согласие, 1996. 736 с.

2 Это особенно верно для русских ДиПи (*displaced persons*), приехавших после Второй мировой войны, и для русских из Китая в 1950-е гг.

3 Baeninger and Bassanezi 2006, 5.

4 Мосейкина 2000, 2003, 2010; Хисамутдинов 2005; Колупаев 2011; Нечаев 2010.

5 Coticov 2005, 2007, 2015, 2017; Vorobieff 2006; Bytsenko 2006; Zabolotsky 2007; Zen 2010; Zhebit 2009.

международных и местных организаций, ответственных за переселение русских; русскоязычная и бразильская периодическая печать; опубликованные и неопубликованные мемуары и воспоминания; фотографии и, наконец, интервью с потомками русских эмигрантов, а также с представителями русских общественных организаций и православных приходов. Без претензии на исчерпание темы русской диаспоры в Бразилии, в настоящей работе предпринимается попытка охарактеризовать экономический, политический и культурный контексты трех основных волн русскоязычной миграции в страну, а также оценить количественный масштаб этого явления. Помимо этого, в статье особое место уделяется социально-экономическим условиям адаптации русских в стране и поддержанию русскоязычной общественной жизни.

I. Первая волна русской миграции в Бразилию

Первая волна русскоязычной иммиграции в Бразилию была вызвана Октябрьской революцией и в особенности Гражданской войной. Ее можно разделить на три основных периода: 1) в 1921 г. в штат Сан-Паулу были перевезены около тысячи белогвардейцев, эвакуированных из Крыма в ноябре 1920 г.; 2) между 1920 и 1927 гг. в Сан-Паулу прибыли около 26 тыс. крестьян из Бессарабии; 3) в течение 1930-х гг. были перевезены сотни русских беженцев из Европы при посредничестве Лиги Наций. Благодаря этим трем миграционным волнам, в первой половине XX в. Сан-Паулу стал одним из мировых центров русской диаспоры, в особенности ее монархического и антисоветского крыла.

1.1. Белогвардейцы в Сан-Паулу: из Крыма в Бразилию

12 июля 1921 г. французский трансатлантический лайнер *Aquitaine* доставил в порт города Сантос 422 русских беженца. Три недели спустя, 2 августа, прибыло второе французское судно, *Provence*, с 651 русским пассажиром на борту. Все 1073 русских пассажира, прибывших на этих двух судах, следовали из порта города Аяччо французской Корсики. Всех их объединяла одна судьба: солдаты и офицеры Белой армии, эвакуированные из Крыма в ноябре 1920 г., после нескольких месяцев пребывания на полуострове Галлиполи в окрестностях Константинополя в апреле–мае 1921 г. были перевезены на Корсику при участии французских военных властей, а в июле и августе – направлены в штат Сан-Паулу по договору с местным правительством. Первая группа военных прибыла под началом капитана Александра Павловича Брагина, а вторая – под руководством Василия Георгиевича Фези-Жилинского.

История договора французских властей с правительством штата Сан-Паулу по принятию русских беженцев до сих пор вызывает много вопросов, т.к. в тот период миграционная политика Бразилии не предусматривала прием иностранцев на гуманитарной основе, а только как рабочую силу для кофейных плантаций и постройки железных дорог. По прибытии в порт города Сантос, согласно законам штата Сан-Паулу, всех мигрантов переправляли поездом в столицу штата, где они помещались в Иммиграционном доме – центре по приему иммигрантов, в котором проходили медицинские обследования, получали документы и заключали рабочие контракты. После этого иммигранты направлялись за счет работодателя в отдаленные от столицы сельскохозяйственные районы штата, где должны были работать как минимум два года на плантациях или строительных работах.

Вполне возможно, что сами бывшие белогвардейцы не имели полного представления о том, какая участь их ждет в Бразилии. Впоследствии в Европе даже ходили слухи, что капитан Брагин продавал русских как «белых рабов» плантаторам Сан-Паулу.

По прибытии в Иммиграционный дом в Сан-Паулу, пассажиры второго парохода узнали, что многие соотечественники несколькими неделями раньше тайно бежали с плантаций от невыносимых условий и находились в столице без крыши над головой и без средств к существованию. Это вызвало недовольство вновь прибывших и небольшой бунт, который закончился высылкой группы из около 400 человек обратно на Корсику. Вот как описывает в своих мемуарах этот инцидент журналист Николай Дахов, который был в числе пассажиров парохода *Provence*:

Приехали мы ночью. <...> Утром в большом зале начали опрашивать специальности: плотники, столяры, кузнецы, каменщики и т.д. Таких нашлось единицы, а потом предложили: на кофейные плантации или на постройку шоссе-ных дорог. Оказалось, что вся группа Брагина сбежала с кофейных плантаций и было несколько человек возле Иммиграционного дома и говорили, чтобы на плантации не ехали – пропадете! Эти павильоны обнесены стеной метров пять высоты, железные двери – ворота, где часовые, форменная крепость. Возле этих ворот всегда толпится публика и берет иммигрантов и говорит новости, торгует апельсинами, бананами и всякой мелочью, через ворота и ведут разговор. Часовые любезно и охотно вызывают кого ищут, это не тюрьма, но должен быть порядок и чистота. В зале была вся группа Жилинского. Можете себе представить какой это зал? 500 человек вместились, а зал еще неполон. Вот здесь снова появился «революционный комитет». Какой-то Себов и др. категорически заявили: мы ехали не на работу, а на собственную землю. Нам обещали дать землю, инвентарь и пособия. Ни на плантации, ни на дороги мы не поедem. Давайте землю или везите назад! <...> Устроили бунт. <...> Человек 220-250 было бунтовщиков. Подали снова состав поезда, посадили их в вагоны, заперли и увезли в Сантос¹.

Согласно спискам пассажиров судна *Provence*², из 651 русского только 188 остались в Бразилии. Из них 85 человек смогли сразу обосноваться в столице штата, городе Сан-Паулу, а остальные были направлены по контрактам на кофейные плантации недалеко от таких городов, как Иту (Itú), Сан-Симай (São Simão), Порту-Феррейра (Porto Ferreira), Корумбатаи (Corumbatai) и др.

Списки пассажиров этих двух судов представляют собой ценный исторический документ, по которому мы можем восстановить демографические характеристики белогвардейцев, прибывших в Бразилию в 1921 г. По бразильским законам, списки составлялись в двух экземплярах. Первый заполнялся капитаном корабля при посадке в порту отправления. В нем указывались полное имя пассажира, его возраст, гражданское состояние, национальность, религия, грамотность, профессия, последнее место жительства и место назначения в Бразилии. Второй экземпляр заполнялся служащим бразильской миграционной службы уже после прибытия судна. В нем делались необходимые поправки о профессии пассажира и пометки о заключенном в Иммиграционном доме рабочем контракте.

1 "Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Nikolai Trofimovich Dakhov Papers," Columbia University, Rare Book and Manuscript Library, accessed December 1, 2020, <https://library.columbia.edu/libraries/rbml/units/bakhmeteff.html>.

2 Отсканированные версии списков доступны онлайн для *Aquitaine* (http://www.inci.org.br/acervodigital/upload/listas/BR_APESP_MI_LP_011483.pdf) и *Provence* (http://www.inci.org.br/acervodigital/upload/listas/BR_APESP_MI_LP_011524.pdf).

Судя по спискам пассажиров парохода *Aquitaine*, из 422 русских 381 был мужского пола и 41 – женского. Из них 317 были холосты, 100 состояли в браке. Семей было всего 28, из них 19 без детей. На борту также было 14 детей в возрасте до 14 лет, 86 человек в возрасте от 31 до 45 лет и 5 в возрасте старше 46 лет. Таким образом, 317 человек прибывших в Сан-Паулу в июле 1921 г. были молодыми неженатыми мужчинами.

Что касается 651 русского пассажира парохода *Provence*, то здесь было не-много больше семей и женщин: 41 семья, из которых 30 – с детьми, и 61 женщина. Тем не менее, так же как и на пароходе *Aquitaine*, большинство пассажиров были молодыми мужчинами в возрасте от 15 до 30 лет¹.

Интересно, что все без исключения прибывшие на обоих пароходах указали «Севастополь, Крым» как последнее место проживания и «Армия в Крыму» как исходный пункт отправления. Также важно отметить, что в первом экземпляре списка для всех без исключения пассажиров в графе «профессия» значится «крестьянин». При этом во втором экземпляре появляются разнообразные рабочие профессии и специальности: каменщики, плотники, механики, агрономы, химики, топографы, инженеры, студенты и т.д. Такая разница в данных объясняется тем, что на Корсике белогвардейцам стало известно, что Бразилия принимает исключительно работников на сельскохозяйственные работы, и поэтому все сделали соответствующие записи в графу «профессия». По прибытии же выяснилось, что почти никто не знаком с сельским хозяйством, и тогда в ход пошли те навыки, которым многие обучились во время Гражданской войны. Бразилию не интересовали квалифицированные рабочие и люди свободных профессий, поэтому многим пришлось соглашаться на низкоквалифицированные работы.

Судя по немногим доступным автобиографическим материалам этой волны эмиграции в Сан-Паулу, эти молодые, не обремененные семьями мужчины, в прошлом солдаты Русской армии, очень недолго пробыли на плантациях и постройках дорог как разнорабочие. Многие объединялись в небольшие группы, прерывали контракты или тайно сбежали в большие города, чаще всего в Сан-Паулу. В 1920-х гг. Сан-Паулу был одним из самых больших городов Латинской Америки и продолжал развиваться стремительными темпами, во многом за счет иммигрантов, которые оставляли сельскохозяйственные работы в глубине штата и переезжали в большие города в поисках рабочих мест в быстроразвивающемся промышленном секторе. Сан-Паулу, который в последнее десятилетие XIX в. насчитывал всего 64 тыс. жителей, в 1934 г. уже имел население больше одного миллиона человек². В таком быстрорастущем мегаполисе для иммигрантов было больше экономических возможностей, хотя русским так и не удалось занять какую-либо специфическую нишу в экономике, как, например, в Париже (таксисты) или в Нью-Йорке (маляры). Удивляет разнообразие занятий, которыми бывшие белогвардейцы зарабатывали себе на жизнь в первые годы после приезда: транспортные услуги (такси и грузовые перевозки), уличная торговля, сельское хозяйство и животноводство (разведение цыплят, разведение свиней, садоводство, производство молока), покупка и продажа городских участков, вырубка девственных лесов и многое другое.

Незнание языка, отсутствие социального капитала и организованной взаимопомощи требовали от этих молодых людей высокой мобильности. Многие искали возможности в глубинке штата Сан-Паулу или в других штатах страны. Например, Николай Тормазов, бывший офицер Российской императорской армии, зарабатывал на жизнь тем, что, представляясь персидским предсказателем судьбы, путешествовал по малень-

ким бразильским городкам со спектаклем «Сад-Нога, персидский князь, читающий по картам прошлое, настоящее и будущее»¹.

Если говорить о наиболее распространенных видах деятельности, то столярное дело и землемерные работы можно с натяжкой считать некой профессиональной нишей для русских эмигрантов этого периода. В столярных мастерских большого города всегда было много заказов, и этот вид деятельности считался более престижным, чем неквалифицированный труд, который продолжал ассоциироваться в бразильском сознании с рабством и поэтому был крайне обесценен. Также для работы в мастерских знание португальского языка было необязательным. Что касается землемерных работ, то в Бразилии в начале века ощущалась острая нехватка рабочих этих специальностей, т.к. практически отсутствовали технические училища. Основы межевания были знакомы людям, прошедшим Гражданскую войну, и потому они с легкостью находили работу в этой области. Благодаря быстрому росту городов, а также расширению транспортной инфраструктуры, спрос на таких специалистов в 1920-е и 1930-е гг. был стабильно высоким.

1.2. Крестьяне с юго-западных окраин Российской империи

В 1920-е гг. город Сан-Паулу и одноименный штат стали пунктом назначения огромного потока русскоязычных крестьян с юго-западных окраин бывшей Российской империи. По итогам Первой мировой войны многие территории бывшей Российской империи отошли к соседним странам. Наибольшие потоки в Бразилию устремились из Бессарабии и Буковины – двух регионов, находившихся на тот момент в составе Румынии, потому по прибытии в Бразилию эти иммигранты были записаны как «бессарабцы из Румынии», хотя в большинстве своем это были русскоязычные православные крестьяне, которые впоследствии составили сердце русской колонии в Сан-Паулу.

Согласно данным Управления сельским хозяйством штата Сан-Паулу, между 1923 и 1927 гг. въехало около 26 тыс. крестьян из Бессарабии и Буковины с румынскими паспортами (Таблица 1).

→ Таблица 1

Количество въездов и выездов иммигрантов с румынскими паспортами в штат Сан-Паулу, 1923-1930 гг.

Год	Количество въездов	Количество выездов	Остаток
1923	2.037	Без данных	2.037
1924	5.813	Без данных	5.813
1925	5.387	Без данных	5.387
1926	15.475	1.017	14.458
1927	408	1.871	- 1.463
1928	584	1.009	- 425
1929	859	Без данных	859
1930	864	1.085	- 221
Сумма:	26.040	4.982	21.058

Источник: Relatórios anuais da Secretaria da Agricultura do Estado de São Paulo, 1923-1930.

1 Архив Кафедрального Собора Святого Николая в Сан-Паулу, коллекция Святослава Голубинцева, книга журнальных вырезок за 1930-1938 гг.

Исход бессарабских крестьян в 1920–е гг. хорошо изучен и описан румынскими исследователями. Среди главных причин они выделяют экономические последствия Первой мировой войны, румынскую земельную и политическую реформу, дискриминирующую русскоязычных православных крестьян, а также засуху. По этим причинам одна часть крестьянства устремилась из деревень в города, другая часть эмигрировала из Румынии в Украинскую ССР, а многие и вовсе – в Латинскую Америку.

Расследование, проведенное в сентябре 1925 г. Управлением полиции и общей безопасности Румынии, по запросу Министерства труда в уездах Кагул, Четатя-Албэ и Измаил зафиксировало тревожные настроения в регионе: «Все села на юге Бессарабии беспокоит мысль об эмиграции». Поселенцы «собираются тайно, формируют регистрационные списки, отправляют делегации в Бухарест и продают свои земли». <...> Подготовка к эмиграции шла по следующей схеме: желающие эмигрировать отправили делегата в Бухарест, чтобы разобраться с представителями миграционных служб и получить конкретную информацию об условиях эмиграции. <...> Делегатов интересовали условия переезда и размещения, в частности дорога Бухарест-Триест-Сан-Паулу (Бразилия), по заверениям миграционных агентов, должна была быть бесплатной. Также было обещано, что в месте назначения эмигрантам будет выделен дом с садом, скотом и сельскохозяйственным инвентарем. Обязанность каждого прибывшего – отработать от 3 до 6 месяцев на кофейных плантациях, получая за работу 1–2 доллара в день. А по истечении контракта у крестьян будет возможность купить качественную землю¹.

Таким образом, как следует из бразильских данных, пик бессарабской иммиграции в Сан-Паулу пришелся на 1924, 1925 и 1926 гг. В 1927 г., однако, мы наблюдаем резкий спад иммиграции и пик возвращения этих крестьян в Европу. Эти изменения были вызваны тем, что вскоре после приезда бессарабцы увидели, что реальность их поселения в Бразилии очень далека от Эльдorado, обещанного им миграционной пропагандой Румынии. Приезжая в Сан-Паулу, они направлялись в Иммиграционный дом, где их распределяли по кофейным плантациям, на которых каждой крестьянской семье выделялась очень простая хижина и небольшой огород. Взамен семья должна была сажать кофейные деревья, ухаживать за ними в течение года и собирать урожай. Оплата труда производилась раз в год, после сдачи урожая. Кроме того, крестьяне попадали в зависимость от владельца плантации: семена, инвентарь и продукты питания они вынуждены были приобретать на складе плантации по завышенной цене, и таким образом им было сложно накопить денежные средства для приобретения собственной земли.

Помимо этого, к концу 1920–х гг. в Бразилии назрел кризис кофейного производства, который отразился на сельскохозяйственной рабочей силе, состоящей до этого преимущественно из европейских иммигрантов. С середины 1920–х гг. иммигрантские потоки в Сан-Паулу значительно уменьшились, и плантаторы перешли на местную рабочую силу, которая стекалась из бедных северо-восточных штатов и соглашалась на краткосрочные контракты, в отличие от иммигрантских семей, которым требовались долгие контракты и минимальные условия для проживания – хижина и огород. Бесса-

рабские крестьяне приезжали именно в этот период смены профиля сельскохозяйственных работ на плантациях штата Сан-Паулу, поэтому местная экономика была не вполне способна обеспечить работой всех приезжих.

В 1926 г. в годовом отчете Управления сельским хозяйством штата Сан-Паулу было отмечено тяжелое состояние миграционной ситуации в штате из-за нарастающего кризиса на плантациях:

Кризис, возникший в Миграционной службе штата из-за задержки в Иммиграционном доме нескольких групп бессарабцев из Румынии, обусловлен тем, что им не были четко разъяснены условия жизни и труда, предоставляемые на кофейных плантациях, а также тем, что эти группы приехали в неподходящее время для их быстрого и оптимального размещения. Тем не менее кризис был благополучно урегулирован, и ситуация не вызывает причин для беспокойства. В будущем будет допускаться только такое количество иммигрантов и в такие периоды, когда они смогут быть быстро размещены на плантациях. Помимо этого, перед посадкой на судно им будет предоставляться точная информация об условиях жизни в штате, а также произведен отбор наиболее подходящих для работы в сельском хозяйстве национальностей и семей¹.

Кризис, вызванный задержкой группы бессарабцев в Иммиграционном доме в Сан-Паулу, который упоминается в докладе, на самом деле был настоящим бунтом. Исследователь бессарабской иммиграции в Бразилии Жорже Косиков пишет, что крестьяне, помещенные в Доме и ожидавшие своего переезда на плантации, узнали от соотечественников о тяжелейших условиях жизни и низкой оплате труда и отказались ехать вглубь страны по контрактам, требуя либо отправить их обратно, либо выдать им собственность, скот и инвентарь. Так как ни то, ни другое было невозможно сделать, а недовольство только нарастало, администрация иммиграционного центра заперла семьи бунтовщиков на несколько недель в здании, как в тюрьме, а позже перевезла часть на остров на побережье штата, где они содержались под стражей в ужасных условиях, а другую часть перевезла в город Рибейран-Прету (Ribeirão Preto), откуда их насильно распределили по плантациям².

Таким образом, в течение 1920-х гг. русскоязычные крестьяне из Бессарабии и Буковины находились либо на работах на кофейных плантациях, либо переезжали в столицу и селились в отдаленных малонаселенных районах города, где цены на землю были для них доступными. Анализ приходских книг Русской православной церкви в Сан-Паулу показывает, что уже в 1927 г. (первые записи датируются именно этим годом) абсолютное большинство прихожан были выходцами из Бессарабии. С 1928 г. начала действовать первая русская баптистская церковь на окраине Сан-Паулу, Вила Пруденте (Vila Prudente), основанная бессарабскими иммигрантами.

Мировой экономический кризис 1929 г. нанес непоправимый удар по кофейному производству в штате Сан-Паулу. Многие плантаторы были на грани разорения и, чтобы не потерять свой капитал, стремились разнообразить свою экономическую деятельность путем расчленения своих земель для продажи мелких участков. Участки продавались в рассрочку по доступной крестьянам цене и представляли собой прекрасную возможность для осуществления миграционного проекта бессарабцев – приобретения собственной земли. Благодаря посредничеству русскоязычных иммигрантов информация

1 Relatório anual da Secretaria da Agricultura do Estado de São Paulo 1926, 114.

2 Cocicov 2017.

об этой возможности распространялась среди русскоязычной колонии, и многие бессарабцы ею воспользовались. Николай Дахов, журналист и главный редактор еженедельной «Русской газеты» – первого русскоязычного издания в городе Сан-Паулу, – был агентом крупного бразильского землевладельца Луиса Ферраз де Мескиты (Luis Ferraz de Mesquita) по продаже участков в западной части штата. Через газету он давал объявления, а также сопровождал бессарабцев до участков, получая от плантатора Де Мескиты комиссионные. Благодаря таким посредникам, как Дахов, на западе штата стали образовываться поселения, в которых крестьяне селились по языковому признаку и занимались сельским хозяйством. В своих трудах Косиков насчитал больше десяти таких поселений с присутствием русскоязычных крестьян, которые в Сан-Паулу назывались сельскохозяйственными колониями¹. Позже одна из самых известных колоний – Бализа, – превратилась в город Луселия (Lucélia)².

1.3. «Вторичная» нансеновская эмиграция русских из Европы

Труд и хозяйство бессарабцев восстановили престиж русского имени, хотя у них паспорта румынские. Врангелевцы как интеллигенты и рабочие, а бессарабцы как землеробы. Прошло 10 лет! Через Нансеновский комитет в 1930–31 году приехала третья группа русских. Конечно, тоже Белые, как и мы, но мы-то прямо с полков приехали и сразу взялись за труд и устроились, а эти 10 лет бродяжничали по всей Европе, и голод заставил их делать то, что они бы в нормальной обстановке никогда не делали. Сделались босяками, авантюристами и скверными элементами, но это самое лучшее, что было в старой России. Интеллигенция. Эти ехали не на плантации или в лес, как мы, а на железную дорогу в город Сан-Паулу по контракту. По контракту их везла и Лига Наций³.

Так Николай Дахов описывает в своих мемуарах третью волну русских, приехавших в Сан-Паулу до начала Второй мировой войны. Это были те, которые бежали из России после Революции и Гражданской войны, осели в европейских странах под протекцией Верховного комиссариата Лиги Наций по делам беженцев и теперь стремились переехать из Европы на американский континент.

Стоит отметить, что уже в 1924 г., на четвертом заседании Лиги Наций, было решено подключить к решению вопроса русских и армянских беженцев в Европе Международное бюро труда (МБТ). Идея состояла в том, чтобы МБТ вплотную занялось их переселением на другие континенты, отдавая предпочтение странам, активно принимавшим переселенцев на протяжении XIX в., таким как Аргентина, Бразилия, Уругвай и Парагвай. Таким образом, в январе 1925 г. в МБТ было создано Бюро по беженцам, которое выступало как посредник между работодателями в принимающих странах и беженцами, готовыми к переезду. Беженцы, заключившие контракты, получали билет на пароход и денежные средства на первые недели жизни в новой стране. Несмотря на большие усилия, которые прилагало МБТ, чтобы подключить к этой схеме латиноамериканские страны, 1920-е гг. были периодом значительного спада миграционных потоков в Южную Америку, а также роста националистических и антимиграционных настроений в местной политике. Таким образом, за четыре года работы (1925–1928) из 50 тыс. переселенных по схеме МБТ беженцев только 8% были направлены в страны Латинской Америки⁴.

1 Cocicov 2007.

2 Lozovanu and Souza 2019.

3 "Bakhmeteff Archive."

4 Kévonian 2005, 22–23.

С начала 1930 г. работы по переселению опять перешли в сферу деятельности Лиги Наций, а точнее ее Международного бюро Нансена по делам беженцев. Бюро продолжил направлять беженцев по контрактам по схеме, разработанной МБТ. Компании, готовые принять на работу беженцев, присылали в бюро заявки с пояснением необходимого количества работников, условий труда, проживания и зарплаты, а также прилагали копию рабочего контракта. Бюро Нансена распространяло эту информацию через хорошо налаженную сеть русских организаций по взаимопомощи в европейских странах. Составлялись списки согласных на переезд, и по этим спискам бюро помогало с дальнейшими процедурами получения необходимых документов: виз, билетов на паром и т.д. Ссуды, выданные Лигой Наций беженцам для переезда, должны были быть погашены из их будущих заработков в стране назначения.

В архивах Лиги Наций в Женеве можно встретить документы, свидетельствующие о переговорах Бюро по беженцам МБТ с большими бразильскими компаниями, преимущественно сельскохозяйственного или строительного сектора, в южных и юго-западных штатах страны. Например, одно из основных частных железнодорожных предприятий Бразилии «The São Paulo Railway Company Ltda» предлагало Нансенскому бюро и МБТ принять на работу 400 русских беженцев. В основном это были места для низкоквалифицированных рабочих: компании требовались 50 каменщиков, 50 столяров и 300 разнорабочих. Управление предприятия обещало принять на работу еще тысячу русских беженцев, если первый опыт переселения пройдет успешно. Компания также уведомляла, что отдает предпочтение неженатым мужчинам в трудоспособном возрасте (до 40 лет), но, как исключение, может принять и семьи. Все рабочие направлялись на строительство железной дороги в штате Сан-Паулу на 10-часовой рабочий день с двумя выходными в месяц. Компания обещала селить рабочих в общежитиях по национальному признаку, чтобы облегчить языковую адаптацию.

В МБТ рассмотрели это предложение и нашли его вполне подходящим, и потому были очень удивлены, когда получили ответ от председателя Комитета русских эмигрантов в Эстонии, который настаивал на том, что условия переезда в Бразилию недостаточно хорошо изучены служащими МБТ. Для русских уже не было секретом, что условия труда и проживания на бразильских стройках были неудовлетворительными, и многие соотечественники бежали со своих рабочих мест в города в поисках более высоких заработков и лучшего качества жизни. Отправлять людей на работы в заведомо неблагоприятные условия было нецелесообразным. Председатель Комитета, например, предлагал МБТ рассмотреть возможность «устанавливать рабочих в городах, то есть в местах культурных, не подверженных эпидемическим заболеваниям тропическими лихорадками и доступных для организации правовой защиты переселенцев»¹. После нескольких месяцев переговоров, Комитет русских эмигрантов в Эстонии все-таки смог собрать группу из 21 человека для переезда.

Сложно точно сказать, сколько русских переехало из Европы в Бразилию при посредничестве МБТ и Лиги Наций в 1930-х гг., т.к. в Бразилии отсутствуют официальные данные. Но уверенно можно заявить, что жизнь рискнувших переехать складывалась непросто. Например, в августе 1929 г. Верховному комиссариату Лиги Наций по беженцам стало известно, что за несколько месяцев пребывания на строительных работах в

1 Письмо делегату Международного бюро труда Г. Галлати от председателя Комитета русских эмигрантов в Эстонии профессора В.А. Порожникова от 28 января 1929 года. *Delegation in Warsaw (Poland) – Transportation to Brazil of Russian Refugee Workers: Engagement by the Sao Paulo Railway Company Limited. 1929. C 1310/206/ 02.1 United Nations Archives, Geneva.*

Сан-Паулу, 14 русских разорвали контракты и бежали с рабочих площадок¹. Помимо этого, в феврале 1930 г. в русской газете «Руль», издававшейся в Германии, была опубликована небольшая заметка под названием «Злоключения беженца», которая бросала тень на схему переселения русских в Бразилию через Бюро Нансена и МБТ. Автор уверял, что по приезде в порт города Сантос группу русских, с которыми он приехал, не встретили представители работодателя и им пришлось своими силами добираться до столицы. Там после нескольких дней в Иммиграционном доме они поняли, что нет смысла ждать работодателей и вышли в город в поисках возможностей заработать. Автор пишет: «Контракт был подписан только одной стороной. Если бы посылали только мужчин, а то посылают и женщин с грудными детьми, они могут идти только на плантации. У многих из нашего транспорта остались больные родные без копейки денег, они думали, что едут на работу и смогут пересылать старикам, но многие уже распродали свои вещи, потому что здесь кризис и работу найти трудно. Двое из нашей партии поехали зайцами обратно»².

Так или иначе, переселенным по контрактам русским, как и их соотечественникам, приехавшим в 1921 г., пришлось пройти через тяжелый физический труд на железных дорогах. Некоторым удалось перейти на административные или технические должности. Многие бежали с работ и, скрываясь от представителей Лиги Наций, искали альтернативные пути заработка, либо пытались переехать в другие страны Латинской или Северной Америки.

Приехавшие на восемь лет раньше белогвардейцы в целом дружелюбно относились к переселенным Лигой Наций из Европы русским, но также критиковали их легкомысленное отношение к трудностям жизни в новой стране. Дело в том, что им самим пришлось пройти все трудности адаптации в новых условиях, связанные с занятостью, языком, жилищными условиями, культурой, отсутствием правозащитных и общественных организаций, и поэтому намерения новоприбывших сразу попасть на руководящие должности и в городскую среду казались им завышенными ожиданиями. «Русская газета», выходившая в Сан-Паулу на русском языке два раза в неделю, так писала об этих соотечественниках:

В позапрошлом воскресенье мы отправились посмотреть на наших соотечественников, только что прибывших из разных стран в Бразилию за счет Лиги Наций. О приезде их уже давно шли в русской колонии слухи и хотелось на месте проверить, что именно было в этих слухах правды, а также попытаться добрым словом и советом помочь новым эмигрантам в первых, конечно, самых трудных шагах в новой стране. <...>

Прежде всего, Бразилия нуждается в рабочих руках, но именно в рабочих. Места директоров, управляющих, начальников – заняты. Вы сможете встать в ряды их, но только когда вы докажете, что вы действительно заслуживаете этого места. Русский, не знающий португальского языка, не может заняться интеллигентным трудом. Знание английского, немецкого, итальянского языков может оказать большую помощь. Но даже при наличии этого знания, первое ваше место будет обязательно место чер-

1 Le Haut-Commissaire adjoint pour les réfugiés à M. Schlesinger, Berlin. 13 de agosto de 1929. R 412/1/9/1. Situation of Russian Refugees in Brazil – Employment with the Sorocabana Railway Track (Sociedade Commercial e Constructora, Sao Paulo). C1574/470/20B/18831/17140. United Nations Archives, Geneva.

2 "«Злоключения беженца. От одного из беженцев, отправленных в Бразилию, получено в Берлине следующее письмо». Руль, № 2812, 25 февраля 1930 г." Delegation in Germany (Berlin) – Employment of Russian Refugee Workers by the Sociedade Commercial e Constructora, Sao Paulo (2 and 3): Correspondence with the Geneva Office, the German Authorities, the Transport Company, etc. C1245/142/141. United Nations Archives, Geneva.

норабочего. Бразилия не принимает аттестатов, дипломов, документов о хорошем поведении, рекомендаций из заграницы. Прежде всего она хочет сама посмотреть, что вы из себя представляете. Затем вам дорога открыта. В том же самом предприятии, где вы сегодня копаете лопатой землю, завтра вы можете быть инженером. Только докажите, что вы знаете, что вы умеете работать и хотите работать. <...>

Да, здесь можно добиться интеллигентного труда, но каждый должен начать с черной работы. Только после изучения местного языка, после того, как на деле будет доказана ваша трудоспособность, только после этого вы сможете занять место, которого вы стоите¹.

Несмотря на все трудности, ожидавшие русских, приехавших в Сан-Паулу при участии Лиги Наций и МБТ, они все-таки были в намного более выгодном положении по сравнению с теми, кто приехал в начале 1920-х гг. Первые не имели практически никакой коллективной поддержки, т.к. не существовало еще ни русскоязычных организаций, ни даже православных приходов. Каждый выживал самостоятельно, либо объединившись с товарищами по полку. Первые русские организации в городе начали появляться со второй половины 1920-х гг. В 1926 г. Сергей Успенский начал вести русскоязычную колонку в бразильском журнале *Folha da Manhã*, а с 1928 г. начинает издаваться «Русская газета» Дахова; в этом же году был организован первый православный приход в честь Святого Николая с собственным домовым храмом; с конца 1920-х гг. начинают свою работу в Сан-Паулу Русский общественный союз, Союз русской интеллигенции, Союз русских инвалидов и Клуб партии Младороссов; открываются русскоязычные магазины, столовые и медицинские кабинеты². Таким образом, в распоряжении приехавших на рубеже 1920-х и 1930-х гг. были разнообразные общественные организации, которые облегчали их адаптацию.

К концу 1930-х гг. мы можем с уверенностью говорить о русской общественной жизни в Сан-Паулу. Наравне с Буэнос-Айресом, город становится центром русской эмигрантской жизни в Латинской Америке. Сюда съезжаются многие эмигранты, которым не удалось прижиться в соседних странах. Например, казачий полк генерала Ивана Демидовича Павличенко, который прожил несколько лет в Перу на отданных им правительством на колонизацию территориях, после неудач с возделыванием земель в тропическом климате расформировался, и многие, как и сам Павличенко, переехали в Бразилию в поисках новых путей к выживанию. Несмотря на то, что многие русские были разбросаны по городам штата Сан-Паулу и другим бразильским штатам, судя по публикациям в «Русской газете», их общение в диаспоре проходило через организации, приходы и издания, базирующиеся в Сан-Паулу.

Главный удар по русскоязычной культурной и политической жизни был нанесен бразильским правительством. В апреле 1938 г. правительство Жетулиу Варгаса опубликовало декрет, запрещающий иностранцам любую политическую деятельность, а также издательство газет на иностранных языках³. За ним последовали и другие запреты, доходившие до наказаний за использование иностранного языка в общественных местах и

1 "«Новые русские эмигранты в Бразилии», Русская Газета, № 72, 1929". Delegation in Germany (Berlin) - Employment of Russian Refugee Workers by the Sociedade Commercial e Construtora, Sao Paulo: Correspondence With the Geneva Office, the German and Brazilian Authorities, the Transport Company, etc. Ref code: C1574/470/20B/18831/17140. United Nations Archives, Geneva.

2 Ruseishvili 2016, 201-202.

3 "Decreto 383 de 18 de abril de 1938. "Veda a estrangeiros a atividade política no Brasil e dá outras providências", Camara dos Deputados, accessed December 2, 2020, <https://www2.camara.leg.br/legin/fed/declei/1930-1939/decreto-lei-383-18-abril-1938-350781-publicacaooriginal-1-pe.html>.

даже в церквях. К концу 1930-х гг. миграционные потоки в Бразилию значительно уменьшились, а в 1941 г. страна и вовсе запретила въезд всем иностранным переселенцам. На этом поток русскоязычных иммигрантов в Бразилию прекратился и возобновился только после Второй мировой войны.

II. Перемещенные лица из СССР в Бразилию после Второй мировой войны

По окончании Второй мировой войны в Европе находилось около полутора миллионов беженцев и перемещенных лиц (их называли ДиПи, от английского термина *displaced persons, DPs*)¹. Одной из стратегий международных организаций по решению гуманитарного кризиса было переселение части этого контингента в страны двух Америк. В 1945 г. Бразилия открыла границы для иностранных граждан², а с 1946 г. согласилась участвовать в переселенческих проектах Межправительственного комитета по делам беженцев и, после 1948 г., Международной организации по делам беженцев ООН. По оценкам бразильских исследователей, с 1947 по 1950 г. страна приняла около 43 тыс. беженцев, перемещенных лиц и лиц без гражданства из британской, французской и американской зон в Германии и Австрии³. Сложно оценить количество русскоязычных беженцев в общем числе перемещенных в Бразилию как из-за неэффективного ведения учета по прибытии, так и из-за нередкого отсутствия документов у самих беженцев. Часто национальность человека записывалась с его собственных слов за отсутствием какого-либо документального подтверждения, и многие намеренно не декларировали себя советскими гражданами из-за страха быть высланными обратно в СССР.

По официальным данным правительства штата Сан-Паулу, в период с 1941 по 1949 г., в штат въехало 889 русских, 1153 лица без гражданства, 3714 поляков и 1211 украинцев⁴. Так или иначе, согласно общей переписи населения 1950 г., во всей Бразилии проживали 42 535 поляков, 16 057 румын, 44 060 иностранных граждан из советских республик⁵.

Необходимо отметить, что правительство Бразилии принимало беженцев Второй мировой войны не из гуманистических принципов, а потому что желало таким образом восполнить нехватку квалифицированной рабочей силы в растущем индустриальном секторе и в механизированном сельском хозяйстве. Претенденты на переезд в Бразилию отбирались специально созданной для этой цели правительственной комиссией непосредственно в лагерях для перемещенных лиц в Европе. Критерии отбора включали национальную принадлежность, способность к труду и политические взгляды. Бразильское правительство, все еще под влиянием антикоммунистических и националистических настроений 1930-х гг., отдавало предпочтение квалифицированным индустриальным рабочим или фермерам, которые были потенциально готовы ассимилироваться в культурном мейнстриме страны и открыто декларировали свои антикоммунистические взгляды⁶.

1 Kulischer 1949, 172.

2 "Decreto-lei 7967, de 27 de agosto de 1945. Dispõe sobre a Imigração e Colonização, e dá outras providências. Diário Oficial da União, 06/10/1945," Jusbrasil, accessed December 2, 2020, <https://presrepublica.jusbrasil.com.br/legislacao/129420/decreto-lei-7967-45#art-2>.

3 Moreira 2013.

4 Revista de imigração e colonização, Vol. 12, No. 2 (1951), 225–226.

5 Учитывалось не гражданство, а национальное происхождение иммигранта, которое определялось по месту его рождения. То есть, иммигранты из Украины или из Литвы, например, учитывались в переписи как иностранцы из СССР. См.: "Censo demográfico, 1956," IBGE, accessed December 2, 2020, https://biblioteca.ibge.gov.br/visualizacao/periodicos/67/cd_1950_v1_br.pdf, P. 14.

6 Ruseishvili 2020.

В результате такого отбора русскоязычные беженцы после Второй мировой войны направлялись в основном в большие промышленные города, такие как Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Куритиба и Порту-Алегри.

Прием всех беженцев проходил по налаженной миграционной схеме: на военных кораблях их перевозили в порт Рио-де-Жанейро и там же помещали на карантин в Центре по приему иммигрантов на небольшом острове Илья-дас-Флорес (Ilha das Flores) в заливе Гуанабара¹. В этом центре всем оформлялись документы, и тут же, через бюро трудоустройства, взрослые члены семей заключали трудовые контракты и направлялись к месту работы. Те беженцы, которые были заранее распределены в промышленный штат Сан-Паулу, отправлялись на поезде в Иммиграционный дом в столице штата, где проходили стандартные процедуры по иммунизации, регистрации и трудоустройству.

К 1940-м гг. город Сан-Паулу уже был главным промышленным центром страны. Новые фабрики и заводы располагались преимущественно на окраинах города, вдоль железнодорожных линий, которые соединяли столицу с портом Сантос, а также с аграрной провинцией штата, откуда вывозилось на экспорт сельскохозяйственное сырье. Здесь и селились рабочие, среди которых были и новоприбывшие русские беженцы. Особенно нужно выделить районы на юго-востоке города, такие как Вила Пруденте (Vila Prudente), Вила Зелина (Vila Zelina), Вила Бела (Vila Bela), Вила Альпина (Vila Alpina) и др., в которых еще с 1920-х гг. селились выходцы из Российской империи. С прибытием послевоенных русских беженцев русский язык в этих районах стал главным языком для повседневного общения. Бразильский историк Николай Шевченко, сын русскоязычных перемещенных лиц из Украины, который вырос в одном из этих районов города, вспоминает, что общим языком для всех был русский, хотя там селились люди из разных стран Восточной Европы: «Если ты не говорил по-русски, то не мог купить даже хлеба. Поэтому в детстве я был уверен, что живу в России. Впервые я осознал, что это не так, когда пошел в школу и вернулся домой в слезах и сказал моей матери: почему ты отправила меня в иностранную школу? И в первый раз я услышал от кого-то: нет, школа не иностранная, иностранцы здесь – мы»².

Адаптация людей послевоенной волны иммиграции в Сан-Паулу проходила в совершенно других условиях по сравнению с приехавшими до войны. Во-первых, большинство сразу заключили трудовые договоры как квалифицированные индустриальные рабочие, работа которых к тому времени уже неплохо оплачивалась; имелись меры социальной защиты, созданные для рабочего населения при правительстве Жетулиу Варгаса. Во-вторых, в городе уже существовала сеть русскоязычных общественных организаций, церквей, торговли, медицинских услуг и т.д. Концентрированное расселение в городе выходцев из Восточной Европы также компенсировало разорванные вынужденной миграцией социальные и семейные связи.

В то же время чувствовался поколенческий разрыв с приехавшими до войны. Их миграционный опыт настолько отличался, что часто общение проходило только в рамках религиозных институтов. Объединяющими факторами служили политические взгляды или классовая принадлежность: антисоветские организации объединяли всех неприемлющих советский режим, вне зависимости от даты их отъезда из России, а рабочие организации часто объединяли по классовому признаку всех, вне зависимости от их национального происхождения.

1 "Memória da Imigração," Hospedaria de imigrantes da Ilha das Flores, accessed December 2, 2020, <https://www.hospedariailhadaflores.com.br/museu-da-imigracao>.

2 "Nicolau Sevchenko, desgarrado e genial," *Outras Palavras*, August 15, 2014, http://outraspalavras.net/outrasmidias/destaque-outras-midias/nicolau-sevchenko-desgarrado-e-genial/?utm_source=feedly&utm_reader=feedly&utm_medium=rss&utm_campaign=nicolau-sevchenko-desgarrado-e-genial.

III. Русские из Китая

Последняя большая волна русскоязычных мигрантов, приехавших в Бразилию в XX в., была представлена русскими из Китая. Как известно, еще с начала XX в. существовали большие русские сообщества в Харбине, Шанхае и Тяньцзине. После Революции 1949 г. положение русских в Китае стало крайне нестабильным. Как отмечают исследователи русской эмиграции в КНР, те, кто не выехал в начале 1950-х гг. в СССР «поднимать целину», подвергались дискриминации со стороны китайских властей¹. Одним из немногих выходов из этой ситуации были программы по переселению в другие страны, такие как Австралия, Аргентина, Израиль, Канада, США и Бразилия.

На протяжении 1950-х гг., благодаря усилиям дальневосточного представительства Международной организации по делам беженцев и сменившего ее в 1952 г. Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), а также Межправительственного комитета по вопросам европейской миграции², русские могли получать проездные документы для лиц без гражданства и по ним запрашивать визу в одну из принимающих стран. Представительство УВКБ и бразильское консульство находились в Гонконге, откуда на пароходах русские беженцы переправлялись в города Сантос и Рио-де-Жанейро.

В бразильских источниках упоминаний о русских из Китая немного, но по ним мы все-таки можем делать некоторые выводы о количестве принятых страной мигрантов. В годовом отчете за 1950 г. Совета по иммиграции и колонизации, главного государственного органа Бразилии по регулированию миграционных потоков, упоминается группа лиц, около 5 500 человек, которые «оставили свои дома в связи с распространением китайского коммунизма» и находятся в лагерях на филиппинском острове Самар (Тубабао)³. Международная организация по делам беженцев просила бразильское правительство рассмотреть возможность принятия какой-то части этих людей. В отчете говорится:

«Это население имеет своим представительным органом Ассоциацию русских эмигрантов, которая представляет не только русских как таковых, но и людей других национальностей. С социально-экономической точки зрения эти беженцы представляют собой крестьян, рабочих и ремесленников различных специальностей»⁴.

В отчете говорится о том, что Совет благоприятно относится к переселению части этих беженцев в Бразилию и ожидает подписи президента страны, чтобы заключить с Международной организацией по делам беженцев окончательный договор. Однако из последующих отчетов не ясно, были ли действительно перевезены и в каком количестве эти русские беженцы с Филиппин.

В 1959 г. председатель Национального института иммиграции и колонизации Бразилии (бывший Совет по иммиграции и колонизации) заявил журналу *Correio da Manhã*, что на протяжении 1950-х гг. страна приняла 3 416 белых беженцев из Китая⁵. Вероятно, он имел в виду как группу с Филиппин, так и тех, кто приехал по визе в индивидуальном порядке.

В 2003–2008 гг. бразильские ученые провели обширное исследование 18 396 индивидуальных досье послевоенных мигрантов, обязательных для регистрации в

1 Moustafine 2010, 153.

2 Intergovernmental Committee for European Migration (ICEM).

3 Эта группа русских беженцев была эвакуирована из Шанхая в начале 1949 г. при финансовой помощи Международной организации по делам беженцев по просьбе Ассоциации русских эмигрантов. См.: Таболина 2016, 6–7.

4 Relatório Geral do Conselho de Imigração e Colonização, 1950. Centro de Pesquisa e Documentação de História Contemporânea do Brasil (CPDOC).

5 *Correio da Manhã*, n. 20306, 9 de junho de 1959, p. 2.

Иммиграционном доме в Сан-Паулу¹. Среди них удалось выделить 1 842 досье мигрантов русского происхождения, которые прошли через центр по приему иммигрантов в период с 1947 по 1961 г.² Среди них приехавших из Китая преимущественно в 1957 и 1958 гг. – около 300 человек³. Благодаря этим данным мы можем восстановить некоторые характеристики этой миграционной волны.

Производя демографические сравнения русских из Китая с русскими ДиПи, интересно отметить, что среди первых было больше «неполных» семей с женщинами во главе (18% против 8% из ДиПи), а также большое количество детей и молодежи (44%). Это можно объяснить тем, что первые ехали в Бразилию по визе, а вторые отбирались специальным комитетом в лагерях для перемещенных лиц. Как уже было сказано, бразильское правительство отдавало предпочтение полным семьям, либо мужчинам в работоспособном возрасте. Визу удавалось получить не проходя отбора и это давало возможность приехать в Бразилию разведенным или овдовевшим женщинам, с детьми или без, что было для ДиПи практически невозможно.

Что касается паттернов расселения в городе, то они зависели от профессиональных характеристик и мест трудоустройства. В отличие от послевоенной волны, русские из Китая не направлялись на заводы, а значит и не селились в индустриальных районах города. Многие находили работу в сфере услуг или торговле и поэтому могли себе позволить жить в тех районах, которые располагались недалеко от центра города, но в которых цены на жилье еще не были слишком высоки. Многие семьи старались поселиться вблизи своих соотечественников – таким образом в Сан-Паулу возникли новые русские очаги: в районах Моэма, Индианополис и Ипиранга.

С 1950-х гг. возникают новые православные приходы в Сан-Паулу: приход в пригороде Карапикуиба (Серафима Саровского, конец 1948-49 гг.); два прихода в Моэма и Индианополисе (1952 г.); приход в районе Педрейра (Покровская церковь, 1952 г.); приход в районе Вила Зелина (Покровская церковь, 1962 г.), а также Благовещенский приход в районе Ипиранга (в 1950-е гг. был отдан иезуитам, работающим с русскими беженцами).

Следует отметить, что большую роль в адаптации русских, приехавших в 1940-1950-е гг. сыграли иезуиты. В 1954 г. ими был создан Институт Святого Владимира, интернат для мальчиков из русскоязычных семей, а в 1958 г. – Институт Святой Ольги, для девочек. В интернате дети обучались русскому языку и традициям и параллельно ходили в местную бразильскую школу. Для семей, приехавших из Китая, не существовало налаженной местными властями схемы размещения. Также не было русских организаций по взаимопомощи, т.к. существовавшая в 1930-е гг. русскоязычная жизнь в городе была подавлена националистическими законами правительства Жетулиу Варгаса. В этом контексте институты для русских семей, созданные иезуитами, были единственными учебными заведениями в городе, которые помогали детям работающих родителей сохранять русский язык и культуру⁴.

1 Bastos and Salles 2014 ; Paiva 2007; Salles 2004; Salles et al. 2013.

2 Были учтены те, которые числятся как «русские», а также те, которые имели статус «лица без гражданства». Более подробно с методологией исследования можно ознакомиться: Ruseishvili 2018.

3 Важно отметить, что это не все русские из Китая, а только те, которые прошли через центр по приему иммигрантов в Сан-Паулу. В этот период не все иммигранты были обязаны регистрироваться в центре, а только те, которым требовалась помощь в трудоустройстве и поиске места жительства.

4 С 1954 по 1958 г. Институт Святого Владимира помещался в католическом приходе в городе Иту, с 1958 г. – в монастыре Святого Бенедикта в городе Сантос. В 1968 г. интернат был переведен в Сан-Паулу, где просуществовал до начала 1980-х гг. Институт Святой Ольги был создан в 1958 г. в городе Резенди, в штате Рио-де-Жанейро, и вскоре был переведен в город Сан-Паулу, в район Ипиранга. См.: Silva 2015; Vorobieff 2006.

В 2021 г. исполняется 100 лет с момента прибытия в Сан-Паулу первых русских белоэмигрантов. За этот период русское сообщество в штате и в его столице пережило расцвет и упадок. Как упоминалось выше, русская жизнь в городе осложнялась классовыми, поколенческими, политическими и идеологическими различиями русскоязычных иммигрантов. В то же время, приходилось постоянно доказывать бразильским властям, настроенным антикоммунистически, что быть русским не означает приверженность советской идеологии. Даже монархические и националистические организации были под постоянным надзором политической полиции, которая проявляла недоверие к любым собраниям иностранных граждан. В период Нового Государства (1937–1945) любое проявление иностранной общественной жизни было запрещено, что нанесло огромный удар по русскоязычному сообществу в городе. Период после Второй мировой войны и до военного переворота в 1964 г. был периодом оттепели, но русскоязычная общественная жизнь уже не вернулась на уровень начала 1930-х гг.¹ После 1964 г., при военной диктатуре и в контексте холодной войны, все русское снова стало рассматриваться властями как синоним советского, поэтому иностранцы, опасаясь репрессий, ограничивали любые проявления общественной жизни семейным либо церковно-приходским кругом.

В последние годы возрастает интерес бразильцев к русской истории и русской культуре. Этому способствовало столетие Октябрьской революции 1917 г., которое широко отмечалось во всем мире. Помимо этого Сан-Паулу стал активно позиционировать себя как город-космополит, чье экономическое и культурное развитие неотъемлемо связано с иностранными мигрантами в прошлом и настоящем. В этом плане заметно, что, помимо уже ставших традиционными итальянской, португальской и арабской культур, жители города стали интересоваться историей русскоязычной и славянской иммиграции в Сан-Паулу. Все большим успехом пользуются тематические восточно-европейские ярмарки и русская кухня. Все больше жителей города и туристов интересуются русскими православными приходами и особенностями традиций православного христианства.

В заключение остается выразить надежду, что этот интерес из повседневной жизни перейдет в научную сферу и русскоязычная миграция в Сан-Паулу и в Бразилии в целом займет свое место в исторических и социологических исследованиях миграционных процессов в этой стране.

→ Список литературы / References

Колупаев, Р. Жизнь русской общины в Бразилии в освещении газеты «Друзьям и знакомым» // *Латинская Америка*. – 2011. – №3. – С. 89–97. [Kolupaev, R. "Zhizn' russkoi' obshchiny v Brazili v osveshchenii gazety "Druz'iam i znakomym" [The life of the Russian community in Brazil through "Druz'iam i znakomym" review]. *Latin America* 3 (2011): 89–97.] [In Russian]

Мосейкина, М.Н. Отец Феодосий – архиепископ Сан-Паульский и Всей Бразилии // *Латинская Америка*. – 2000. – №7. – С. 69–74. [Moseikina, M.N. "Otets Feodosiy – arkhiepiskop San-Paulskii e vsei Brazili" [Father Feodosiy – archbishop of São Paulo and of all Brazil]. *Latin America* 7 (2000): P. 69–74.] [In Russian]

¹ В этот период издавался известный монархический журнал «Владимирский вестник», единственное русскоязычное периодическое издание в Сан-Паулу после Второй мировой войны. С приездом послевоенных беженцев монархические и антисоветские настроения в русской колонии вспыхнули с новой силой. Это был один из немногих факторов, которые сближали два разных поколения эмигрантов.

Мосейкина, М.Н. Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–30 годы // *Российская история*. – 2010. – №3. – С. 98–115. [Moseikina, M.N. "Russkaia emigratsia v stranakh Latinskoi Ameriki v 1920–1930 godi" [Russian emigration in the Latin American countries in the 1920–1930s]. *Russian History* 3 (2010): 98–115.] [In Russian]

Мосейкина, М.Н. Русские в странах Латинской Америки в 20–30-е гг. XX в.: повседневность колонизации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России»*. – 2003. – № 2. – С. 153–166. [Moseikina, M.N. "Russkie v stranakh Latinskoi Ameriki v 20–30 godi XX veka, povsednevnost kolonizatsii" [Russians in the Latin American countries in the 20–30s of the 20th century: everyday life of colonization]. *Herald of the People's Friendship University of Russia. History of Russia Series 2* (2003): 153–166.] [In Russian]

Нечаев, С.Ю. Русские в Латинской Америке. – М.: Вече, 2010. – 320 с. [Nechaev, S.Y. *Russkie v Latinskoi Amerike* [Russians in the Latin America]. Moscow: Vechte, 2010.] [In Russian]

Таболина, Т.В. *Русский дом на Тубабao*. – М.: Дарь, 2016. – 192 с. [Tabolina, T.V. *Russkii dom na Tubabao* [Russian Home at Tubabao]. Moscow: Dar, 2016.] [In Russian]

Хисамутдинов, А.А. Наши соотечественники за рубежом // *Латинская Америка*. – 2005. – №9. <http://www.ilaran.ru/?n=122>. [Hisamutdinov, A.A. "Nashi sootchestvenniki zarubejom" [Our compatriots abroad]. *Latin America* 9 (2005).] [In Russian]

Baeninger, Rosana, and Maria Sílvia C. Beozzo Bassanezi. "Trajetória Demográfica no Estado de São Paulo, na capital e em outros municípios" [Demographic trajectory in the State of São Paulo, in the capital and in other municipalities]. In *Trabalho apresentado no XV Encontro Nacional de Estudos Populacionais* [Works Presented at 15th National Meeting of Popular Studies], 1–12. São Paulo: ABEP, 2006. [In Portuguese]

Bastos, Sênia, and Maria do Rosário Rolfsen Salles "A imigração polonesa para São Paulo no pós-Segunda Guerra Mundial no quadro das entradas dos "deslocados de guerra": 1947–1951" [Polish immigration to São Paulo in the post-World War II period in the context of the "war displaced persons": 1947–1951]. *Revista Brasileira de Estudos de População* 31, no. 1 (2014): 151–167. <http://dx.doi.org/10.1590/S0102-30982014000100009>. [In Portuguese]

Blay, Eva. *Eu não tenho onde morar: vilas operárias na cidade de São Paulo* [I have nowhere to live: worker villages in the city of São Paulo]. São Paulo: Nobel, 1985. [In Portuguese]

Bytsenko, Anastassia. "Imigração da Rússia para o Brasil no início do século XX. Visões do paraíso e do inferno" [Immigration from Russia to Brazil in the early 20th century. Visions of paradise and hell]. Dissertação de mestrado, Universidade de São Paulo, 2006. [In Portuguese]

Cocicov, Jorge. *Castigo e morte. Búlgaros e gagaúzos bessarabianos na Ilha Anchieta, Ubatuba-SP, Brasil* [Punishment and death. Bulgarians and bessarabian gagaúzos on Anchieta Island, Ubatuba-SP, Brazil]. II ed. Ubatuba, 2017. [In Portuguese]

Cocicov, Jorge. *Imigração búlgaros e gagaúzos bessarabianos "romenos": Brasil, Uruguai* [Bulgarian immigrants and "Romanian" Bessarabian gagauz: Brazil, Uruguay]. Ribeirão Preto: Legis Summa, 2007. [In Portuguese]

Cocicov, Jorge. *Imigração no Brasil: búlgaros e gagaúzos bessarabianos* [Immigration in Brazil: Bulgarians and Bessarabian Gagauz]. Ribeirão Preto: Legis Summa, 2005. [In Portuguese]

Cocicov, Jorge. *Imigrantes bessarabianos: búlgaros e gagaúzos ("romenos"), Bessarábia (Moldávia): Brasil, Uruguai (1926–2015)* [Bessarabian immigrants: Bulgarians and Gagauz ("Romanians"), Bessarabia (Moldova): Brazil, Uruguay (1926–2015)]. Ubatuba: Ed. do Autor, 2015. [In Portuguese]

Fausto, Boris. *Imigração e política em São Paulo* [Immigration and politics in São Paulo]. São Paulo: Editora Sumaré / FAPESP, 1995. [In Portuguese]

Kévonian, Dzovinar. "Enjeux de catégorisations et migrations internationales. Le Bureau International du Travail et les réfugiés (1925–1929)" [Issues of categorizations and international migrations. The International Labor Office and refugees (1925–1929)]. *Revue Européenne des migrations internationales* 21, no. 3 (2005): 95–124. <https://doi.org/10.4000/remi.2522>. [In French]

Kulischer, Eugene. "Displaced persons in the Modern World." *Annales of the American Academy of Political and Social Science* 262 (1949): 166–177. <http://www.jstor.org/stable/1026986>.

Lozovanu, Dorin, and Victor Hugo S. Souza, "Balisa, a colony of Bessarabians in Brazil. The immigrants who followed the coffee route and the railways." *Acta et Coomentationes. Exact and Natural Sciences* 7, no. 1 (2019): 98–106. <https://doi.org/10.36120/2587-3644.v7i1.98-106>.

Moreira, J.B. "Recepção de refugiados europeus no Brasil do pós-guerra" [Reception of European refugees in post-war Brazil]. In *37º Encontro Anual da ANPOCS. Águas de Lindóia: Anpocs*, 2013. [In Portuguese]

- Moustafine, Mara. "Russians from China: Migrations and Identity." *International Journal of Diversity in Organizations, Communities and Nations* 9, no. 6 (2010): 143-158. <http://dx.doi.org/10.5130/ccs.v5i2.3337>.
- Paiva, Odair da Cruz. "Migrações para São Paulo pós-Segunda Guerra Mundial. Desafios de normatização da diversidade" [Migrations to São Paulo after World War II. Challenges of standardizing diversity]. In *XXIV Simpósio Nacional De História*. São Leopoldo: ANPUH, 2007. [In Portuguese]
- Ruseishvili, Svetlana. "Fronteira desterritorializada, inclusão diferencial e Estado-nação: a comissão brasileira de seleção de refugiados da Segunda Guerra Mundial" [Deterritorialized border, differential inclusion and the nation-state: Brazilian World War II Refugee Selection Commission]. *REMHU – Journal Revista Interdisciplinar da Mobilidade Humana* 28, no. 60 (2020). <https://doi.org/10.1590/1980-85852503880006008>. [In Portuguese]
- Ruseishvili, Svetlana. "Perfil sociodemográfico e distribuição territorial dos russos em São Paulo: deslocados de guerra da Europa e refugiados da China após a Segunda Guerra Mundial" [Socio-demographic profile and territorial distribution of the Russians in São Paulo: displaced persons from Europe and refugees from China after the Second World War]. *Revista Brasileira de Estudos Populacionais* 35, no. 3 (2018): 1-20. <https://dx.doi.org/10.20947/s0102-3098a0036>. [In Portuguese]
- Ruseishvili, Svetlana. "Ser russo em São Paulo: os imigrantes russos e a (re)formulação de identidade após a Revolução bolchevique de 1917" [Being Russian in São Paulo: Russian immigrants and the (re) formulation of identity after the Bolshevik Revolution of 1917]. Tese de Doutorado, Universidade de São Paulo, 2016. [In Portuguese]
- Salles, Maria do Rosário Rolfsen. "Imigração, família e redes sociais: a experiência de "deslocados de guerra", em São Paulo, no pós-Segunda Guerra Mundial" [Immigration, family and social networks: the experience of "war displaced persons", in São Paulo, after the Second World War]. In *Anais do XIV Encontro Nacional de Estudos Populacionais*. Caxambu: ABEP, 2004. [In Portuguese]
- Salles, Maria do Rosário Rolfsen et al. eds. *Imigrantes internacionais no pós-Segunda Guerra Mundial* [International immigrants after the Second World War]. Campinas: Nepo/Unicamp, 2013. [In Portuguese]
- Silva, B.H. "O instituto São Vladimir e a presença russa em Santos, pela voz dos imigrantes (1958-1968)" [The São Vladimir Institute and the Russian presence in Santos, through the voice of immigrants (1958-1968)]. Trabalho de Conclusão de Curso apresentado à Universidade Católica de Santos como exigência parcial para a obtenção do grau de Licenciatura em História, 2015. [In Portuguese]
- Suveica, Svetlana. *Basarabia în primul deceniu interbelic (1918-1928): modernizare prin reforme* [Bessarabia in the first interwar decade (1918-1928): modernization through reforms]. Chisinau: Pontos, 2010. [In Romanian]
- Vorobieff, Alexandre. "Identidade e memória da comunidade russa na cidade de São Paulo" [Identity and memory of the Russian community in the city of São Paulo]. Dissertação de Mestrado, Universidade de São Paulo, 2006. [In Portuguese]
- Zabolotsky, Jacinto. *A imigração russa no Rio Grande do Sul: os longos caminhos da esperança* [Russian immigration in Rio Grande do Sul: the long paths of hope]. Porto Alegre: Martins Livreiro, 2007. [In Portuguese]
- Zen, Erick Reis Godliauskas. *Imigração e Revolução: Lituanos, Poloneses e Russos sob Vigilância do Deops* [Immigration and Revolution: Lithuanians, Poles and Russians under Deops surveillance]. São Paulo: Editora da Universidade de São Paulo, FAPESP, 2010. [In Portuguese]
- Zhebit, Alexander, ed. *Brasil-Rússia: história, política e cultura* [Brazil-Russia: history, politics and culture]. Rio de Janeiro: Gramma, 2009. [In Portuguese]

Russian immigration to Brazil in the first half of the 20th century: migration routes and adaptation patterns

S.A. Ruseishvili

→ Abstract

In the article under consideration, the author examines three main waves of the Russian-speaking immigration to Brazil and, particularly, to the State of São Paulo and its capital of the same name, during the first half of the 20th century. The first wave refers to the period from 1921 to the late 1930s. We consider the arrival of general Wrangel's soldiers and officers, in 1921; the resettlement of Russian-speaking farmers from Romanian Bessarabia in 1923-1930s; and the 'secondary' migration of Nansen refugees from Europe during the 1930s. The second wave represents the post-war subsidized migration of Russian displaced persons (DPs), and the third one is the resettlement of the Russians from China during the 1950s. The author relies on a vast number of authentic sources from public and private archives, such as Russian-language periodicals in Brazil, Brazilian regulatory acts, and interviews with the descendants of Russian emigrants. Delivering a comparative analysis of the aforementioned waves the author concludes that the patterns of the Russian speakers' adaptation in Brazil need to be considered in the light of political and economic conditions in the country in a particular period of immigrants' arrival. It is also noted that anti-Soviet sentiments in Brazilian politics, starting from the mid-1930s, had a negative impact on preservation of the Russian language and Russian culture in the country.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-54-73>

Research article

Svetlana A. Ruseishvili, PhD, Coordinator, Cátedra Sérgio Vieira de Mello (UNHCR/UFSCar); Adjunct Professor, Sociological Department, Federal University of São Carlos (Brazil)

E-mail: svetlana@ufscar.br

For correspondence: CEP 13565-905, Brazil, São Carlos, SP-310, Rod. Washington Luís, km 235

For citation: Ruseishvili S.A. Russian immigration to Brazil in the first half of the 20th century: migration routes and adaptation patterns. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 3 (2020): 54-73. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-54-73>.

Received: 15.12.2020

Accepted: 14.01.2021

→ Keywords

Russian emigration, displaced persons, Russians from China, São Paulo, Brazil

Acknowledgements: The author expresses her profound gratitude to Inna V. Ruseishvili-Garbelotto for her attention and detailed comments on the article concerned.

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Португалия в XXI веке • Portugal en el siglo XXI

Fórmula de crecimiento: la economía portuguesa después de la Revolución de los Claveles

P.P. Yakovlev

→ Resumen

El artículo ofrece una visión general de la economía portuguesa en el último cuarto del siglo XX y principios del XXI. Al evaluar varios indicadores clave del desarrollo económico en la perspectiva histórica, el autor identifica los factores más importantes que determinan la dinámica del crecimiento socioeconómico nacional. En más de cuatro décadas transcurridas desde la "Revolución de los Claveles" (25 de abril de 1974), en la República Portuguesa se han producido profundos cambios en la economía y en el ámbito sociopolítico. En el país han surgido sectores económicos nuevos y se han modernizado los tradicionales, se ha formado un sistema moderno de producción y consumo, el volumen del PIB se ha multiplicado por seis y la exportación de bienes y servicios ha crecido exponencialmente. En general, Portugal se ha integrado orgánicamente en el sistema de las relaciones económicas mundiales ocupando un lugar digno en la división global del trabajo. Al mismo tiempo, hay que tener en cuenta el efecto de la crisis mundial de 2008–2009, cuando la economía del país se vio en el epicentro de la "tormenta ideal" (conjugación de factores negativos internos y externos) y sufrió un retroceso en prácticamente todos los indicadores macroeconómicos clave. A pesar de este fallo sistémico, en la segunda mitad de la década de 2010 Portugal logró salir del pico de la crisis, superando así, en gran medida, las consecuencias de la recesión y demostrando poseer una de las tasas de crecimiento más altas entre los países de la zona del euro. Sin embargo, la preservación de la dinámica económica positiva se ve hoy en día amenazada por los desafíos externos que requieren una respuesta oportuna y eficaz. Estos desafíos de alcance global incluyen la pandemia de COVID-19, cuyo impacto económico ha sido un verdadero shock para Portugal, así como para muchos otros países del mundo.

→ Palabras clave

Portugal, desarrollo posrevolucionario, modernización económica, efectos de la crisis mundial, salida de la recesión, comercio exterior, problemas y desafío, efecto de COVID-19

Declaración de divulgación: El autor no informó de ningún posible conflicto de intereses.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-74-88>

Artículo de investigación

Petr Pavlovich Yakovlev, doctor en economía, jefe del Centro de Estudios Ibéricos, Instituto de Latinoamérica, Academia de Ciencias de Rusia; profesor del Departamento de Negocios Internacionales y Aduanas, Universidad Rusa de Economía Plejánov, Moscú (Rusia)

E-mail:

petrp.yakovlev@yandex.ru

Para la correspondencia: 115035, Rusia, Moscú, c/Bolshaya Ordynka, 21/16

Para citar: Yakovlev, Petr Pavlovich. "Fórmula de crecimiento: la economía portuguesa después de la Revolución de los Claveles" [Growth formula: the Portuguese economy after the "Carnation Revolution"]. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 3 (2020): 74–88. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-74-88>. [In Spanish]

El artículo fue recibido por los editores: 13.12.2020

Aceptado para publicación: 15.01.2021

Luego de sumirse en el remolino de la crisis mundial de 2008 – 2009, el estado portugués sufrió graves consecuencias económicas y financieras, el PIB se contrajo, el sistema bancario perdió estabilidad, aumentó considerablemente el desempleo, se redujeron los ingresos reales de la mayor parte de la población, decenas de miles de portugueses abandonaron su patria en busca de empleos en el extranjero. En 2011 el país se encontró a un paso del default y tuvo que buscar ayuda internacional por un monto de 78 mil millones de euros.¹ Tras recibir esta potente inyección financiera, Lisboa llevó a cabo reformas estructurales y logró que la economía volviera a la trayectoria de crecimiento. Como resultado, según los expertos, en la segunda mitad de la década de 2010 Portugal se convirtió en uno de los países europeos más atractivos para vivir y hacer negocios: empezaron a prosperar las empresas emergentes, crecieron las inversiones, los extranjeros fueron comprando bienes inmuebles y el número de turistas aumentó de manera estable. A su vez, no se pudo “ampliar” todos los cuellos de botella en la economía, algunos problemas estructurales quedaron sin resolver, surgieron nuevos desafíos internos y externos, de los cuales el más amenazante fue la COVID-19.

Modernización a la portuguesa

Durante mucho tiempo Portugal siguió siendo una periferia poco desarrollada de Europa Occidental, muy por detrás de los líderes continentales en todos los principales indicadores económicos y sociales. Hasta el último tercio del siglo XX, el perfil económico del país y su lugar en la división mundial del trabajo estaba determinado por la agricultura, la pescadería y algunos sectores de la industria ligera y de la minería. La economía estaba en gran medida cerrada al mercado extranjero y a la competencia internacional, prácticamente “cociéndose en su propia salsa”, lo que contrastaba marcadamente con los esfuerzos de otras empresas europeas que apostaban por la integración regional y la expansión económica exterior.

La situación económica de Portugal empezó a cambiar drásticamente a mediados de la década de 1970, después de la Revolución de los Claveles y en plena ola de la renovación posrevolucionaria de la vida política. Durante este período la economía lusa experimentó una profunda transformación antiliberal. Se nacionalizaron importantes activos industriales y financieros, aseguradoras, grandes propiedades de tierra, la participación del Estado en el PIB fue del 40%. Pero el experimento estatista no superó la prueba del tiempo. Debido a las condiciones políticas imperantes (internas y externas), la estrategia de crecimiento económico empezó a experimentar cambios sustanciales que se volvieron irreversibles desde la adhesión del país a las Comunidades Europeas (1 de enero de 1986).²

Esto llevó a un giro de 180º en la política macroeconómica. De conformidad con las exigencias de Bruselas, en el país se desarrolló un proceso de liberalización de la economía, se realizó la reprivatización de una parte significativa del sector público (en 2001 la participación del estado en el PIB se redujo al 8%) y se dieron pasos hacia una diversificación económica. Como resultado, la estructura del PIB cambió visiblemente: se redujo considerablemente la parte del sector agrícola y minero, pero aumentó la proporción del sector servicios (hasta un 74,5% en 2008).³ Al mismo tiempo, la internalización de la economía local fue adquiriendo un carácter sistémico, que abandonó definitivamente los rasgos de cierre y autarquía. En otras palabras, Portugal optó por el camino de un desarrollo activo de las recetas

1 Yakovleva 2016 (b), 35-39.

2 Medeiros Ferreira 2000, 142-150.

3 Mateus 2013, 275.

económico – financieras y sociales de Europa Occidental, integrándose en el proceso de una modernización desarrollista.¹

El *capital extranjero* desempeñó un papel importante en el desarrollo y la diversificación de la economía portuguesa. El mayor proyecto de inversión extranjera valorado en unos 2 mil millones de euros fue la construcción de la factoría de automóviles *Autoeuropa* en la ciudad de Palmela, emprendida a principios de los años noventa por las empresas *Ford* y *Volkswagen* (en 1999 la empresa pasó a ser controlada totalmente por el grupo *Volkswagen*). Puesta en servicio en 1995, la planta se convirtió en uno de los líderes de la industria nacional contribuyendo de esta manera a la modernización técnica y desempeñando un papel nada despreciable en el aumento de los volúmenes de exportación de productos industriales. Pero la alta competencia en los mercados europeos nunca permitió a *Autoeuropa* alcanzar su capacidad de diseño (en torno a 200 mil vehículos por año), y a mediados de la década de 2000 la producción se redujo a 80–90 mil vehículos, lo que atestigua las graves dificultades que estaba viviendo la empresa.²

La pertenencia a la Comunidad Económica Europea, CEE (y posteriormente a la Unión Europea) permitió a Lisboa obtener recursos financieros adicionales para reestructurar la economía y consolidar el *nuevo modelo de crecimiento*. Los fondos recibidos entre 1987 y 2007 se estiman (a precios corrientes) de la siguiente manera: 55 mil millones de euros procedentes de las fuentes de la Unión Europea y 35 mil millones ingresados en el presupuesto como resultado de la privatización de la propiedad pública. Esto suma 90 mil millones de euros, más del 40% del PIB actual. Además, el país recibió unos 60 mil millones de euros en remesas de los emigrantes portugueses que trabajan en el exterior. En total, se trata de una inyección de capital bastante sólida (150 mil millones euros) para un estado con una población de 10 millones de personas.³ No obstante, la dinámica de la economía era inestable y la competitividad de los productos portugueses se mantenía relativamente baja, lográndose ante todo debido a unos salarios comparativamente bajos. Por consiguiente, el PIB de Portugal creció de 2 a 5 veces más lentamente que el promedio mundial, un ritmo muy por detrás del alcanzado por otros estados europeos (véase el Cuadro 1).

→ Cuadro 1

Tasa de variación del PIB en el período precrisis (%)

País	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
El mundo en su totalidad	2,3	2,9	3,6	4,9	4,6	5,2	5,4
EE. UU.	1,1	1,8	2,5	3,6	3,1	2,7	1,9
Eurozona	1,9	1,0	0,8	1,9	1,8	3,2	2,8
Portugal	2,0	0,7	-0,9	1,6	0,8	1,4	2,4

Fuente: "Relatório do Conselho de Administração. Relatório e contas 2010," Banco de Portugal, accessed January 11, 2021, https://www.bportugal.pt/sites/default/files/anexos/pdf-boletim/ra_10_p.pdf. P. 211.

La adhesión del país a la *zona del euro* creada en 1999 provocó efectos contradictorios. Por una parte, la adhesión a esta unión monetaria tuvo determinadas consecuencias positivas, en particular, en términos de reducción de las tasas de interés y disminución de los costes de transacción (lo que contribuyó a la intensificación de la actividad empresarial y al desarrollo de las relaciones económicas exteriores), pero al mismo tiempo

1 Yakovleva 2012, 13–15.
2 "Associação automóvel de Portugal," accessed January 11, 2021, <https://www.acap.pt/pt/estatistica>.
3 Yakovleva and Yakovlev 2011, 16.

la introducción de una moneda única europea aumentó los desequilibrios estructurales en la economía portuguesa. Por ejemplo, el paso de Portugal al euro provocó un boom de consumo, satisfecho en gran medida por el aumento de las importaciones, lo que añadió al déficit del comercio exterior y exacerbó con el tiempo las dificultades económicas.¹

Pero ¿por qué sucedió así? La razón es que cuando se introdujo el euro, la estructura de las exportaciones de Portugal estaba claramente sesgada hacia las industrias tradicionales intensivas en el uso de mano de obra, de baja tecnología y de lento crecimiento, donde recibían cada vez más ventajas comparativas los países de Asia y los estados del este de Europa que se adhirieron a la Unión Europea. La renuncia a la moneda nacional privó a Lisboa de una palanca de aumento de la competitividad de los productos locales, como es la devaluación, y en términos de la productividad laboral, Portugal todavía se encontraba significativamente por detrás de otros miembros de la Unión Europea. Aunque esta brecha se redujo ligeramente en la década de 2000, todavía siguió siendo muy significativo (véase el Cuadro 2).

→ Cuadro 2

Portugal en la Unión Europea (%)

Indicador	2001	2005	2010
PIB per cápita con respecto a la media en la UE-15	69,7	70,3	70,9
PIB per cápita con respecto a la media en la UE-27	80,1	79,3	78,3
Productividad laboral con respecto a la media en la UE-15	62,5	65,2	67,5
Productividad laboral con respecto a la media en la UE-27	70,8	72,2	74,0

Fuente: “Relatório do Conselho de Administração. Relatório e contas 2010,” Banco de Portugal, accessed January 11, 2021, https://www.bportugal.pt/sites/default/files/anexos/pdf-boletim/ra_10_p.pdf. P. 228.

¿Cuáles han sido los cambios clave en la economía portuguesa después de la adhesión a la CEE y qué características han permanecido invariables?

Durante la p articipación en la integración europea se ha ampliado y formalizado considerablemente el campo de la actividad empresarial. En particular, el número de empresas registradas legalmente entre 1990 y 2008 creció de 393 mil a 1,1 millones. Al mismo tiempo, Portugal siguió siendo principalmente un país de pequeñas empresas: en 2008, el 95,5% de las empresas tenían menos de 10 trabajadores (en 1990, el 91,7%). Más aún, podemos constatar que la parte proporcional de las pequeñas empresas incluso ha crecido.

Sin embargo, la economía portuguesa ha sufrido importantes cambios estructurales. La construcción y el comercio inmobiliario se trasladaron a la primera fila de las industrias líderes, en respuesta a la escasez de vivienda tradicionalmente grave y al relativo atraso de la infraestructura. Entre 1995 y 2008, en el país se construyeron 1,2 millones de nuevas viviendas (apartamentos y viviendas unifamiliares). Para un país relativamente pequeño, es una cifra enorme.

Portugal se ha involucrado profundamente en los procesos de regionalización y globalización, lo que se puede ver claramente en el ejemplo del crecimiento exponencial de la parte proporcional del comercio de bienes y servicios en el PIB: de un 20-25% en 1974-1985 a un 65-75% en 2001-2008. Al mismo tiempo, las importaciones superaban sistemáticamente las exportaciones, lo que repercutía negativamente en la balanza de pagos. La pertenencia a la CEE y a la UE ha hecho que los países de Europa Occidental se arraiguen como los principales socios de Portugal en el comercio y la inversión. En el período anterior a

1 Amaral 2010.

la crisis, la Unión Europea representaba el 75% del intercambio comercial y en torno a un 90% de la inversión extranjera en la economía portuguesa.¹

El progreso socioeconómico se vio frenado por la influencia desproporcionada del Estado, heredada de la época prerrevolucionaria, en comparación con las posibilidades de crecimiento económico y el tamaño de la base impositiva. El aparato del Estado se sumió en la burocracia y no adquirió la aptitud de ajustar continuamente la estrategia macroeconómica (una especie de afinación sutil), apropió funciones superfluas, era engorroso y corrupto. Entre 1986 y 2005 la “obesidad” burocrática de las autoridades se agravó: el número de funcionarios aumentó de 460 a 750 mil (en un 63%), y el volumen del gasto público con respecto al PIB pasó del 35% al 48%.² Tuvo consecuencias negativas la baja eficiencia de la administración pública (y a menudo también empresarial), que se convirtió en un serio obstáculo en el camino de la modernización.

Con el tiempo, el sistema de administración y gestión de negocios empezó a rechazar un gran número de graduados de instituciones de educación superior más emprendedores y técnicamente competentes, muchos de los cuales acabaron embarcándose en el camino de la emigración. Adicionalmente, a Portugal llegaban inmigrantes de países de África y de Europa del Este que ocupaban puestos de trabajo no cualificados en la agricultura, la construcción y el sector de servicios. Esta rotación del capital humano disminuía inevitablemente el potencial innovador de la economía portuguesa.

Otro problema grave fue la desaceleración del crecimiento de la productividad laboral: su tasa promedio interanual se redujo del 3,1% en 1995–2000 a menos de 1% en la primera mitad de la década de 2000. Esta situación se debió en parte a un ritmo relativamente bajo de la formación del capital humano y a un uso relativamente débil de las tecnologías de información. Estas fueron las causas del descenso del atractivo para la inversión de la economía portuguesa en el período anterior a la crisis.

Resumiendo, se puede constatar que Portugal entró en el siglo XXI siendo un país industrial agrario, cuya estructura económica estaba marcada por un cierto *dualismo*: junto con los sectores modernos, que muchas veces tenían carácter de enclave donde las industrias tradicionales de baja tecnología mantenían en gran medida sus posiciones. Esta situación reducía notablemente la competitividad general de la economía portuguesa, aumentando su vulnerabilidad ante los choques externos, de los cuales los más fuertes fueron los cataclismos económico – financieros de 2008–2009.

Bajo los golpes de la crisis global

Portugal fue uno de los países europeos más afectados por los efectos de la crisis global. Los efectos de la crisis en los mercados internacionales financieros y de bienes se sobrepusieron a los desequilibrios estructurales internos en la economía, acentuando los problemas macroeconómicos urgentes, cuya solución se había pospuesto en los años relativamente prósperos. La crisis jugó el rol de *papel de tornasol* y sacó a la luz los defectos económicos que preferían ignorar las autoridades portuguesas. En otras palabras, el *talón de Aquiles* del desarrollo económico fueron las debilidades estructurales e institucionales acumuladas que imprimieron a la crisis un carácter especialmente agudo y sistémico.³ Las principales fueron las siguientes:

- Retraso tecnológico de algunos sectores de la economía, su relativamente bajo nivel de innovación. Lógicamente, fue imposible no ver algunos avances alcanzados en este ámbito durante el período posrevolucionario, pero unas

1 Yakovlev 2014, 42.

2 Monteiro 2010, 81.

3 Yakovleva 2016 (a), 163–176.

pocas inyecciones de innovación no lograron revertir la situación en su conjunto y Portugal se quedó por detrás no solo del núcleo avanzado de los países miembros de la UE, sino también de otros países periféricos de la zona del euro en términos de los principales indicadores del desarrollo científico-técnico.

- Una participación insignificante de la industria transformadora en la estructura del PIB. A finales del primer decenio del siglo XXI apenas superaba el 13%. Al mismo tiempo, un importante lugar correspondía a los sectores tradicionales de baja tecnología: textil, calzado, alimentación. Uno de los principales factores que frenaban el desarrollo de la producción industrial y su modernización era el hecho de que la mayor parte (más del 60%) de las inversiones y de los recursos crediticios se canalizaban a la construcción y a las operaciones inmobiliarias. Como resultado, otros sectores de la economía, principalmente la industria, quedaron infrafinanciados.
- Una ineficiencia en la agricultura. Aportaba solo el 2,7% del PIB, pero ocupaba al 11% de los trabajadores por cuenta ajena, y utilizaba para sus necesidades el 43% del territorio nacional. La baja productividad del sector agrario obligaba a Portugal a importar hasta el 50% de los alimentos y piensos.¹
- Un déficit crónico del comercio exterior como consecuencia de la baja competitividad de los productos portugueses. Solo en cuatro años – de 2007 a 2010 – la balanza comercial negativa de bienes se acercó a 80 mil millones de euros.
- Otro aspecto vulnerable de la economía portuguesa es su alta dependencia energética del exterior. En 1995 – 2005, las importaciones de los recursos energéticos aumentaron un 360%, lo que se debía en cierta medida a la baja eficiencia energética de la economía. Así, el nivel de consumo de energía por unidad de productos portugueses era un 30% superior a la media correspondiente de los países de la UE-15.² No es casual que la fuerte subida de los precios del petróleo a mediados de 2008 supuso un verdadero choque petrolero para el país.
- Altas obligaciones sociales del Estado y el mercado de trabajo regulado. La seguridad social confiable de los ciudadanos portugueses, lograda a lo largo de décadas de desarrollo democrático, ha tenido una serie de consecuencias macroeconómicas negativas. Paradójicamente, las prestaciones por desempleo superaban el salario medio, y el despido de los trabajadores resultaba tan costoso que podía llevar al empleador a la quiebra. Esta última circunstancia obstaculizaba la creación de nuevos empleos y ahuyentaba a los inversores. Por lo general, el gasto público superaba sistemáticamente los ingresos, creando un déficit presupuestario constante que alcanzó una cifra récord de 17,0 mil millones de euros o el 10,1% del PIB en 2009, año de la crisis.³
- Aumento de la deuda soberana. El parcheo de los agujeros en el presupuesto se realizaba colocando obligaciones de deuda pública, por lo cual en los años de la crisis la deuda crecía como una bola de nieve, llegando a superar en 2010 los 160 mil millones de euros o el 93% del PIB. En consecuencia, creció también el volumen de pagos del servicio de la deuda. Pero esto no es todo. Teniendo en cuenta los bonos corporativos y la deuda del sector privado, la deuda

1 "Relatório do Conselho de Administração. Relatório e contas 2010," Banco de Portugal, accessed January 11, 2021, https://www.bportugal.pt/sites/default/files/anexos/pdf-boletim/ra_10_p.pdf. P. 226.

2 Monteiro 2010, 104.

3 "Relatório do Conselho de Administração. Relatório e contas 2010," Banco de Portugal, accessed January 11, 2021, https://www.bportugal.pt/sites/default/files/anexos/pdf-boletim/ra_10_p.pdf. P. 244.

acumulada de Portugal alcanzó en 2009 una cifra astronómica del 236% del PIB, por encima incluso del indicador de Grecia (195%), convertida en el principal “dolor de cabeza” de la Unión Europea.

Todo lo dicho anteriormente se ha vuelto crítico en medio de la crisis y, como destacó el conocido experto Abel Mateus, puso a la economía portuguesa “al borde de la bancarrota.”¹ Portugal se convirtió en un foco de inestabilidad de la eurozona, otro “enfermo de Europa,” y se unió al llamado grupo *PIIGS* (por sus siglas en inglés) refiriéndose a Portugal, Irlanda, Italia, Grecia y España, cuya creciente deuda soberana y corporativa los convirtió en protagonistas de los dramáticos acontecimientos que se desarrollaron en el espacio económico y sociopolítico europeo en el cruce de la primera y la segunda décadas del siglo XXI.

Igual que en otros países *PIIGS*, durante las vicisitudes de la crisis se desplomó el PIB portugués, sobre todo se redujo el volumen de la construcción que dejó de ser el motor del crecimiento económico, se contrajo el consumo privado y público. En 2009, disminuyó sustancialmente (en un 19%) la exportación de bienes, cayeron en picada las inversiones industriales públicas y privadas, empezó un aumento exponencial del desempleo. La desaceleración de la actividad empresarial acarreó una disminución de los ingresos fiscales en el tesoro público, lo que provocó un gran déficit presupuestario y un aumento sin precedentes de la deuda pública haciendo que el servicio de la deuda resultara muy costoso (véase el Cuadro 3). La peculiaridad de la situación portuguesa fue que *los fenómenos de la crisis se prolongaron durante seis largos años* (hasta 2013 inclusive).

→ Cuadro 3

Dinámica de indicadores macroeconómicos de Portugal en los años de la crisis (cambio, %)

Indicador	2008	2009	2010	2011	2012	2013
PIB (miles de millones de euros)	172,0	168,5	172,9	171,1	165,1	165,9
PIB	1,6	-2,0	2,6	-1,0	-3,5	0,5
Industria	-1,4	-8,0	7,9	1,6	-1,2	-0,6
Agricultura	0,1	-3,0	1,7	-5,6	2,1	5,0
Construcción	1,8	-8,5	-5,0	-7,8	-16,1	-14,6
Consumo privado	-1,8	-2,3	2,1	-3,6	-5,5	-1,2
Consumo público	0,8	4,7	0,9	-3,8	-3,3	-0,5
Inversión (% del PIB)	19,6	17,0	15,7	18,6	15,7	14,6
Resultado presupuestario (% del PIB)	-3,6	-10,1	-9,8	-4,3	-6,4	-4,9
Nivel de desempleo (%)	7,6	9,4	10,8	12,9	15,8	16,4
Deuda pública (% del PIB)	71,7	83,7	94,0	111,4	126,2	129,0
Exportaciones de bienes (miles de millones de euros)	39,1	31,7	37,2	42,8	45,2	47,3
Importaciones de bienes (miles de millones de euros)	62,4	51,5	58,5	59,5	56,4	57,0
Saldo comercial (miles de millones de euros)	-23,3	-19,8	-21,3	-16,7	-11,2	-9,7

Fuente: Elaborado por el autor a partir de datos de la estadística portuguesa e internacional.

El punto neurálgico fue la colocación de nuevas obligaciones de deuda en los mercados financieros. De hecho, Portugal estaba atrapado en una especie de

1 Mateus 2013, 601.

círculo vicioso: una ingente deuda pública y el déficit presupuestario requerían nuevas inyecciones financieras, y obtenerlas suponía aumentar aún más la carga de la deuda en la economía. En aquella situación, no quedaba más remedio que recurrir a la ayuda internacional. Formalmente, los socios de Lisboa en las negociaciones fueron la Comisión Europea, el Fondo Monetario Internacional y el Banco Central Europeo, llamados Troika por la prensa, de hecho, la solución elaborada por los expertos fue aprobada por los líderes de la Unión Europea, Francia y Alemania, en calidad de instancia superior. Teniendo en cuenta la situación crítica de las finanzas portuguesas y la disposición de las autoridades del país a acatar las exigencias de la UE, las partes llegaron a un entendimiento con relativa rapidez.

En virtud de los términos alcanzados con la Troika entre 2011 y 2014 Portugal recibía en forma de préstamos un total de 78 mil millones de euros. Entre ellos, los 52 mil millones de euros de las estructuras financieras de la Unión Europea (26 mil millones del *European Financial Stability Mechanism* y el mismo monto de la *European Financial Stability Facility*), y los 26 mil millones del Fondo Monetario Internacional. La provisión de estos recursos implicaba tomar medidas anticrisis y reformas estructurales para recuperar el crecimiento económico. Era necesario impulsar la creación de empleo, aumentar la competitividad, reducir la deuda pública y asegurar la consolidación presupuestaria: elevar los ingresos, reducir los gastos y reducir así el déficit presupuestario (aprender a vivir en régimen de *ascetismo presupuestario*).¹

Así, Portugal no fue capaz de superar la crisis por su cuenta y se vio obligado a recurrir a la ayuda internacional, cuyo precio fueron las medidas anticrisis, como la política de austeridad e implementación de reformas estructurales bastante dolorosas para la población. Entre ellas, la liberalización del mercado laboral, limitación de las pensiones, aumento del IVA (del 21 al 23%), disminución del sueldo de los funcionarios, reducción de otros gastos presupuestarios, reorganización financiera de las principales empresas públicas.

Economía al inicio de los cambios

Las medidas de austeridad y las reformas estructurales parciales no permitieron a las autoridades portuguesas detener de inmediato la caída del PIB, ya que la inercia de la crisis resultó ser demasiado fuerte, pero incluso los primeros resultados positivos dieron esperanzas de una salida rápida de la crisis a los representantes del *establishment* político y de los círculos empresariales. Esto le dio motivos al entonces primer ministro, Pedro Passos Coelho, para anunciar en marzo de 2012 una perspectiva inminente de conclusión del programa de ayuda internacional y de inicio del período "*Post-Troika*": transición del país hacia una financiación independiente del desarrollo económico.²

En el último trimestre de 2013, la economía portuguesa comenzó a recuperarse y el aumento máximo del PIB (3,5%) fue registrado en 2017. Asimismo, empezaron a mejorar otros indicadores macroeconómicos: se incrementó significativamente el consumo privado y público, empezaron a crecer las inversiones en activos fijos, se redujo a más de la mitad el desempleo, se redujo la deuda pública, disminuyó considerablemente el déficit presupuestario, tras unos años en caída aparecieron datos sobre un aumento (aunque inestable) del coste de la mano de obra y de los ingresos reales de la población, el comercio exterior de bienes y servicios se caracterizó por una dinámica positiva bastante alta (véase el Cuadro 4).

1 Yakovleva 2014, 60-61.

2 "Intervenção de Pedro Passos Coelho na Conferência "Portugal Pós-Troika", " Partido Social Democrata, accessed January 11, 2021, <https://www.psd.pt/pt/noticias/intervencao-de-pedro-passos-coelho-na-conferencia-portugal-pos-troika>.

→ Cuadro 4

Dinámica de indicadores macroeconómicos de Portugal (cambio, %)

Indicador	2014	2015	2016	2017	2018	2019
PIB	0,9	1,8	2,0	3,5	2,6	2,2
Consumo privado	2,2	2,3	2,6	2,1	2,9	2,2
Consumo público	-0,5	1,3	0,8	0,2	0,9	1,1
Inversión bruta	2,8	5,8	2,5	11,5	5,8	6,3
Desempleo (%)	14,1	12,6	11,2	9,0	7,1	6,5
Inflación (% anual)	1,7	0,5	0,6	1,6	1,2	0,3
Coste laboral	-1,8	-2,0	-0,9	0,6	0,6	-0,4
Deuda pública (% del PIB)	130,2	128,8	131,5	126,1	122,0	117,7
Exportaciones de bienes y servicios	6,5	6,1	4,4	8,4	4,5	3,7
Importaciones de bienes y servicios	6,8	8,5	5,0	8,1	5,7	5,2
Cuenta de operaciones corrientes (% del PIB)	0,0	-0,9	0,6	1,0	0,2	0,0
Resultado presupuestario (% del PIB)	-7,2	-4,4	-1,9	-3,0	-0,4	+0,2

Fuente: “European Economic Forecast: Spring 2020,” European Commission Directorate-General for Economic and Financial Affairs. Luxembourg: Publications Office of the European Union, accessed January 11, 2021, https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/economy-finance/ip125_en.pdf. P. 91. (2019 – estimación).

Uno de los propulsores de la salida de la crisis en Portugal fue la industria de transformación. En la etapa de neutralización de los efectos de la crisis, se apostó por incentivar la actividad empresarial y la interacción productiva en los sectores de mediana y alta tecnología. Como resultado, en el periodo de poscrisis en el país se formaron varios clústeres competitivos, a saber: automotriz (con base en la empresa *Autoeuropa*), de aviación (liderado por la empresa OGMA), químico y petroquímico, de telecomunicaciones, de información, farmacéutico, biotecnológico, de energías renovables.¹

A finales de enero de 2017, el primer ministro de Portugal, António Costa, anunció la estrategia público-privada para el *desarrollo integral de la industria 4.0 en el país*. Según el concepto de las autoridades, el programa de acción de cuatro años, valorado en 4,5 mil millones de euros, asegurará la implementación de 60 actividades que crearán estímulos adicionales para 50 mil empresas de alta tecnología. El programa, que se desarrolló durante 10 meses por un nutrido grupo de especialistas, con la participación de grandes corporaciones, incluidas las filiales portuguesas de empresas transnacionales, como numerosas pymes locales.²

En cooperación con la Comisión Europea, Portugal logró atraer importantes inversiones nacionales y extranjeras en las industrias de *High Tech*: solo en 2017, su volumen creció un 673%. Literalmente ante nuestros ojos, la capital lusitana empezó a convertirse en un *hub* de alta tecnología, haciéndose con la organización de las conferencias anuales *Web Summit*, los principales foros de tecnologías de la información que anteriormente se celebraban en Dublín.³ En 2018, la empresa *Google* abrió un nuevo *Tech Center* en Lisboa, la corporación *Cisco* junto con el Gobierno de Portugal lanzó un programa nacional de digitalización, y la empresa *OutSystems* creó su *Center of Excellence* (centro de excelencia) para expandir la producción de software en el país.

1 Yakovleva 2017, 22–23.

2 “Governo lança estratégia para a Indústria 4.0,” Governo da República Portuguesa, January 30, 2017, <https://www.portugal.gov.pt/pt/gc21/comunicacao/noticia?i=20170130-mecon-industria-4>.

3 “Web Summit. Where the tech world meets,” accessed January 11, 2021, <https://websummit.com/>.

Por lo tanto, los cambios positivos cuantitativos que se perfilan en la economía de Portugal se han venido complementando con importantes cambios cualitativos, el principal de los cuales es el rumbo estratégico hacia la reindustrialización a base de una nueva plataforma científico–tecnológica.

El país se pone de moda y se enfrenta a una nueva crisis

Los éxitos tangibles de Portugal en la estabilización de la situación económica y el desarrollo de industrias de alta tecnología han recibido un reconocimiento internacional: en 2018, la consultora *A.T. Kearney* incluyó por primera vez este país ibérico en la lista de países del *Índice de Confianza de la Inversión*. En este ranking global, Portugal ocupa el puesto 22, por delante de países tan desarrollados como Austria y Noruega.¹

“Portugal está de moda. Durante los últimos tiempos el país vecino (de España – *N. del A.*) ha dejado de ser visto como el «hermano pobre» de Europa, sumido en la crisis, y cada vez más son quienes lo señalan como un sitio moderno y sofisticado”, destacó uno de los principales periódicos españoles, *El Mundo*.²

Un rasgo característico del desarrollo económico de Portugal después de la crisis es el papel creciente de la exportación de bienes y servicios, el aumento de su participación en el PIB, la intensificación de los vínculos económicos globales. Se puede afirmar que las exportaciones fueron la vacuna que ayudó a la economía portuguesa a superar los momentos más difíciles de la crisis, compensar las caídas de la demanda de consumo interno, mantener el nivel de producción y asegurar una rentabilidad empresarial aceptable.

Los datos ponen de manifiesto que entre 2009 y 2018 el volumen de negocios del comercio exterior (bienes y servicios) aumentó un 73%, pasando de 109,3 a 189,2 mil millones de euros, con unas exportaciones que casi se duplicaron, mientras que las importaciones tan solo crecieron un 53%. Gracias a ello, por primera vez en muchos años, Portugal cerró el ejercicio con un saldo positivo, aunque pequeño (véase el Cuadro 5).

→ Cuadro 5

Comercio exterior de Portugal (miles de millones de euros)

Indicador	2009			2018		
	Exportaciones	Importaciones	Saldo	Exportaciones	Importaciones	Saldo
Bienes	31,7	51,5	-19,8	57,8	75,4	-13,9
Servicios	16,2	9,9	+6,3	37,7	18,3	+15,9
Total	47,9	61,4	-13,5	95,5	93,7	+1,8

Fuente: “List of products commercialized by Portugal,” ITC (International Trade Centre), accessed January 11, 2021, https://www.trademap.org/Product_SelCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c620%7c%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c3%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1; “List of services commercialized by Portugal,” ITC (International Trade Centre), accessed January 11, 2021, https://www.trademap.org/Product_SelCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c620%7c%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c3%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1.

En 2019, la exportación de bienes y servicios continuó y, según estimaciones disponibles de algunos expertos iba a ser en torno al 50% del PIB en 2021 (en 2008, este

1 “Investing in a Localized World. The 2018 A.T. Kearney Foreign Direct Investment Confidence Index,” ATKearney: Global Business Policy Council, accessed January 11, 2021, http://www.iberglobal.com/files/2018/atkearney_fdi_2018.pdf. P. 3.

2 Aitor Hernández-Morales, “¿Ha hecho un milagro Portugal en su economía? No hay milagros sin sacrificios,” *El Mundo*, December 24, 2017, <https://www.elmundo.es/economia/2017/12/24/5a3d4e8d268e3e83748b461e.html>.

indicador fue de un 28%).¹ Un aumento significativo de las exportaciones fue posible debido a la combinación de tres factores clave: 1) Reequipamiento tecnológico de la mayoría de las empresas nacionales; 2) Aumento de la competitividad de precios de los productos portugueses como resultado de la moderación salarial en los años de la crisis y de la recesión; 3) Acciones estimulantes activas del gobierno en el ámbito internacional, destinadas a ampliar el círculo de socios económicos extranjeros. Solo en 2016–2018, las autoridades consiguieron acuerdos comerciales con 53 países más allá de la Unión Europea, consiguiendo nuevos mercados para 200 productos industriales y agrícolas de Portugal. En 2019, este trabajo continuó con decenas de estados en todos los continentes.²

Estructuralmente, el primer lugar en las exportaciones de mercancías portuguesas lo ocupan los productos de la industria automotriz, que tienen demanda en los mercados internacionales (7,9 mil millones de euros o el 13,7% de exportaciones totales en 2018). Un dato ilustrativo es que el 98% de los coches producidos en la UE utilizan componentes fabricados en Portugal. Gracias a una alta demanda, el volumen de suministro al exterior de automóviles y de repuestos creció más de un 60% entre 2014 y 2018, y en 2019 continuó creciendo y superó la marca de 9 mil millones de euros. La segunda posición en el ranking de las exportaciones pertenece a la maquinaria y equipos eléctricos (4,7 mil millones de euros en 2018); la tercera está ocupada por los productos derivados del petróleo (4,1 mil millones de euros); la cuarta corresponde a los equipos industriales (3,6 mil millones) y la quinta, a los plásticos y productos plásticos (3 mil millones).³

Durante el período posterior a la crisis, recibió un “segundo impulso” la industria del turismo, un sector tradicional para Portugal que cuenta con unas 100 mil empresas.⁴ Entre 2009 y 2019, los ingresos del turismo extranjero receptor aumentaron 2,7 veces, pasando de 6,9 a 18,4 mil millones de euros, un récord histórico nacional absoluto, lo que en gran medida ha sido resultado de una política deliberada de las autoridades que fomentan la afluencia de visitantes extranjeros.⁵ Tan solo entre 2016 y 2018, Lisboa abrió 185 rutas aéreas comerciales, en particular a China, lo que incrementó en un 80% el flujo de turistas procedentes de este país.⁶ Los logros alcanzados en el perímetro exterior indican que Portugal ha logrado adaptarse a las reglas del juego existentes, beneficiándose del orden económico y comercial internacional existente. Por lo tanto, para Portugal ha sido una sorpresa desagradable el curso económico exterior proteccionista de Donald Trump (“*trumponomía*”), encaminado a reformatear el sistema global de vínculos económicos.⁷ Según valoraciones de los círculos empresariales portugueses, la política de la Casa Blanca podría causar un daño irreparable a la economía y el comercio mundial, y complicar significativamente la exportación de productos portugueses al mercado estadounidense.⁸

- 1 “Exportações valem cerca de 44% do PIB em 2018,” *Observador*, February 4, 2019, <https://observador.pt/2019/02/04/exportacoes-valem-cerca-de-44-do-pib-em-2018/>.
- 2 “Governo abriu 53 mercados fora da UE e exporta cerca de 200 produtos,” *Jornal Económico*, January 30, 2019, <https://jornaleconomico.sapo.pt/noticias/governo-abriu-53-mercados-fora-da-ue-e-exporta-cerca-de-200-produtos-404903>.
- 3 “List of products commercialized by Portugal,” ITC (International Trade Centre), accessed January 11, 2021, https://www.trademap.org/Product_SelCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c620%7c%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c3%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1.
- 4 Yakovleva 2015, 177–188.
- 5 “Turismo en números. Portugal. Dezembro 2019,” TravelBI, accessed January 11, 2021, <https://travelbi.turismodeportugal.pt/pt-pt/Documents/Turismo%20em%20Portugal/turismo-em-numeros-dezembro-2019.pdf>.
- 6 Ver: “Receitas turísticas com novo recorde em 2018,” Governo da República Portuguesa, February 20, 2019, <https://www.portugal.gov.pt/pt/gc21/comunicacao/comunicado?i=receitas-turísticas-com-novo-recorde-em-2018>.
- 7 Yakovlev 2017, 91–100.
- 8 Nuno Aguiar, “Fé na “Trumponomics” começa a esmorecer,” *Negócios*, July 30, 2017, <https://www.jornaldenegocios.pt/economia/mundo/americas/detalhe/fe-na-trumponomics-comeca-a-esmorecer>.

Pero un golpe realmente aplastante para la economía portuguesa ha sido la “coronacrisis” que estalló en la primavera de 2020. Lo han señalado en particular los expertos de la Unión Europea en la previsión del desarrollo económico de los países europeos en los próximos años (véase el Cuadro 6).

→ Cuadro 6

Dinámica de los indicadores macroeconómicos de Portugal (cambio, %)

Indicador	2017	2018	2019	2020	2021
PIB	3,5	2,6	2,2	-6,8	5,8
Consumo privado	2,1	2,9	2,2	-5,8	5,3
Consumo público	0,2	0,9	1,1	2,4	-1,5
Inversión bruta	11,5	5,8	6,3	-8,6	8,9
Inversión en equipos	12,4	7,5	2,4	-26,9	26,2
Desempleo (%)	9,0	7,1	6,5	9,7	7,4
Inflación (% anual)	1,6	1,2	0,3	-0,2	1,2
Coste laboral	0,6	0,6	-0,4	2,5	-2,7
Deuda pública (% del PIB)	126,1	122,0	117,7	131,6	124,4
Exportaciones de bienes y servicios	8,4	4,5	3,7	-14,1	13,2
Importaciones de bienes y servicios	8,1	5,7	5,2	-10,3	10,3
Cuenta de operaciones corrientes (% del PIB)	1,0	0,2	0,0	-0,6	-0,2
Resultado presupuestario (% del PIB)	-3,0	-0,4	+0,2	-6,5	-1,8

Fuente: “European Economic Forecast: Spring 2020,” European Commission Directorate-General for Economic and Financial Affairs. Luxembourg: Publications Office of the European Union, accessed January 11, 2021, https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/economy-finance/ip125_en.pdf. P. 91. (Estimación del año 2019 y previsión de los años 2020 y 2021).

Incluso teniendo en cuenta la gran cautela de los analistas internacionales al evaluar los efectos de la “coronacrisis”, los datos del año 2020 presentados en el cuadro, en comparación con los indicadores de los tres años anteriores, pintan un panorama alarmante. En particular, se esperaba una caída del PIB de Portugal de casi un 7% (más que en 2009, año de la crisis), una reducción significativa del consumo privado, una fuerte disminución (14%) de las exportaciones, una caída en picada de las inversiones en equipos industriales. Al mismo tiempo, se pronosticaba un aumento tangible del déficit presupuestario, de la deuda pública, del desempleo, así como un deterioro notable de otros indicadores macroeconómicos. Sin embargo, según la mayoría de los expertos, la economía de Portugal (igual que las de muchos países del mundo) podría volver a la trayectoria de crecimiento en 2021 gracias tanto a los esfuerzos anticrisis internos como a un amplio programa de estimulación económica sin precedentes adoptado por los organismos de la Unión Europea.¹

En nuestra opinión, el cierto optimismo de la comunidad de expertos y del *establishment* político portugués (con todos los temores comprensibles sobre las consecuencias negativas que conlleva la pandemia de la COVID-19) se basa en la hipótesis de que la “coronacrisis” consolidará finalmente las tendencias positivas que ya han empezado a gestarse en Portugal. Entre ellas, la reindustrialización de la economía, la innovación y la digitalización de los procesos de producción, el aumento del papel de los sectores de alta tecnología, el crecimiento del capital humano, una transición más decidida hacia la organización de gestión en la red y otras formas de gestión modernas. Como señaló el ministro de Asuntos Exteriores, Augusto Santos Silva, la estrategia gubernamental para

1 “Jobs and economy during the coronavirus pandemic,” European Commission, accessed January 11, 2021, https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/health/coronavirus-response/jobs-and-economy-during-coronavirus-pandemic_en.

superar la crisis provocada por la pandemia de la COVID–19 apunta a fortalecer el país y convertir a Portugal en un “potente clúster de la industrialización europea.”¹

En otras palabras, la sociedad portuguesa, incluso atravesando las difíciles condiciones de esta crisis, no pierde la esperanza de reiniciar su modelo de crecimiento ajustando y precisando la fórmula del éxito económico nacional alcanzado a la luz de las lecciones de las nuevas conmociones globales.

→ Referencias / References

Иберийские страны: трудный старт в XXI век / отв. ред. Н.М. Яковлева – М.: ИЛА РАН, 2012. – 216 с. [Yakovleva, N.M., ed. *Iberiiskie strany: trudnyi start v XXI vek* [Iberian countries: a difficult start into the 21st century]. Moscow: ILA RAS, 2012.] [In Russian]

Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций / отв. ред. Н.М. Яковлева – М.: ИЛА РАН, 2017. – 307 с. [Yakovleva, N.M., ed. *Ispaniya i Portugaliya v ehpokhu global'nykh transformatsii* [Spain and Portugal in an era of global transformation]. Moscow, ILA RAS, 2017.] [In Russian].

Португалия: эпоха перемен / отв. ред. Н.М. Яковлева – М.: ИЛА РАН, 2014. – 234 с. [Yakovleva, N.M., ed. *Portugaliya: ehpokha peremen* [Portugal: the era of change]. Moscow: ILA RAS, 2014.] [In Russian]

Яковлев, П.П. «Эффект Трампа» или конец глобализации? – Москва: РУСАЙНС, 2017. – 144 с. [Yakovlev, P.P. “Ehffekt Trampa” ili konets globalizatsii? [“Trump effect” or the end of globalization?]. Moscow: RuScience, 2017.] [In Russian]

Яковлев, П.П. Стратегические повороты экономической политики Португалии // *Латинская Америка*. – 2014. – №8. – С. 38–52. [Yakovlev, P.P. “Strategicheskie povoroty ehkonomicheskoi politiki Portugalii” [Strategic turns in the economic policy of Portugal]. *Latinskaya Amerika* 8 (2014): 38–52.] [In Russian]

Яковлева, Н.М. Индустрия туризма в преодолении кризисных явлений: опыт Португалии // *Свободная мысль*. – 2015. – №5. – С. 177–188. [Yakovleva, N.M. “Industriya turizma v preodolenii krizisnykh yavlenii: opyt Portugalii” [Tourism industry in overcoming of crisis situation: Experience of Portugal]. *Svobodnaya mysl* 5 (2015): 177–188.] [In Russian]

Яковлева, Н.М. Португалия: история политической модернизации. – М.: ИЛА РАН, 2016 (а). – 206 с. [Yakovleva, N.M. *Portugaliya: istoriya politicheskoi modernizatsii* [Portugal: the history of political modernization]. Moscow: ILA RAS, 2016 (a).] [In Russian]

Яковлева, Н.М. Португалия: кризис постреволюционной модели и поиск нового вектора развития // *Перспективы. Электронный журнал*. – 2016 (b). – №3(7). – С. 35–49. [Yakovleva, N.M. “Portugaliya: krizis postrevolyutsionnoi modeli i poisk novogo vektora razvitiya” [Portugal: the crisis of the post-revolutionary model and the search for a new vector of development]. *Perspectives and prospects. E-journal* 3, no. 7 (2016 (b)): 35–49.] [In Russian]

Яковлева, Н.М., Яковлев, П.П. Португалия: кризис на европейской периферии. – М.: ИЛА РАН, 2011. – 120 с. [Yakovleva, N.M., Yakovlev, P.P. *Portugaliya: krizis na evropeiskoi periferii* [Portugal: crisis on the European periphery]. Moscow: ILA RAS, 2011.] [In Russian]

Amaral, Luciano. *Economia Portuguesa, as últimas décadas* [Portuguese Economy, the last decades]. Lisboa: FFMS, 2010. [In Portuguese]

Mateus, Abel Moreira. *Economia Portuguesa: evolução no contexto internacional (1910–2013)* [The Portuguese economy: developments in the international context (1910–2013)]. Cascais: Princípia, 2013. [In Portuguese]

Medeiros Ferreira, José. *Portugal en transición* [Portugal in transition]. México: Fondo de cultura económica, 2000. [In Spanish]

Monteiro, Luís. *Comparação entre Portugal e 8 economias europeias, Espanha, Irlanda, Bélgica, Holanda, Suécia, Finlândia, República Checa, Hungria; mais de 150 indicadores económicos* [Comparison between Portugal and 8 European economies, Spain, Ireland, Belgium, Netherlands, Sweden, Finland, Czech Republic, Hungary; over 150 economic indicators]. Lisboa: Editora Deplano Network, 2010. [In Portuguese]

Growth formula: economy of Portugal after the "Carnation Revolution"

P.P. Yakovlev

→ Abstract

This article provides an overview of the Portuguese economy in the last quarter of the 20th and early 21st centuries. Assessing several key indicators of economic development within a historical perspective, the author highlights the most important factors that set the dynamics of national socio-economic growth. For more than four decades, since the "Carnation Revolution" (April 25, 1974), the Portuguese Republic has undergone profound changes in the economy and the socio-political sphere. In the country, there are new, as well as modernized traditional industries, a modern structure of production and consumption; GDP has increased six times, exports of goods and services have grown dramatically. In general, Portugal organically blended in the world economic system, took its rightful place in the global division of labor. One should take into account the effects of the global crisis of 2008-2009, when the Portuguese economy found itself in the epicenter of the "perfect storm" (pairing internal and external negative factors) and was pushed back in practically all key macroeconomic indicators. Despite such a system failure, in the second half of the 2010s, Portugal managed to cope with the peak of the crisis, overcame the general effects of the recession and began to show some of the highest rates of economic growth among the states of the euro zone. However, preservation of the positive economic dynamics is currently threatened by external challenges that require timely and effective response. Such challenges of global nature include the COVID-19 pandemic, the economic impact of which appeared to be a real shock for Portugal, as well as for many other countries in the world.

→ Keywords

Portugal, post-revolution development, economic modernization, effects of global crisis, recovery from recession, foreign trade, problems and challenges, consequences of COVID-19

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-74-88>

Research article

Petr Pavlovich Yakovlev, PhD (Economics), Chief of the Center of Iberian Studies, Institute of Latin America, Russian Academy of Science; professor of the Department of International Business and Customs, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow (Russia)

E-mail:
petrp.yakovlev@yandex.ru

For correspondence: 115035, Russia, Moscow, Bolshaya Ordynka St., 21/16

For citation: Yakovlev, Petr Pavlovich. "Fórmula de crecimiento: la economía portuguesa después de la Revolución de los Claveles" [Growth formula: the Portuguese economy after the "Carnation Revolution"]. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 3 (2020): 74-88. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-74-88>. [In Spanish]

Received: 13.12.2020

Accepted: 15.01.2021

Формула роста: экономика Португалии после «Революции гвоздик»

П.П. Яковлев

→ Аннотация

В статье представлен обзор португальской экономики в последней четверти XX и начале XXI в. Оценивая несколько ключевых показателей хозяйственного развития в исторической перспективе, автор выделяет наиболее важные факторы, задающие динамику национального социально-экономического роста. За четыре с лишним десятилетия, прошедших с момента «Революции гвоздик» (25 апреля 1974 г.), в Португальской Республике произошли глубокие изменения в экономике и социально-политической сфере. В стране возникли новые и модернизировались традиционные отрасли хозяйства, сложилась современная структура производства и потребления, шестикратно увеличился объем ВВП, резко вырос экспорт товаров и услуг. Португалия в целом органично вписалась в систему мирохозяйственных связей, заняла достойное место в глобальном разделении труда. При этом следует учитывать эффект мирового кризиса 2008–2009 гг., когда португальская экономика оказалась в эпицентре «идеального шторма» (сопряжения внутренних и внешних негативных факторов) и была отброшена назад практически по всем ключевым макроэкономическим показателям. Несмотря на такой системный сбой, во второй половине 2010-х годов Португалия вышла из кризисного пике, в основном преодолела последствия рецессии и продемонстрировала одни из самых высоких темпов экономического роста среди государств зоны евро. Тем не менее сохранению положительной хозяйственной динамики угрожают внешние вызовы, требующие своевременного и эффективного ответа. Эти вызовы глобального масштаба включают пандемию COVID-19, экономические последствия которой явились настоящим шоком для Португалии, как и для многих других государств мира.

→ Ключевые слова

Португалия, постреволюционное развитие, экономическая модернизация, эффекты мирового кризиса, выход из рецессии, внешняя торговля, проблемы и вызовы, эффект коронавируса

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциально-го конфликта интересов.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-74-88>

Исследовательская статья

Петр Павлович Яковлев, доктор экономических наук, руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки РАН, профессор кафедры международного бизнеса и таможенного дела Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Москва (Россия)

E-mail:
petrp.yakovlev@yandex.ru

Для корреспонденции: 115035, Россия, Москва, ул. Большая Ордынка, 21/16

For citation: Yakovlev, Petr Pavlovich. "Fórmula de crecimiento: la economía portuguesa después de la Revolución de los Claveles" [Growth formula: the Portuguese economy after the "Carnation Revolution"]. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 3 (2020): 74–88. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-74-88>. [In Spanish]

Статья поступила в редакцию: 13.12.2020

Принята к публикации: 15.01.2021

Португалия в XXI веке • Portugal en el siglo XXI

Португалия в преддверии президентских выборов

Н.М. Яковлева

→ Аннотация

В 2015 г. Португалия вступила в новый политический цикл, главными акторами в котором выступили партии левого спектра под эгидой Социалистической партии и ее лидера Антониу Кошты, занявшего пост премьер-министра. В статье проанализированы результаты деятельности правительства социалистов, осуществлявшейся при парламентской поддержке левых сил. Рассмотрен электоральный процесс 2017–2019 гг., показана динамика укрепления позиций Соцпартии от выборов к выборам, подчеркнута значимость результатов выборов в национальные органы власти. Даны характеристика траектории членства страны в Евросоюзе и история результатов выборов в Европейский парламент, включая выборы 2019 г., проанализированы позиции основных политических партий. В связи с форс-мажорными обстоятельствами, возникшими из-за пандемии COVID-19, проанализирована ситуация в системе здравоохранения и представлена программа властей по предотвращению распространения коронавируса. Определенное внимание уделено экономическим последствиям пандемии, особенно для тех отраслей, которые страдают в наибольшей степени, в частности туризм. Статья содержит краткий прогноз расстановки политических сил в канун проведения президентских выборов 2021 г. Ключевым является утверждение, что пандемия может внести коррективы в имидж и рейтинги лидеров страны и других участников предвыборной гонки, хотя результаты президентских выборов в случае, если действующий глава государства баллотируется на второй срок, обычно бывают предreshены, что показано в кратком историческом обзоре, предвещающем статью.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-89-100>

Исследовательская статья

Наиля Магитовна Яковлева,
к.ист.н., ведущий научный
сотрудник Центра
политических исследований
Института Латинской Америки
РАН, Москва (Россия)

E-mail:

nel-yakovleva@yandex.ru

Для корреспонденции: 115035,
Россия, Москва, ул. Б. Ордынка,
21/16

Для цитирования:

Яковлева Н.М. Португалия в
преддверии президентских
выборов. *Иberoамериканские
тетради*. 2020, 8(3): 89–100.
<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-89-100>.

Статья поступила в редакцию:
01.12.2020

Принята к публикации:
30.12.2020

→ Ключевые слова

Португалия, электоральный процесс, Социалистическая партия, пандемия, расклад сил, президентские выборы

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциально-го конфликта интересов.

В январе 2021 г. Португалия узнает имя нового президента. Действующая Конституция гласит, что президент является главой государства и избирается прямым всеобщим голосованием на пять лет с правом переизбрания на второй срок. Для избрания претендент должен набрать более половины голосов избирателей, в противном случае назначается второй тур. С начала установления в 1974 г. «Третьей республики» президентские выборы состоялись девять раз – в 1976, 1980, 1986, 1991, 1996, 2001, 2006, 2011 и 2016 гг. Как правило, они проходят в январе, и только дважды – в 1976 и 1980 гг. – проводились в июне и декабре соответственно. При этом лишь однажды (в 1986 г.) понадобилось проведение второго тура. Главной особенностью этого процесса является то, что действующий президент всегда избирался повторно. Таким образом, всего пять политиков удостоились чести занимать высший государственный пост. Среди них был один военный – генерал Антониу Рамалью Эанеш (1976–1986 гг.) и четверо гражданских¹. Два из них – Мариу Суареш (1986–1996 гг.) и Жорже Сампайю (1996–2006 гг.) состояли до избрания в Социалистической партии. В 2006 г. политический вектор сменился, и удача сопутствовала извечным соперникам социалистов². Два последних мандата достались представителям Социал-демократической партии – Анибалу Каваку Силве (2006–2016 гг.) и Марселу Ребеду де Соузе (с 2016 гг.). Если по сложившейся традиции действующий президент, один из самых популярных политиков страны, воспользуется своим правом выдвижения на второй срок, то он станет наиболее вероятным победителем январских выборов.

Между тем, в Португалии вызревает своеобразная политическая коллизия, связанная с ростом популярности социалистов и их амбициозного лидера, премьер-министра Антониу Кошты. Социалистическая партия, можно сказать «случайно» пришедшая к власти в 2015 г., успешно прошла через все электоральные перипетии 2017–2019 гг., постепенно консолидировалась в качестве основной политической силы, успешно прошла испытание пандемией и может бросить вызов кандидатам на высший пост в январе 2021 г.

Непредвиденный альянс левых партий

Для электоральной истории постреволюционного периода было характерно соперничество Социалистической партии, позиционировавшей себя как левый центр, и правоцентристской Социал-демократической партии. Оно придавало устойчивость партийной системе – весьма значимому элементу всей демократической конструкции. Однако в 2015 г. привычный ход вещей был нарушен. Неожиданный «сговор» социалистов с левыми партиями – Левым блоком и коммунистами, беспрецедентный в постреволюционной истории Португалии, позволил им сформировать правительство меньшинства. Пост премьер-министра, не подтвержденный электоральной победой, занял новый лидер социалистов А. Кошта. Заключенные с блоксистами и коммунистами соглашения предусматривали оказание ими парламентской поддержки новому Кабинету министров и его главе³. Таким образом, в стране изменилась привычная расстановка сил, и в политическом пространстве впервые в постреволюционной истории стали доминировать партии левого спектра. Многие сомневались в том, что альянсу левых (названному пренебрежительно «geringonça»⁴) удастся укрепиться у власти и добиться значимых успехов. Некоторое время складывалось впечатление, что социалисты не справятся с экономическими трудностями, не согласуют или не исполнят госбюджет, не договорятся с Евросоюзом или быстро выйдут из соглашений с левыми силами из-за разногласий по

1 Верников 2014, 78.

2 Яковлева 2016, 171–177.

3 Швейцер, Плевако 2016, 82–87.

4 В переводе с португальского – шаткая импровизированная конструкция.

социально-экономическим вопросам. Однако реальность оказалась несколько иной. Правительству социалистов удалось не только выжить, но и существенно укрепить свое положение. Причины его популярности надо искать в благоприятной экономической конъюнктуре и расширенной социальной повестке. В 2017 г. экономика страны показала признаки подзабытого оживления (рост ВВП составил 3,5%, второй показатель после Ирландии среди стран ЕС-15), увеличился приток иностранных капиталовложений, доходы населения и потребление выросли, главными бенефициарами политики социалистов стали, как и полагается, госслужащие и пенсионеры, которым вернули ранее урезанные или ликвидированные привилегии и социальные выплаты¹.

За последние годы Португалия показала себя с самой выгодной стороны на мировой арене и выступила в качестве островка политической стабильности на фоне серьезных вызовов, с которыми сталкивались другие страны Евросоюза. Маленькую иберийскую страну стали гораздо чаще упоминать в мировых СМИ, участились визиты в страну различных политических деятелей, активизировались двусторонние связи, вырос авторитет на международной арене.

Положительный имидж Португалии отразился на ее привлекательности для международного туризма, и туристическая отрасль вышла на траекторию роста. Экологически чистые пляжи обзавелись сертификатом качества; Лиссабон, Порту, другие города и курорты оказались среди наиболее перспективных направлений. Элитный сегмент туристов с высоким уровнем доходов привлекли высококачественные поля для гольфа и медицинский туризм. Увеличивая каждый год приток иностранцев, Португалия переживала настоящий туристический бум. В 2017 г. страна приняла 24 млн туристов и заняла 17-е место в рейтинге наиболее посещаемых стран Международной туристской организации. В 2018 г. поток туристов возрос до 25 млн, а в 2019 г. был побит рекорд – 27 млн чел.² За пять лет, с 2014 по 2018 г., заметно выросли доходы от туризма, благодаря которым вместе с доходами от экспорта и строительного комплекса страна стала выходить из кризиса.

Достижения альянса левых сил в экономической и социальной областях превратили Португалию из периферийного маргинала, стоявшего на пороге дефолта всего несколько лет назад, в «витрину мирового социализма». «Португальский путь» выхода из тяжелейшего локального кризиса, отягощенного последствиями общемирового 2008–2009 гг., как и практика «невозможных альянсов», стали изучаться в других странах.

Лидер социалистов и результаты выборов 2017 г.

Успешное преодоление социально-экономического и политического тупика, образовавшегося после парламентских выборов 2015 г., связывают с именем премьер-министра. Член Соцпартии с 14 лет и ее нынешний лидер, А. Кошта поработал в разные годы на министерских должностях, избирался депутатом Европарламента и мэром Лиссабона и всегда пользовался авторитетом и популярностью. Позиции премьера слегка пошатнулись во время беспрецедентных лесных пожаров, которые охватили север страны осенью 2017 г. и унесли жизни более 100 человек. Тем не менее запас прочности у А. Кошты был достаточен не только для того, чтобы сохранить власть, но и помочь своей партии добиться электорального успеха. Консолидация Соцпартии в качестве главной политической силы страны была завершена в результате выборов 2017 г.³

1 Яковлев 2017, 24–31.

2 "Portugal registrou 27 milhões de turistas em 2019," *Hosteltur*, February 15, 2020, https://www.hosteltur.com/134591_portugal-registro-27-millones-de-turistas-en-2019.html.

3 Швейцер 2018, 76–78.

Выборные органы местного самоуправления на территории континентальной Португалии и автономных регионов Мадейры и Азорских островов – муниципальные советы и приходы. Депутатский корпус избирают сроком на 4 года. Численный состав органов местного самоуправления варьируется в зависимости от численности населения территориальной единицы. Выборы в местные органы самоуправления – в 308 муниципальных советов и 3092 прихода, – состоявшиеся в октябре 2017 г., наглядно продемонстрировали расстановку политических сил (см. Таблицу 1).

→ Таблица 1

Результаты выборов в местные органы власти (1 октября 2017 г.)

Партия / блок	Муниципалитеты		Муниципальные ассамблеи		Приходы	
	% голосов	мандаты	% голосов	мандаты	% голосов	мандаты
Социалистическая партия	37,82	952	36,42	2731	36,25	10623
Социал-демократическая партия	16,07	493	15,83	1491	15,66	6634
Унитарная демократическая коалиция*	9,45	171	10,05	619	10,24	1663
Социал-демократическая партия / Народная партия	8,79	169	8,78	539	8,55	2490
Grupo Cidadãos**	6,79	130	6,45	396	9,75	3355
Народная партия	2,59	41	2,68	184	2,37	628
Левый блок	3,29	12	4,18	125	3,28	213
Остальные	15,20	106	15,61	376	13,9	1413
ВСЕГО	100	2074	100	6461	100	27019

Источник: “Resultados,” Eleições, accessed March 3, 2020, <https://www.eleicoes.mai.gov.pt/autarquicas2017/>.

Комментарии:

* В Унитарную демократическую коалицию входят Коммунистическая партия и Партия «зеленых».
** Предвыборный альянс «Группа независимых граждан».

Улучшение материального состояния граждан вместе с политической стабильностью оказали влияние на настроение электората. Массово проголосовав за кандидатов Соцпартии, электорат оказал тем самым поддержку курсу премьер-министра. Даже сообщения в прессе об использовании социалистами административного ресурса существенно не изменили масштабы их успеха. Неудача постигла парламентских союзников А. Кошты – коммунисты утратили руководство в 10 муниципальных советах и 30 приходах, а Левый блок сумел набрать чуть более 3% голосов, несмотря на общенациональную известность благодаря сотрудничеству с Соцпартией. Провал свидетельствовал о приверженности португальцев общеевропейским ценностям и нежелании следовать резким сдвигам, выходящим за рамки сложившихся в последние десятилетия трендов. Выборы 2017 г. показали, что деятельность социалистов вполне предсказуемо оказалась наиболее адекватной настроением португальских избирателей, а либеральный проект социал-демократов не нашел политического спроса. После нескольких лет политики жесткой экономии даже их традиционный электорат проголосовал за партию власти. Позиции Социалистической партии, всего два года назад числившейся в аутсайдерах, консолидировались настолько, что ее следующие электоральные победы перестали вызывать сомнения.

Членство в ЕС и выборы в Европейский парламент

Португалия является полноправным участником процесса европейской интеграции уже более трех десятилетий. В 1977 г. была подана заявка на включение страны в состав Европейского экономического сообщества, 1 января 1986 г. в рамках третьего расширения она стала одиннадцатым членом объединения, в 1999 г. вступила в зону евро, примкнув к Экономическому и валютному союзу. Позитивные последствия присоединения Португалии к объединенной Европе сказались на всех сферах. В политическом плане это стало своего рода страховкой от возврата к авторитарному прошлому и гарантией стабильности демократических процессов. Трудно переоценить результаты модернизации португальской экономики в соответствии с нормами ЕС, активного освоения западноевропейских финансово-экономических и социальных рецептов, интернационализации португальского хозяйства¹.

Особенно заметно изменилась социальная ситуация – нынешняя модель государства всеобщего благоденствия является составной частью Европейской социальной модели. Европейское направление остается главным во внешней политике официального Лиссабона, который занимает позицию еврооптимизма – последовательно выступает за укрепление институтов ЕС, сохранение евро в качестве единой валюты, негативно относится к выходу Великобритании из объединения, высказывает озабоченность в связи с ростом правого и левого популизма и усилением центробежных тенденций².

Разумеется, траектория пребывания Португалии в ЕС не была простой, и отношение португальцев к данному факту не однажды менялось, а в годы экономических кризисов и трудностей ухудшалось под влиянием леворадикальной пропаганды, но в конце концов по этому вопросу был достигнут национальный консенсус. Одним из двух самых значимых событий в истории страны XX века (наряду с революцией 25 апреля 1974 г. – Авт.) А. Каваку Силва не без оснований считает вступление в ЕС. По мнению экс-президента, Португалия показала себя ответственным и активным партнером, оправдала всеобщие ожидания и, преодолев множество трудностей и препятствий, изменилась в экономическом и социальном измерениях, став более развитым, солидарным и креативным государством именно благодаря присоединению к общеевропейскому проекту³.

Португалия принимает активное участие в работе всех структур сообщества. Страна трижды председательствовала в Совете Евросоюза (1996, 2000 и 2007 гг.). Ее представители назначались на высокие посты в различных органах. Так, Жозе Мануэл Дуран Баррозу десять лет занимал пост председателя Европейской комиссии, министр экономики Мариу Сентену стал главой Еврогруппы. Португальцы не могут похвастаться большими должностями в Европейском парламенте (ЕП), но нынешний премьер-министр А. Кошта в середине 2000-х гг. являлся заместителем его председателя.

В начале мая 2019 г. британская газета *Financial Times* дезавуировала его кандидатуру на пост председателя Еврокомиссии, однако португальский премьер эту информацию опроверг⁴. После выборов в ЕП он активно участвовал в неформальных консультациях по кандидатурам на ключевые посты в евроструктурах, лоббируя в условиях «новой парламентской реальности» интересы евросоциалистов⁵.

1 Яковлев 2014, 27–28.

2 "Portugal, la Unión Europea y el euro – Entrevista con João Ferreira (primera parte)," Investig'ation, May 11, 2017, <https://www.investigaction.net/es/portugal-la-union-europea-y-el-euro-entrevista-con-joao-ferreira-primera-parte/>.

3 Cavaco escreve aos líderes da UE: "Estivemos à altura". *Jornal de negócios*. Lisboa. 28.12.2015.

4 Costa diz que não será candidato na "guerra dos tronos da União Europeia". *Expresso*. Lisboa. 09.05.2019.

5 Primeiro-ministro defende que presidente da Comissão Europeia deve ter "sólida experiência executiva". *Observador*. Lisboa. 28.05.2019.

В 2019 г. в Португалии состоялись очередные выборы в Европейский парламент, а также в законодательный орган Португалии – Ассамблею республики; последние должны были определить политическую судьбу премьер-министра А. Кошты и его правительства. Выборы в законодательный орган Евросоюза предшествовали национальным и послужили для властей определенным ориентиром, своеобразным индикатором предпочтений португальского избирателя.

С тех пор как Португалия стала членом ЕС, в стране регулярно проводились выборы в Европарламент. Ответственность за проведение выборов возложена на Национальную избирательную комиссию. Выборы в ЕП могут совпадать по дате с выборами в законодательный орган Португалии, но тогда избирательные бюллетени должны иметь разную окраску. Поскольку распределение мест в ЕП по странам происходит по принципу «дегрессивной пропорциональности», численность депутатов от Португалии менялась. Так, максимальное число мандатов (25) у нее было с 1994 по 2004 г. В последнее десятилетие ее квота уменьшалась – в 2009 г. до 22 мандатов, с 2014 г. – до 21.

По официальным данным, количество португальских избирателей на территории Португалии и за рубежом, имевших право принять участие в общенациональных выборах в ЕП 26 мая 2019 г., составило более 10 млн чел., но к урнам пришло только 3,3 млн избирателей. Соцпартия получила 9 мандатов, социал-демократы – 6 (обе ниже исторических максимумов), остальные 6 разделили другие партии (по 1-2) (см. Таблицу 2).

→ Таблица 2

Результаты выборов в Европарламент 26 мая 2019 г. в Португалии

Партия / блок	Количество проголосовавших, чел.	Количество голосов, %	Количество полученных мандатов
Социалистическая партия	1104694	35,88	9
Социал-демократическая партия	725399	23,56	6
Левый блок	325093	10,56	2
Унитарная демократическая коалиция	228045	7,41	2
Народная партия	204792	6,65	1
PAN*	168015	5,46	1
Остальные	323653	10,48	0
ВСЕГО	3307644 (30,75%)	100,00	21

Источник: “Resolução da Assembleia da República n. 81/2019,” *Diário da República* n. 115/2019: 297, <https://dre.pt/home/-/dre/122606789/details/maximized>.

Комментарий:

* Партия PAN (Pessoas-Animais-Natureza, Люди-Животные-Природа) была создана в 2011 г.

Правоцентристские партии показали наихудший результат за все годы: социал-демократы получили всего 6 мандатов, народники не сумели привлечь достаточное количество голосов, чтобы заручиться хотя бы еще одним мандатом. Однако учитывая далекую от идеальной ситуацию в обеих партиях, отказ их руководства вступать в предвыборные альянсы после фиаско 2015 г. и потерю сторонников, этот результат можно признать хорошим. Левые партии добились неплохих

результатов, но они могли бы быть лучше, если бы их активный электорат, который составляет большинство португальских избирателей, преодолел традиционную раздробленность.

Выборы 26 мая 2019 г. выявили и другие серьезные проблемы. Во-первых, они подтвердили растущий абсентеизм электората. На избирательные участки не явились почти 70% избирателей. Из португальцев, проживающих за пределами страны, в выборах приняло участие менее 1%¹. Среди воздержавшихся – в основном молодежь, не желавшая внимать призывам политиков и скептически воспринимавшая тезис о взаимозависимости собственной судьбы и участия в европейских или любых других выборах. Электоральное равнодушие отражало, по мнению аналитиков, растущую дистанцию между институтами власти и гражданами как на европейском, так и на национальном уровнях². Обратил на себя внимание высокий процент недействительных бюллетеней (почти 7%).

Майские выборы стали первыми общенациональными выборами с момента прихода социалистов к власти и были важны для премьер-министра и правительства как рекогносцировка сил в преддверии октябрьских выборов в национальный парламент. С 9 полученными 26 мая мандатами они превратились в четвертую по численности группу депутатов во фракции Прогрессивный альянс социалистов и демократов (после Испании, Италии и Германии). Такие результаты способствовали активизации деятельности А. Кошты в структурах ЕС, укреплению взаимосвязей страны с некоторыми внешнеполитическими партнерами и, главное, победе Соцпартии на очередных парламентских выборах.

Электоральный успех и укрепление позиций социалистов

6 октября 2019 г. в Португалии состоялись очередные парламентские выборы, сопровождавшиеся неожиданным уровнем интереса у стороннего наблюдателя. Несмотря на определенную спонтанность формирования левого альянса в 2015 г. и пессимизм экспертов относительно сроков его существования, он сумел продержаться всю легислатуру и теперь нуждался в полной легитимизации своего пребывания у руля управления страной.

Прошедшее 6 октября голосование принесло социалистам ожидаемую победу, а премьеру – долгожданный мандат народного доверия. Правда, в этой бочке меда не обошлось без ложки дегтя. Разумеется, А. Кошта желал добиться для своей партии абсолютного большинства в Ассамблее республики (116 мандатов) и избавиться таким образом от «попутчиков», с которыми к концу легислатуры у него накопились разногласия. Но Соцпартия получила на 8 мандатов меньше, чем требовалось, а это означало, что по ключевым вопросам все-таки придется договариваться с депутатами других левых партий (см. Таблицу 3).

1 Paulo Paixão, "Europeias. Abstenção de 99% entre os emigrantes," *Expresso*, May 28, 2019, <https://expresso.pt/europeias-2019/2019-05-28-Europeias.-Abstencao-de-99-entre-os-emigrantes>.

2 Miguel Varela, "Leituras das eleições Europeias," *Jornal de negócios*, May 29, 2019, <https://www.jornaldenegocios.pt/opiniao/colunistas/miguel-varela/detalhe/leituras-das-eleicoes-europeias>.

→ Таблица 3

Результаты выборов в Ассамблею республики 6 октября 2019 г.

Партия / блок	Количество голосов, %	Количество полученных мандатов
Социалистическая партия	36,34	108
Социал-демократическая партия	27,76	79
Левый блок	9,52	19
Унитарная демократическая коалиция	6,33	12
Народная партия	4,22	5
PAN	3,32	4
Остальные	12,51	29
ВСЕГО	100,00	256

Источник: “Mapa Oficial n.º 9-A/2019,” Comissão Nacional de Eleições, accessed March 1, 2020, http://www.cne.pt/sites/default/files/dl/2019ar_mapa_oficial_resultados.pdf.

Большинство, полученное Соцпартией по результатам парламентских выборов, означало гарантию сохранения за А. Коштой должности премьера, которая в иерархии полупрезидентской системы управления имеет преимущество перед президентской¹. К тому времени позиции политика укрепились настолько, что в отличие от 2015 г. он не стал ни с кем подписывать никаких соглашений, будучи уверенным, что найдет поддержку депутатов других фракций парламента по любому обсуждаемому вопросу. Надо признать, что электоральный успех социалистов не снял с правительства, сформированного после выборов А. Коштой, необходимости устранять сохраняющиеся в экономике дисбалансы и решать находящиеся в центре внимания левых партий социальные вопросы. Вступая в должность, А. Кошта учел этот интерес, пообещав повысить минимальную зарплату и придать импульс реформе здравоохранения².

Национальная система здравоохранения и COVID-19

К началу 2020 г. португальское общество достигло высоких результатов во многих сферах социально-экономической жизни. По итогам парламентских выборов 2019 г. окончательно стабилизировалась и политическая ситуация. После подтверждения мандата А. Кошты еще на четыре года законодатели одобрили параметры нового бюджета, и правительство социалистов приступило к реализации первоочередных планов. Особое внимание властей было приковано к реформе здравоохранения, так как именно национальная система здравоохранения (НСЗ) вызывала наибольшие нарекания общества в сравнении с двумя другими опорами португальского государства всеобщего благосостояния – системами образования и пенсионного обеспечения.

Справедливости ради необходимо отметить, что за последние четыре десятилетия в Португалии произошел качественный скачок в медицинском обслуживании. Доступ к бесплатной медицине, гарантированный Конституцией, получили все граждане. НСЗ финансируется из поступлений в государственный бюджет, расходы составляют 9% ВВП; с таким показателем страна занимает 36-е место в мире³. Тем не

1 Яковлева 2016, 124-125.
2 “Primeiro-ministro de Portugal toma posse prometendo aumento do salário mínimo,” *EFE*, October 26, 2019, <https://www.efe.com/efe/brasil/mundo/primeiro-ministro-de-portugal-toma-posse-prometendo-aumento-do-salario-minimo/50000243-4096386>.
3 “Current health expenditure (% of GDP),” The World Bank, accessed April 4, 2020, <https://data.worldbank.org/indicator/SH.XPD.CHEX.GD.ZS>.

менее этих средств недостаточно, поэтому здесь распространено долевое участие пациентов в покрытии расходов. Также развито добровольное страхование, держатели полисов имеют право на налоговый вычет, что способствует росту этого сегмента. Медицинские услуги португальцы получают как в государственных больницах и поликлиниках, так и частных клиниках. Независимо от формы собственности почти все они оборудованы новейшей аппаратурой, отличаются высокой эффективностью лечения и надлежащим качеством ухода.

По оценке ВОЗ, португальские власти приложили немало усилий для улучшения функционирования НСЗ: вводили новые формы государственно-частного партнерства, меняли структуру управления больницами, провели насущную фармацевтическую реформу, реорганизовали первичную медико-санитарную помощь, создали сеть долгосрочного ухода¹. Результатом вышеперечисленных действий стал сравнительно высокий уровень ожидаемой продолжительности жизни португальцев (80,8 лет по данным Национального института статистики)². В рейтинге *Bloomberg Global Health Index*, составленном агентством в 2019 г. и оценивающим уровень здоровья населения, Португалия заняла 22-е место в мире³. Передовыми направлениями национальной медицины являются онкология, офтальмология, ортопедия, эстетическая хирургия. Отличительная черта – высокий уровень подготовки персонала. Например, португальские офтальмологи официально признаны одними из лучших в Европе.

Тем не менее в сложившейся системе оставались нерешенные проблемы, которые активно обсуждались в правительстве. В программе деятельности нынешнего, XXI, Кабинета министров указывалось на приоритет дальнейшего развития этой сферы. Еще в сентябре 2016 г. была создана специальная Комиссия по реформе Национальной системы здравоохранения (НСЗ) «с целью начать всеобъемлющее обсуждение реформы со всеми акторами»⁴. В государственном бюджете на 2020 год был предусмотрен ряд мер, направленных на устранение сохраняющихся в НСЗ недостатков. Среди первоочередных задач – увеличение численности клиник, расширение программ подготовки профессионалов, рост финансирования, реструктуризация расходов и т.д.⁵

Путем реформирования НСЗ власти стремились улучшить оказание первичной медико-санитарной помощи, увеличить финансирование отрасли, найти оптимальный баланс между бесплатной (государственной) и платной (частной) медициной. Тема неоднократно обсуждалась и в парламенте, где столкнулись разные политические силы, предлагавшие свои рецепты реформирования, так что дискуссия затянулась. В разгар этой деятельности на весь мир обрушилась пандемия COVID-19.

1 "Portugal," World Health Organization, Regional Office for Europe, accessed April 29, 2020, <http://www.euro.who.int/en/countries/Portugal>.

2 "Portugal. Esperança de vida aumenta," Serviço Nacional de Saúde, accessed March 15, 2020, <https://www.sns.gov.pt/noticias/2019/09/26/portugal-esperanca-de-vida-aumenta/>.

3 "These Are the World's Healthiest Nations," Bloomberg, accessed March 15, 2020, <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-02-24/spain-tops-italy-as-world-s-healthiest-nation-while-u-s-slips>.

4 "Reforma da Saúde Pública," Serviço Nacional de Saúde, accessed April 26, 2020, <https://www.sns.gov.pt/sns/reforma-da-saude-publica/>.

5 "Saúde," Orçamento do Estado 2020, accessed March 23, 2020, <https://www.oe2020.gov.pt/areas-governativas/saude/>; "Mais investimento," Orçamento do Estado 2020, accessed March 23, 2020, <https://www.oe2020.gov.pt/prioridades-oe-2020/mais-investimento/>.

Борьба с коронавирусом и последствия пандемии

Правительство А. Кошты относительно быстро отреагировало на возникшую угрозу и решительно внедрило действенные меры в борьбе с коронавирусом. 12 марта 2020 г. Кабинет министров выпустил коммюнике о введении на всей национальной территории предварительной стадии режима чрезвычайного положения (*Estado de alerta*). Введенный режим подразумевал реализацию обширной программы для противостояния распространению вируса SARS-CoV-2¹. Это сделали тогда, когда в стране было чуть более ста случаев заражения (первый, так называемый «нулевой пациент» был зафиксирован 2 марта) и ни одной жертвы эпидемии. Принятие своевременных мер было поддержано политиками и обществом. Это не означало отсутствия разногласий между различными партиями и лидерами страны (президентом и премьер-министром). Также нельзя утверждать, что санитарно-эпидемиологическая ситуация была безупречной: на первых порах не хватало тестов, защитных и дезинфицирующих средств. Пришлось пройти экзамен коронавирусом и недореформированной системе здравоохранения.

Тем не менее считается, что действия португальских властей дали хорошие результаты, особенно в сравнении с соседней Испанией и другими европейскими странами. Так, в конце апреля смертность от SARS-CoV-2 составляла здесь 4,13% от числа заболевших (как в Германии) – это меньше, чем в большинстве европейских стран: в Испании эта цифра достигала 11,62%, в Италии – 13,71%, во Франции – 18,9%². Португальцам предлагали поделиться опытом борьбы с коронавирусом. Были и курьезные эпизоды: так, власти штата Манаус (Бразилия) просили А. Кошту оказать им помощь «из-за бездействия федеральных властей»³.

28 апреля 2020 г. президент М. Ребелу де Соуза объявил, что Португалия не вернется к введению чрезвычайных мер, учитывая негативное влияние карантина на экономику, однако премьер-министр был более осторожен в прогнозах, признав, что в случае ухудшения санитарно-эпидемиологической ситуации «придется дать задний ход». Разногласия объяснялись тем, что глава Кабинета министров несет конкретную ответственность за положение дел в стране. С другой стороны, в чрезвычайной ситуации возрастает его политический вес и расширяются полномочия, что делает форс-мажорные условия привлекательными для руководителей. Президент, не вовлеченный в решение практических проблем, может использовать свой моральный авторитет для генерирования позитивной повестки, в том числе и в электоральных целях. 2 мая 2020 г., имея результат в 25 282 зараженных, 1043 умерших и 1689 выздоровевших, Португалия приступила к поэтапной нормализации ситуации⁴.

Понятно, что со временем разного рода уязвимые места и проблемы, выявленные под «лупой пандемии», станут достоянием гласности. Неизбежны поиски «виновных» в допущенных просчетах, т.к. последствия пандемии, по оценкам аналитиков, негативно скажутся на экономике в целом и нанесут заметный урон отдельным отраслям. Предполагается, что Португалия станет одной из трех европейских стран после Италии и

1 "Governo decreta estado de alerta," *Jornal de Negócios*, March 13, 2020, <https://www.jornaldenegocios.pt/economia/saude/detalhe/governo-decreta-estado-de-alerta>.

2 "Tasa de Letalidad. Porcentaje de muertos respecto a contagios confirmados," Infobae, accessed May 3, 2020, <https://www.infobae.com/sociedad/2020/08/05/la-argentina-supero-las-4000-muertes-por-coronavirus-y-acumulo-mas-contagios-que-alemania/>.

3 "Covid-19: Amazonas pede ajuda a António Costa," *Jornal de Negócios*, May 2, 2020, <https://www.jornaldenegocios.pt/economia/coronavirus/detalhe/covid-19-amazonas-pede-ajuda-a-antonio-costa>.

4 "Portugal com 1.043 mortos e 25.282 infectados por Covid-19," *Diário de Notícias*, May 3, 2020, <https://www.dn.pt/2020/5/3/54038-portugal-com-1043-mortos-e-25282-infectados-por-covid-19>.

Испании, которые ждет существенное замедление экономического роста. Особенно серьезные потери понесет международный туризм. По мнению британских экспертов из аналитического центра *Oxfords Economics*, этот источник валютных поступлений сократится на 40%, при том что совокупные доходы отрасли составляют 16,5% ВВП¹. С учетом пережитых шоков правительству предстоит внести определенные коррективы в реформу системы здравоохранения и ускорить ее проведение.

Значимые процессы будут протекать и в политическом пространстве. Испытание, выпавшее на долю страны, заставит общество по-новому оценить истинные позиции, амбиции и претензии всех политических акторов, с которых, по мнению колумниста издания *Observador* Элены Матуш, «спадут маски»². Как и во многих других странах, прояснится общественный запрос на качество лидерства. Португалия в 2020 г. была свободна от электоральных битв, однако результаты борьбы с COVID-19 могут оказать существенное влияние на будущий расклад сил.

Следующий политический и электоральный экзамен страна сдает в январе 2021 г. В ходе предвыборных дебатов действия нынешних властей неизбежно подвергнут критике их политические оппоненты. И хотя результаты президентских выборов в случае, если действующий глава государства баллотируется на второй срок, обычно бывают предreshены, пандемия может внести корректировки в привычный ход вещей.

→ Список литературы / References

Португалия: путь от революции... / отв. ред. В.Л. Верников. – М.: Весь мир, 2014. – 368 с. [Vernikov, V.L., ed. *Portugaliya: put' ot revolyutsii...* [Portugal: a path after the revolution]. Moscow: Ves' mir, 2014.] [In Russian]

Европа 2017: партии, выборы, власть // Доклады Института Европы / отв. ред. В.Я. Швейцер. – М.: Институт Европы РАН, 2018. – 130 с. [Shveitser, V.Ya., ed. *Evropa 2017: partii, vybory, vlast'* [Europe 2017: parties, elections, power]. Moscow: RAS Institute of Europe, 2018.] [In Russian]

Электоральные процессы в Европейском союзе (середина второго десятилетия XXI века) // Доклады Института Европы / под. ред. В.Я. Швейцера, Н.С. Плевако. – М.: Институт Европы РАН, 2016. – 114 с. [Shveitser, V.Ya, and Plevako, N.S., eds. *Elektoral'nye protsessy v Evropeiskom soyuze (seredina vtorogo desyatiletiya XXI veka)* [Electoral Processes in the European Union (The Middle of the XXI Century Second Decade)]. Moscow: RAS Institute of Europe, 2016.] [In Russian]

Яковлев, П.П. Глобальные факторы экономического роста // *Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций* / отв. ред. Н.М. Яковлева. – М.: ИЛА РАН, 2017. – С. 24–31. [Yakovlev, P.P. "Global'nye faktory ekonomicheskogo rosta" [Global drivers of economic growth]. In *Ispaniya i Portugaliya v epokhu global'nykh transformatsii* [Spain and Portugal in an era of global transformation], edited by N.M. Yakovleva, 24–31. Moscow: ILA RAS, 2017.] [In Russian]

Яковлев, П.П. Экономическое развитие: от «Революции гвоздик» до мирового кризиса // *Португалия: эпоха перемен* / отв. ред. Н.М. Яковлева. – М.: ИЛА РАН, 2014. – С. 27–28. [Yakovlev, P.P. "Ekonomicheskoe razvitie: ot "Revolutsii gvozdik" do mirovogo krizisa" [Economic development: from the 'Carnation Revolution' to the global crisis]. In *Portugaliya: epokha peremen* [Portugal: the era of change], edited by N.M. Yakovleva, 27–28. Moscow: ILA RAS, 2014.] [In Russian]

Яковлева, Н.М. *Португалия: история политической модернизации*. – М.: ИЛА РАН, 2016. – 260 с. [Yakovleva, N.M. *Portugaliya: istoriya politicheskoi modernizatsii* [Portugal: the history of political modernization]. Moscow: ILA RAS, 2016.] [In Russian]

1 "Tourism in Portugal expected to fall dramatically," *The Portugal News*, April 30, 2020, <https://www.theportugalnews.com/news/tourism-in-portugal-expected-to-fall-dramatically/53926#:~:text=According%20to%20a%20study%20by,equivalent%20of%20a%2040%20percent.>

2 Helena Matos, "As máscaras começaram a cair," *Observador*, May 3, 2020, <https://observador.pt/opinioao/as-mascaras-comecaram-a-cair/>.

Portugal on the eve of presidential elections

N.M. Yakovleva

→ Abstract

In 2015, Portugal entered a new political cycle with the main actors being the left-wing parties under the auspices of the Socialist Party and its leader Antonio Costa who took over as prime minister. The author analyzes the results of the socialist government activities carried out with the parliamentary support of the left. The author also studies the electoral process of 2017–2019, the dynamics of strengthening the position of the Socialist Party, and significance of the results of elections to national authorities. The trajectory of the country's membership in the European Union, the history of the results of the European Parliament elections, including the 2019 elections, and the positions of the main political parties are analyzed. In connection with force majeure circumstances arising from the COVID-19 pandemic, the situation in the healthcare system was also studied and a program of the authorities to prevent the spread of coronavirus infection is presented in the article. The author touches upon the economic consequences of the pandemic, especially on those industries that will be most affected – tourism in particular. The article contains a brief forecast of the alignment of political forces on the eve of the presidential elections in 2021. The key is the idea that the pandemic will make possible adjustments in terms of the image and ratings of the country's leaders and other participants in the election race. While presidential election results are usually a foregone conclusion in the event that a current head of state runs for a second term (as it is shown in the brief historical overview leading up to the article), the prime minister's growing leadership can make adjustments to the final outcomes.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-89-100>

Research article

Nailya M. Yakovleva,
PhD (History), Leading
researcher, Center of Political
Studies, Institute of Latin
American Studies, Russian
Academy of Science, Moscow
(Russia)

E-mail:

nel-yakovleva@yandex.ru

For correspondence: 115035,
Russia, Moscow,
B. Ordynka St., 21/16

For citation: Yakovleva N.M.
Portugal on the eve of
presidential elections.
Cuadernos Iberoamericanos 8,
no. 3 (2020): 89–100.
<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-89-100>.

Received: 01.12.2020

Accepted: 30.12.2020

→ Keywords

Portugal, electoral process, Socialist party, pandemic, alignment of forces, presidential election

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Рецензии • Revisión

Каудильизм в Латинской Америке: возвращение после забвения

Н.Ю. Кудеярова<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-101-107>

Кудеярова Надежда Юрьевна, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, Москва (Россия)

E-mail: n.kudeyarova@yandex.ru

Для корреспонденции: 115035, Россия, Москва, ул. Большая Ордынка, 21/16

Для цитирования: Кудеярова Н.Ю. Каудильизм в Латинской Америке: возвращение после забвения. *Иberoамериканские тетради*. 2020, 8(3): 101-107. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-101-107>.

Рецензируемое издание: Дабагян Э.С. Венесуэла: движение по спирали. – М.: ИЛА РАН, 2020. – 76 с.

Материал поступил в редакцию: 30.11.2020

Принят к публикации: 29.12.2020

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

В январе 2020 г. вышло в свет новое исследование известного российского латиноамериканиста Эмиля Суреновича Дабагяна. Эта книга – «Венесуэла: движение по спирали» – стала важным событием, приуроченным к значимой дате – 85-летию ученого. Э.С. Дабагян относится к числу исследователей, составивших научное ядро Института Латинской Америки РАН с первых дней его основания в 1961 г. На протяжении долгих лет магистральной темой исследований Э.С. Дабагяна была Венесуэла. Его труды – монографии и статьи – стали для многих молодых ученых первыми страницами, знакомившими их с этой страной.

Для работ Э.С. Дабагяна характерен объемный взгляд на события. Помимо социальных основ политических процессов, для него чрезвычайно важно понимание роли личности, характеров политических лидеров, находившихся у власти в ключевые моменты современной истории. Сам юбиляр за годы плодотворной работы выработал самобытный стиль подачи материала. Он является активным поклонником живого, актуального жанра политического портрета. Под его пером ожили биографии президента Чили Рикардо Лагоса, уругвайца Табаре Васкеса, первой женщины-президента Чили Мишель Бачелет, аргентинского президента Нестора Киршнера, перуанца Ольянты Умалы, кубинского лидера Рауля Кастро и других знаковых фигур Латинской Америки.

Многолетним центром исследовательского интереса для Э.С. Дабагяна был венесуэльский президент Уго Чавес. Это нашло отражение в биографическом исследовании «Уго Чавес. Политический портрет», изданном в 2005 г. Важной составляющей работ Э.С. Дабагяна был анализ философии «социализма XXI века» – новой платформы социально-экономического развития, нацеленной на устранение многолетнего неравенства в Венесуэле. Но изначальная вера в плодотворность выбранного пути постепенно стала сменяться критическим осмыслением избранных стратегий и имевшихся результатов.

Вышедшая в январе 2020 г. книга по-новому разворачивает широкий пласт политической истории Венесуэлы. Сквозной темой нового издания стал один из специфических феноменов жизни латиноамериканских стран – каудильизм (от испанского слова *caudillo* – вождь). В этом труде сошлись воедино основные научные приемы, отличающие стиль ученого, – исследование личностного аспекта латиноамериканской политики и ретроспективный анализ, позволяющий лучше увидеть истоки современных тенденций.

Книга состоит из восьми глав. В них рассматриваются общие черты каудильизма и особенности его развития. В рецензируемой работе предпринимается анализ нескольких исторических периодов, принципиально важных для понимания политической истории Венесуэлы. Исследование начинается с диктатуры Хуана Висенте Гомеса (1908–1935), проходит через процесс демократизации страны (1946–1952), военно-полицейский режим Маркоса Переса Хименеса (1952–1958), сорокалетний период представительной демократии и завершается обзором практики построения «социализма XXI века» Уго Чавеса (1999–2013) и его преемника Николаса Мадуро (с 2013 г.).

Отправной точкой исследования Э.С. Дабагяна стало рассмотрение авторитаризма как политического режима, основанного на сильной персонализированной власти одного человека или группы лиц. Он отмечает, что в Венесуэле «авторитаризм обрел специфическую форму каудильизма» (с. 7). Это отчасти уже забываемое понятие автор относит к числу сугубо латиноамериканских явлений, которое связано «с выдвиганием на политическую арену сильной личности, пользующейся неограниченной властью в той или иной сфере, ... со временем это понятие превратилось в синоним непререкаемого лидера, безраздельно доминировавшего на определенной территории, а затем расширилось и стало означать авторитарного правителя, подавляющего свое окружение» (с. 7). В авторской постановке одним из основных чаяний автократа становится продление своей власти вне зависимости от законодательных ограничений. Таким образом, речь шла о выстраивании особой системы правления, характеризующейся персонализацией власти.

Обращаясь к этой теме, Э.С. Дабагян напоминает современному читателю основные тезисы работы «Демократический цезаризм» Лауреано Вальенильи Ланса, венесуэльского политического деятеля эпохи Х.В. Гомеса. Как отмечал А.Ф. Шульговский, один из основоположников отечественной школы социально-политических исследований Латинской Америки, единомышленник и старший товарищ Э.С. Дабагяна, книга Вальенильи Ланса стала своего рода «евангелием» не только для диктаторов Венесуэлы, но и для всех латиноамериканских тиранов¹. Основы каудильизма в Венесуэле, по мнению Э.С. Дабагяна, были заложены в период правления диктатора Х.В. Гомеса, характерной чертой которого был ярко выраженный авторитаризм. Начало добычи нефти в 1920-е гг. вело к утрате страной сельского уклада и предвосхищало ее стремительный прыжок в новый индустриальный мир добычи сырья. Сама диктатура Гомеса «теряла свой "патриархальный"» характер, становясь орудием защиты интересов иностранных компаний» (с. 19). С тех пор именно нефть стала влиять на развитие политической философии народа и власти.

Современные исследования отмечают удивительную взаимосвязь нефти и политики, порождающую эффект «ресурсного проклятия». Оно определялось как «совокупность негативных эффектов, проистекающих из обладания той или иной страной естественными богатствами и сказывающихся на ее экономическом, социальном или политическом развитии»². Американский ученый Майкл Росс утверждает, что современ-

1 Шульговский 1967, 109–110.

2 Росс 2019, 36.

ной политической наукой «собраны убедительные доказательства того, что обладание определенным видом природных богатств, прежде всего углеводородным, влечет за собой как минимум три негативных эффекта: оно укрепляет жизнеспособность авторитарных режимов, способствует распространению определенных видов коррупции и повышает конфликтный потенциал стран с низким и средним доходом»¹. При этом в стране со слабыми демократическими традициями наличие нефти ведет к негативным политическим последствиям, укреплению сырьевой зависимости и усилению ее влияния на качество политического и экономического управления. Представляется, что синхронизация во времени диктатуры Гомеса и начала нефтяной эры в Венесуэле заложили основные направления долгосрочного политического развития страны.

Незрелость латиноамериканских демократических режимов столетней давности создавала почву для патерналистского типа взаимодействия между обладавшей властью элитой и остальными слоями общества. Размышления о том, что только мудрый правитель мог покончить с хаосом деятельности политических партий, а чуждая стране англо-саксонская модель демократии вынуждала искать свой путь с учетом исторических особенностей, легли в основу политической философии венесуэльских режимов первой половины XX в. Как следствие, сдерживать стихию анархии и хаоса могла только «сильная личность, вышедшая из народа, но возвышающаяся над ним и устанавливающая авторитарные нормы правления, своего рода «необходимый жандарм», «демократический цезарь» (с. 12). Автор книги приводит цитату из знаковой работы Вальенилы Ланса о том, что «социальный порядок, стабильность, прогресс и экономическое процветание могут быть гарантированы длительным пребыванием у власти влиятельной личности, сознающей нужды народа, устанавливающей мир во всеобщем согласии, личности, которую воля большинства ставит выше принципа сменяемости руководства» (с. 9). Этот характерный для патерналистской объективации образ «несмысленного» народа, желание лишить политической субъектности граждан страны во имя его воображаемого счастья будет не раз воспроизводиться в латиноамериканской истории.

В разговоре о каудильизме важное место занимает вопрос о законодательных основах государства и режима: чем более незыблемы Конституция и электоральные законы, тем меньше вероятность появления персоналистского режима. В противовес устойчивым законодательным основам каудильизм основывается не на силе закона, а на законе силы. Как следствие сопутствующим явлением становится гипертрофированная роль военных, ведь для решения проблем «каудильо прибегает к путчам и переворотам, зачастую именуемым “революциями”» (с. 13).

В Венесуэле ослабление персонализма и шаги в направлении демократизации были сопряжены с выходом на политическую арену партии «Демократическое действие» (Acción Democrática, AD) и ее лидера Помуло Бетанкура. Государственный переворот 18 октября 1945 г., приведший к захвату власти AD, ставил целью «передачу народу его суверенитета». В 1946 г. были проведены выборы, оформившие избирательными процедурами приход к власти новой партии. Однако первый опыт демократизации был неоднозначным. Устоявшаяся политическая культура способствовала усилению роли военных. Начатые реформы спровоцировали сопротивление, что привело к военному перевороту 1952 г. Тем не менее, по мнению Э.С. Дабагыана, «короткий демократический период в развитии Венесуэлы стал школой воспитания широких масс, получивших бесценный опыт» (с. 29).

Во время военно-полицейской диктатуры М. Переса Хименеса (1952–1958) возрождались к жизни ушедшие в недалекую историю патерналистские традиции. Концепция «необходимого жандарма», оправдывавшая террор как средство укрепления

порядка, вновь делала граждан объектом «воспитательных» практик. Восстановление персонализма шло на базе представителей тех же социальных кругов, что и диктатура Х.В. Гомеса. Однако герметичный режим построить не удавалось, «опорой власти стала нефтяная олигархия, тесно связанная с иностранным капиталом и зависящая от нее» (с. 30). Реализация инфраструктурных проектов в строительстве, попытки модернизации системы образования были важны, но не приводили к стабильности режима. Попытка проведения плебисцита привела к провалу и новому военному перевороту.

В своей книге Э.С. Дабагян уделяет внимание важному этапу жизни Венесуэлы, который формально не был связан с заявленной базовой проблемой. Представительная демократия во многом противопоставляется как политическая модель феномену каудильизма. Автор рассматривает поэтапное восстановление демократического режима, деятельность партий и проведение электоральных процедур. Однако глубинные традиции политической культуры невозможно было изменить за короткий срок, ведь основные лидеры оставались носителями этих же норм и правил. Как отмечает автор, «при номинальном соблюдении политического плюрализма на практике существовала двухпартийная модель при доминировании одной партии, что впоследствии породило проблемы, ставшие основной причиной системного кризиса» (с. 36).

Политические традиции стран региона в XX в. стали благодатной почвой для процветания разных форм каудильизма. В какой-то момент могло показаться, что эпоха военных диктатур как «чистой» формы авторитаризма механизировала насилие и существенно изменила каудильизм, фактически убрав его с исторической сцены. Казалось, что последовавшая волна демократизации, охватившая континент в 1980-х гг., оставит в прошлом и авторитарные модели власти¹. Однако во многом именно демократические инструменты стали платформой для оформления новых проявлений каудильизма. Предваряя современные течения «практической политики», Э.С. Дабагян обращается к словам лидера борьбы за независимость Латинской Америки Симона Боливара. Выступая 15 февраля 1819 г. на конгрессе в Ангостуре, он говорил: «Нет ничего опаснее, чем позволить одному и тому же человеку оставаться у власти продолжительное время. Народ привыкает повиноваться, а он привыкает им командовать. Отсюда возникают узурпация и тирания» (с. 17). В XXI в. эпистолярное наследие С. Боливара стало одним из источников разнообразных цитат, а фигура Освободителя – символом противоречивых политических начинаний.

Появление на политической арене группы молодых военных, возглавленных Уго Чавесом, стало ответом на ухудшение экономической ситуации в Венесуэле. Анализ взлета и политической траектории Уго Чавеса становится одной из ключевых частей книги. Автор отмечает, что новый лидер страны оценивал «предшествующие сорок лет демократии потерянными для истории», а принятую тогда (1999 г.) Конституцию «умирающей» (с. 38). Нестабильность базового законодательного уложения страны во многом отражала подверженность политической жизни Венесуэлы персоналистским устремлениям. С 1811 г. в стране были приняты двадцать четыре конституции: за двадцать семь лет диктатуры Х.В. Гомеса их было принято шесть, а во второй половине XX в. – три. Конституция, принятая в 1999 г. и существующая ныне в редакции 2009 г., сменила документ, действовавший с 1961 г. – наибольшее число лет за историю государства. Это был период сложного демократического представительства, просуществовавшего на стабильной конституционной базе. Конституция 1999 г. меняла композицию основных ветвей власти: изменения касались законодательного органа, ставшего однопалатной Национальной ассамблеей; был сделан выбор в пользу непосредственного переизбрания президента и увеличен срок полномочий².

1 Дьякова 2016, 101.

2 Розенталь 2019, 24.

Э.С. Дабагян также рассматривает другой переломный момент жизни Венесуэлы – 2002 г., в течение которого прошла масштабная забастовка персонала нефтяной компании PDVSA, а также попытка отстранения от власти У. Чавеса военным путем. Пutsch провалился, но его последствия отразились на направлении внутренней политики в отношении военных. Вооруженные силы стали одним из важнейших лояльных ресурсов чавистов, обеспечивавших стабильность режима¹. Автор анализирует шаги, постепенно трансформировавшие круг полномочий основных ветвей власти. Он отмечает, что на начальном этапе «особенность политического устройства заключалась в том, что номинально продолжали существовать и функционировать такие институты представительной демократии, как парламент и судебные органы, регулярно проводились выборы всех ветвей власти, легально действовала оппозиция. Но создаваемая система отличалась своеобразием и была нацелена исключительно на выполнение указов и распоряжений первого лица» (с. 44). Бойкот оппозицией парламентских выборов 2005 г. по факту укрепил действовавшую власть. Американский политолог Стивен Левицки обозначил венесуэльский режим как конкурентный авторитаризм (с. 46). Представляется, что для ситуации первой декады века оценка была актуальной, однако дальнейшая траектория развития политического процесса в латиноамериканской стране отошла и от этой, весьма условной формулировки.

Пошаговое изменение базовых законодательных основ ветвей власти усилило зависимость страны от личностных характеристик политического лидера. Апелляция к желаниям народа вновь выдвигала такое специфическое для политического жизни явление, как каудильизм, на авансцену. Замена в общественном дискурсе категории «президент» на «национальный лидер», а электоральной борьбы на «желание народа» – все это выводило отношения власти и граждан за пределы устойчивого конституционного поля. Аргентинский социолог Н. Сересоле писал: «В декабре 1998 г. венесуэльцы избрали не просто президента, а национального лидера. Он должен оставаться на вершине политического Олимпа до тех пор, пока люди не откажут ему в доверии»². Позднее эта политическая философия была развита и углублена самим президентом, заявившим: «Если народ пожелает, то нельзя лишать его права переизбирать любого соотечественника в третий, четвертый, пятый или шестой раз, чтобы тот мог управлять государственным кораблем» (с. 48). Впоследствии этот расшатанный механизм государственного устройства достался в наследство стране после ухода из жизни Уго Чавеса.

В книге значительное место также уделяется правлению Николаса Мадуро. Это объяснимо, поскольку современное течение процессов воспринимается наиболее остро. Подробно рассматривается история противостояния правящего режима и оппозиции, приводятся результаты электоральных кампаний, проходивших с 2013 г. Важной вехой, изменившей отношения власти и оппозиции, стало ухудшение макроэкономической ситуации и падение цен на нефть (с. 55). Изменение глобальной конъюнктуры на углеводородное сырье стало серьезным ударом по стабильности выстроенной социальной модели, но истоки ее проблем лежали во внутреннем пространстве. К их числу автор относит разрушенный государственный аппарат, разбухшую бюрократию, галопирующую инфляцию и ряд других.

В этом ключе значимыми стали шаги, модифицирующие ветви власти, – создание нового органа, Национальной конституционной ассамблеи. Сформированная для фактической замены оппозиционной Национальной ассамблеи, она производила впечатление не только перечнем фактических полномочий, но и принципами формирования ее состава (с. 62). По сути получился квази-сословный орган, где, помимо территориаль-

1 Пятаков 2019, 23.

2 Дабагян 2013, 137.

ных представителей, места получили специальные категории – рабочие, крестьяне и рыбаки, студенты, пенсионеры, посланцы коммунальных советов, бизнесмены и инвалиды.

Автор книги настаивает, что предпринимаемые властью шаги по тактическому переигрыванию оппозиции отражают именно каудильизм ее лидера Н. Мадуро (с. 59). Передача фактических законодательных прав Национальной конституционной ассамблее стала новым витком политического кризиса в стране. В целом описание противостояния между властью и оппозицией демонстрирует разрушение механизма политического диалога. Спираль истории, закручивающаяся вокруг нынешнего положения дел, все активнее подводит к водоразделу, где набор инструментов выхода из сложившейся ситуации стремительно сужается.

В завершение книги Э.С. Дабагян отмечает, что «на протяжении истории Венесуэлы XX – начала XXI в. происходило непрекращающееся острое противостояние двух противоположных моделей – авторитаризма и демократии, которое стало неотъемлемой частью политического процесса» (с. 69). Такое противостояние становится актуальным для многих стран мира. Рассмотрение феномена каудильизма на примере политической истории Венесуэлы дает нам новую оптику для анализа современных авторитарных форм. В период глобальной неопределенности патерналистские модели взаимодействия с гражданами получают новое дыхание и становятся частью политического пространства целого ряда стран. Будем надеяться, что поиск выхода из современных кризисов будет способствовать усложнению общественных структур и созданию прочных законодательных фундаментов дальнейшего развития.

→ Список литературы / References

Дабагян, Э.С. Уго Чавес: штрихи к политическому портрету (1954–2013) // *Новая и новейшая история*. – 2013. – №6. – С. 134–156. [Dabagyan, E.S. "Ugo Chaves: shtrikhi k politicheskomu portretu (1954–2013)" [Hugo Chávez: additions to a political portrait (1954–2013)]. *Modern and Contemporary History* 6 (2013): 134–156.] [In Russian]

Дьякова, Л.В. Проблемы латиноамериканской демократии в интерпретации исследователей // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2016. – №3. – С. 101–109. [D'yakova, L.V. "Problemy latinoamerikanskoi demokratii v interpretatsii issledovatelei" [Problems of Latin American democracy as interpreted by researchers]. *World Economy and International Relations* 3 (2016): 101–109.] [In Russian]

Пятаков, А.Н. Вооруженные силы Венесуэлы: эпоха Уго Чавеса // *Латинская Америка*. – 2019. – №6. – С. 18–38. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0005097-5>. [Pyatakov, A.N. "Vooruzhennyye sily Venesuely: epokha Ugo Chavesa" [The Armed Forces of Venezuela: the age of Hugo Chávez]. *Latinskaya Amerika* 6 (2019): 18–38.] [In Russian]

Розенталь, Д.М. Анатомия политического кризиса в Венесуэле // *Пути к миру и безопасности*. – 2019. – №1 (56). – С. 22–33. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2019-1-22-33>. [Rozenal', D.M. "Anatomiya politicheskogo krizisa v Venesuele" [Anatomy of a political crisis in Venezuela]. *Pathways to Peace and Security* 1 (2019): 22–33.] [In Russian]

Росс, М. Политические аспекты «ресурсного проклятия»: общий обзор // *Неприкосновенный запас*. – 2019. – №4 (126). – С. 35–65. [Ross, M. "Politicheskie aspekty 'resursnogo proklyatiya': obshchii obzor" [The politics of a 'resource curse': a review]. *Neprikosnovennyy zapas* 4 (2019): 35–65.] [In Russian]

Шулговский, А.Ф. Теория «демократического цезаризма» и венесуэльская действительность (социологические заметки) // *Венесуэла: экономика, политика, культура* / отв. ред. С.А. Гонионский. – М.: Наука, 1967. – С. 109–140. [Shul'govskii, A.F. "Teoriya 'demokraticheskogo tsezarizma' i venesuel'skaya deistvitel'nost' (sotsiologicheskie zametki)" [The 'democratic Caesarism' theory and Venezuelan reality (sociological notes)]. In *Venezuela: economy, politics, and culture*, edited by S.A. Gonionskii, 109–140. Moscow: Nauka, 1967.] [In Russian]

Caudillism in Latin America: a comeback from oblivion

N.Y. Kudayarova

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-101-107>

Nadezhda Yu. Kudayarova, Ph.D. (History), Lead Research Scientist, Center of Political Studies, Institute of Latin America, the Russian Academy of Science, Moscow (Russia)

E-mail: n.kudayarova@yandex.ru

For correspondence: 115035, Russia, Moscow, B. Ordynka St., 21/16

For citation: Kudayarova N.Y. Caudillism in Latin America: a comeback from oblivion. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 3 (2020): 101-107. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-101-107>.

Book under review: Dabagyan E.S. Venezuela: moving in a spiral. Moscow: ILA RAS, 2020.

Received: 30.11.2020

Accepted: 29.12.2020

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

• Для авторов

Уважаемые коллеги! Подробная информация о журнале, требованиях к предоставляемым материалам, о редакционной политике и этических принципах доступна на официальном сайте по адресу: www.iberpapers.org. Рекомендуем внимательно ознакомиться с разделом «Прием статей». При оформлении списка литературы обязательно указывайте DOI цитируемых материалов. Подать рукопись статьи на рассмотрение можно через специальную форму на сайте.

Приветствуется указание идентификаторов автора: ПИНЦ Author ID, Scopus Author ID, Researcher ID, ORCID.

Точка зрения авторов, материалы которых публикуются в журнале «Ибероамериканские тетради», может не совпадать с мнением редакции.

→ ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ТЕТРАДИ

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Зарегистрирован

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-78906 от 7 августа 2020 г.

Адрес редакции:

119454, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76

Тел./факс: +7 (495) 225-33-13

E-mail: submissions@iberpapers.org

Оформить подписку на журнал «Ибероамериканские тетради» можно в почтовом отделении по каталогу «Пресса России».

Подписано в печать 09.02.2021.

Формат: 108×70/16. Оффсетная печать. Цена свободная

Объем: 98 уч.-изд. л. Тираж: 200 экз. Заказ № 55.

Издательство ИМИ МГИМО МИД России

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

• Para los autores

¡Estimados colegas!

La información detallada sobre la revista, los lineamientos para los autores, la política editorial y los principios de la ética e integridad académicas están disponibles a través del siguiente enlace: www.iberpapers.org. Recomendamos examinar la sección sobre el envío de los documentos. Al dar formato a la lista de referencias, por favor, indiquen el DOI de los materiales citados. Como parte del envío de un manuscrito para que sea considerado para su publicación, se debe completar un formulario especial que se encuentra en el sitio web oficial de la revista.

Se recomienda a los autores a proporcionar la siguiente información: el ID del autor del Índice de Citación Científica de Rusia, el ID del autor del Scopus, el ID del investigador, ORCID.

El punto de vista de los autores cuyos materiales se publican en la revista «Cuadernos Iberoamericanos» puede no coincidir con la opinión de los editores de la revista.

→ CUADERNOS IBEROAMERICANOS

Fundador:

Instituto Estatal de Relaciones Internacionales de Moscú adjunto al Ministerio de Asuntos Exteriores de la Federación de Rusia (Universidad MGIMO)

Registrado

por el Servicio Federal de Supervisión de las Telecomunicaciones, Tecnologías de la Información y Medios de Comunicación (Roskomnadzor).

Certificado de Registro de Medios de Comunicación ПИ No. FS77-78906 de agosto 7, 2020

Datos de contacto del equipo de redacción:

76, Prospect Vernadskogo, Moscú Rusia, 119454

Tel/Fax: +7 (495) 225-33-13

E-mail: submissions@iberpapers.org

Puede suscribirse a la revista *Cuadernos Iberoamericanos* en la oficina de correos utilizando el catálogo «Prensa de Rusia».

Firmado para imprimir el 09.02.2021.

Formato: 108×70/16. Impresión offset. Prensa libre

Volumen: 9,8 pliegos editoriales. Tiraje: 200 ejemplares

Publicado por el Instituto de Estudios Internacionales de la Universidad MGIMO

76, Prospect Vernadskogo, Moscú, Rusia, 119454

Imprimido en el Departamento de la impresión instantánea y equipamiento de multiplicación de la Universidad MGIMO

76, Prospect Vernadskogo, Moscú, Rusia, 119454

• For authors

Dear colleagues! Detailed information on the journal, guidelines for authors, editorial policy and principles of academic ethics and integrity is available at the following link: www.iberpapers.org. We recommend examining the submission section of the website. When formatting the reference list please indicate DOI of the cited materials. In order to submit a manuscript to be considered for publication please fill in a special form on the official website of the journal.

Authors are encouraged to supply the following indicators: Author ID of the Russian Science Citation Index, Scopus Author ID, Researcher ID, ORCID.

→ IBEROAMERICAN PAPERS

Founder:

Federal State Autonomous Institution of Higher Education
"Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation"

Registered

by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
Mass Media Registration Certificate
ПИ № ФС77–57728 of April 18, 2014

Contacts of the Editorial Staff:

76, Prospect Vernadskogo, Moscow,
Russia, 119454
Ph./fax: +7 (495) 225-33-13
E-mail: submissions@iberpapers.org

You can subscribe to Cuadernos Iberoamericanos at your post office using the «Press of Russia» catalogue.

Signed to print on February 9, 2021.
Format: 108×70/16. Offset printing. Free price
Volume: 98 printer's sheets. Circulation: 200 copies
Published by the Institute for International Studies,
MGIMO University
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Printed in the Department
of Instant Printing and Multiplying Equipment,
MGIMO University
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Марселу Безерра → Marselo Bezerra

Надежда Кудеярова →
Nadezhda Kudeyarova

Мартин Пицци →
Martín Pizzi

Мартин Родригес Оссес →
Martín Rodríguez Ossés

Светлана Русеишвили →
Svetlana Ruseishvili

Маурисио Санторо → Maurício Santoro

Уайлдер Алехандро Санчес →
Wilder Alejandro Sánchez

Петр Яковлев → Petr Yakovlev

Наиля Яковлева → Nailya Yakovleva

ISSN 2658521-9

